

Историческое Копио. Дуб.

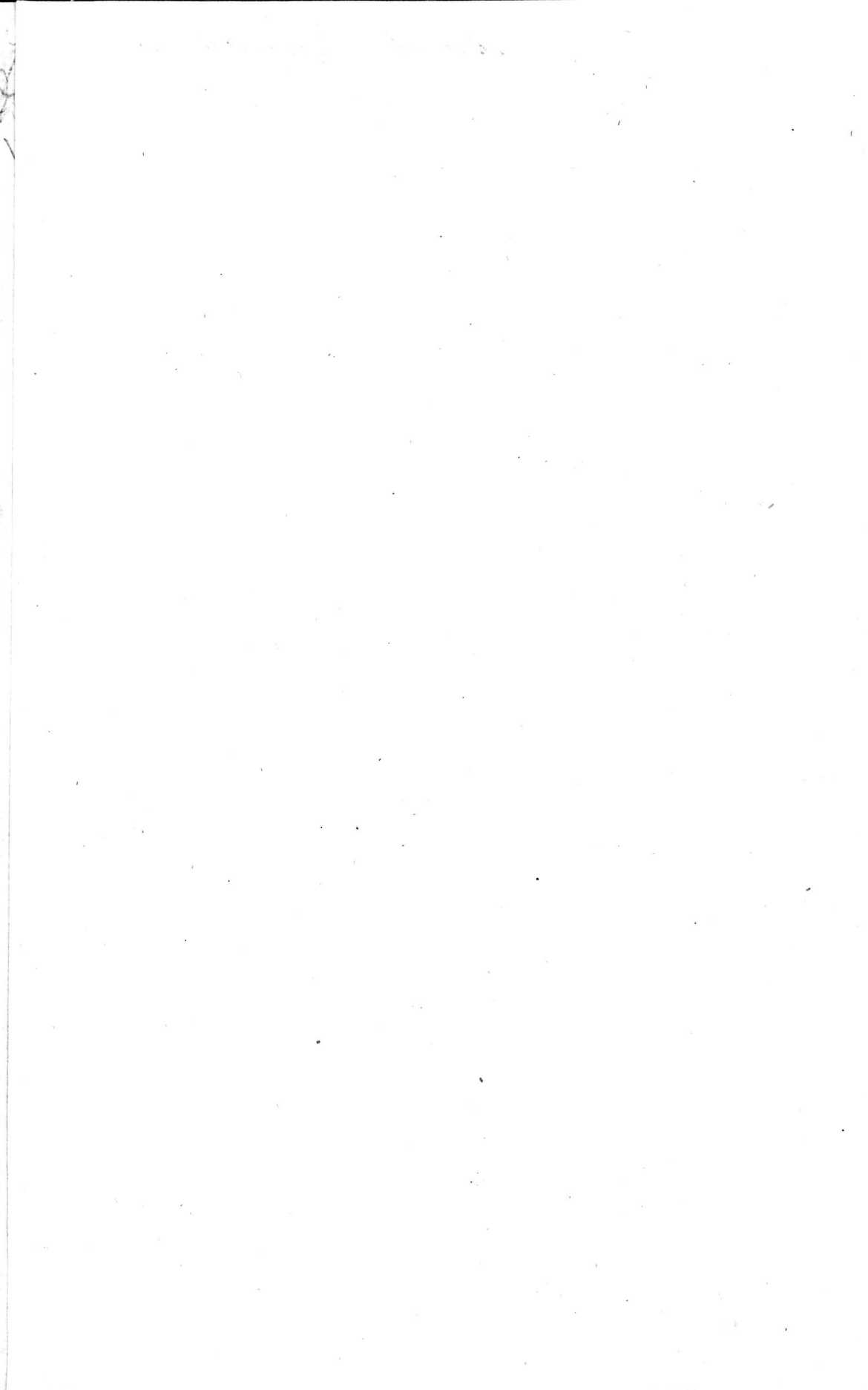
Из книг А.Н.Островского ✓

1/2
1/2

29045

su H. Kumpelen

8

*Глубоко уваженному Александру Николаевичу Соловьеву,
от переводчика.*

в 1 экз.

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ

В. ШЕКСПИРА.

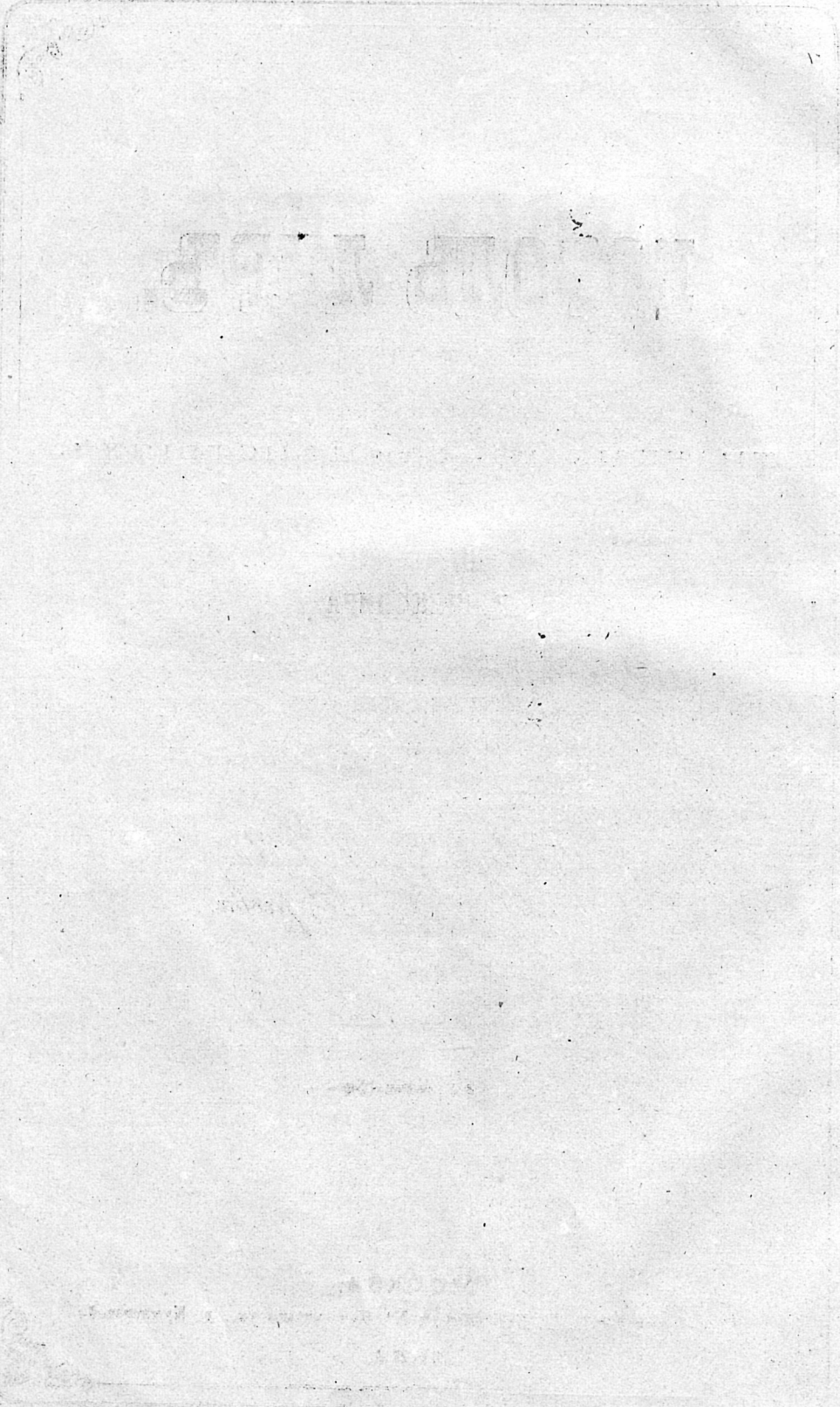
Переводъ С. Юрьева.

МОСКВА.

Типо-Литографія П. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

1882.

или

1939 л

264

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ

В. ШЕКСПИРА.

Переводъ С. Юрѣва.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Шименовская ул., д. Кушнеровой.

1882.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лиръ, король Британіи.

Король Французскій.

Герцогъ Альбанскій.

Герцогъ Корнвалійскій.

Графъ Кентъ.

Графъ Глостеръ.

Эдгаръ, законный сынъ Глостера.

Эдмондъ, побочный сынъ Глостера.

Коранъ, придворный.

Старикъ, ленникъ Глостера.

Лѣкаръ.

Шутъ.

Освальдъ, дворецкій Гонерилы.

Офицеръ, на службѣ у Эдмонда.

Дворянинъ, изъ свиты Корделіи.

Герольдъ.

Слуги герцога Корнвалійскаго.

Гонерила,

Регана,

Корделія,

{ дочери Лира.

Рыцари изъ свиты короля, офицеры, вѣстники, солдаты и слуги.

Мѣсто дѣйствія—Британія.

119345

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена I-я.

Тронная зала во дворцѣ Лира.

(Входятъ Кентъ, Глостеръ и Эдмондъ.)

КЕНТЪ.

Я полагалъ, что король любить герцога Альбанскаго больше, чѣмъ герцога Коривалійскаго.

ГЛОСТЕРЪ.

И намъ такъ всегда казалось; а, вотъ, изъ раздѣла королевства не видно, который изъ герцоговъ дороже для короля. Части назначенныя для каждаго такъ уравновѣшены, что самый внимательный разборъ не въ силахъ опредѣлить, которая изъ нихъ лучше.

КЕНТЪ.

Не вашъ ли это сынъ, мой лордъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Своимъ рожденіемъ онъ мнѣ обязанъ; но я такъ часто краснѣлъ, признаваясь въ этомъ, что совсѣмъ сталъ похожъ на красную мѣдь.

КЕНТЪ.

Не могу васъ понять.

ГЛОСТЕРЪ.

А вотъ мать этого молодчика поняла, округлилась и получила ребенка въ колыбель прежде, чѣмъ законнаго мужа въ свою постель. Вы чуете тутъ проступокъ съ моей стороны?

КЕНТЬ.

Было бы очень жаль, еслибы не было такого проступка, потому что плодъ его такъ хорошъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Но у меня есть сынъ, вполне законный, нѣсколькими годами старше его и котораго я люблю однако не болѣе, чѣмъ этого. Хотя этотъ плутишка выскочилъ на свѣтъ нѣсколько дерзко, прежде, чѣмъ его позвали; но мать его была такъ прекрасна и такое доставляла мнѣ счастье своею любовью, что я вынужденъ былъ признать, что этотъ сынъ грѣха — мой сынъ... Эдмондъ, знаешь ли ты этого благороднаго лорда?

ЭДМОНДЪ.

Нѣтъ, милордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Это — лордъ Кентъ. Не забывай съ этой минуты, что это мой дорогой другъ.

ЭДМОНДЪ.

Я весь къ услугамъ вашимъ, сэръ.

КЕНТЬ.

Я долженъ васъ любить и постараюсь узнать васъ ближе.

ЭДМОНДЪ.

Я постараюсь заслужить ваше вниманіе.

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ былъ въ отлучкѣ девять лѣтъ и теперь уѣзжаетъ скоро. Вотъ и король.

(За сценой трубы. Входятъ: Лиръ, герцоги Корнуалійскій и Альбанскій, Гонерила, Регана, Корделія и свита)

ЛИРЪ.

Графъ Глостеръ, встрѣть властителей Бургундіи и Франціи.

ГЛОСТЕРЪ.

Исполню, повелитель.

(Глостеръ и Эдмондъ уходятъ.)

Лиръ (входитъ на тронъ).

А между тѣмъ предъ всѣми мы объявимъ
Живущее во глубинѣ души
Намѣреніе наше. Карту мнѣ!
Да будетъ вѣдомо: мы на три части
Все наше королевство раздѣлили
И твердое намѣренье приняли,
Страхнувъ съ преклонныхъ нашихъ лѣтъ заботы
И всѣ дѣла, скорѣй ихъ возложить
На силы юныя. Хотимъ мы тихо,
Безъ бремени идти на встрѣчу смерти.
Вы—сынъ нашъ, герцогъ Коривалійскій, вы—
Не менѣе любимый нами сынъ,
Альбанскій герцогъ! Незмѣнной волей
Рѣшили мы для нашихъ дочерей
Приданое предъ всѣми объявить.
Предупредить хотимъ всѣ ссоры мы,
Могущія впередъ легко возникнуть.
Король Французскій и Бургундскій герцогъ—
Два гордые соперника въ любви
Бѣ юнѣйшей нашей дочери—давно
При насъ удержаны ихъ сильной страстью
И ждутъ на предложенье ихъ отвѣта.—
Ну, дочери, скажите-жь,—такъ какъ мы
Хотимъ отъ власти, отъ доходовъ нашихъ,
Отъ тягости правленья отказаться,—
Боторая изъ васъ, желаемъ знать,
Сильнѣйшую любовь питаетъ къ намъ?
Хотимъ, чтобы щедротъ богатство нашихъ
Достойныхъ въ васъ соперниковъ нашло
Въ достоинствѣ себѣ. Ты, Гонерила,
Ты прежде всѣхъ рожденная, начни.

Гонерила.

О, повелитель мой! Не въ силахъ слово
Объять громадность той любви глубокой,
Которую питаю къ вамъ. О, вы
Мнѣ драгоценнѣе, чѣмъ свѣтъ очей,
Пространство и свобода! Безъ сравненья
Вы мнѣ любезнѣй всѣхъ сокровищъ міра,

Всей роскоши вселенной безпредѣльной.
Вы милы мнѣ, какъ жизнь съ ея дарами
Усладъ, здоровья, красоты и чести!
Люблю я васъ, какъ никакая дочь
И никогда любить была не въ силахъ,
Какъ не былъ ни одинъ отецъ любимъ.
Безсилны и дыханіе и слово
Вамъ выразить вполне мою любовь.—
Люблю я васъ безъ мѣры и предѣловъ!

Корделія (въ сторону).

А что-жь Корделии теперь осталось?—
Любить, молчать.

Лиръ (указывая на карту).

Владычицей я ставлю
Тебя отъ этихъ и до тѣхъ предѣловъ.
Твои всѣ эти страны съ ихъ дарами.
Владѣй ты ихъ тѣнистыми лѣсами,
Полями и роскошными лугами,
Рѣками ихъ, несущими богатства.—
Все это за тобой, твоимъ потомствомъ
На вѣчно утверждаю.—Что же скажетъ
Вторая, столь же милая намъ дочь
И герцога Корнвальскаго супруга,
Моя Регана?... Говори, Регана.

РЕГАНА.

Изъ одного металла мы съ сестрой,
Въ ея словахъ собою я люблюсь.
Она изъ сердца моего взяла
Моей любви, король, къ вамъ вѣрный образъ;
Но не вполне онъ ею отчеканенъ.
Я здѣсь открыто объявляю: мнѣ
Противно все, чѣмъ людямъ жизнь мила,—
Всѣ радости и всѣ ея блаженства,—
И счастьемъ единымъ я считаю
Лишь вашего величества любовь.

Корделія (въ сторону).

А если такъ, бѣдна же ты, Корделья...

Да нѣтъ, не то, — нѣтъ. Я не такъ... Я знаю,
Моя любовь сильнѣе громкихъ словъ.

Лиръ.

Тебѣ и роду твоему на вѣки
Треть полную даемъ мы королевства,
Усладами, богатствомъ и пространствомъ
Обильную не менѣй той, что мы
За Гонерилой нашей утвердили
Навѣкъ. (Корделія) Теперь что скажетъ наша радость,
Хоть младшая, но все-жь другихъ не менѣй
Намъ милое дитя! Тебѣ къ услугамъ,
Изъ-за любви твоей враждуя юной,
На-перерывъ спѣшать и вина Франціи,
И млечныя сокровища Бургундіи.
Что скажешь ты, чтобъ получить удѣлъ
Роскошнѣе обоихъ, что на часть
Сестрамъ твоимъ достались?

Корделія.

Ничего,

Мой добрый повелитель!

Лиръ.

Ничего?

Корделія.

Да, ничего.

Лиръ.

Изъ ничего ничто

И выйдетъ. Дочь, Корделія, поправься.

Корделія.

Несчастлива я; мое не можетъ сердце
Перенестися на языкъ. Люблю
Священное величество я ваше,
Какъ долгъ велить, не болѣй и не менѣй.

Лиръ.

Какъ, какъ, Корделія! Поправь немного
Ты рѣчь свою, чтобъ не могла она
Совсѣмъ разрушить счастье твое.

Борделия.

Мой добрый повелитель и отецъ,
Родили вы меня, вы воспитали,
Притомъ любили. Возвращаю вамъ
Все это въ равной мѣрѣ.—Повинуюсь,
Люблю васъ и вполнѣ васъ уважаю...
Къ чему-жь сестрамъ мужья, когда сказали,
Что любить васъ однихъ? Быть-можетъ я
И выйду замужъ; мужъ съ моею клятвой
Возьметъ себѣ и по л-любви моей
И половину всѣхъ заботъ моихъ,
И половину власти надо мной!—
Клянусь, не выйду замужъ, какъ онѣ,
Чтобы любить лишь одного отца!

Лиръ.

И это у тебя изъ сердца все
Исходить?

Борделия.

Да, мой добрый повелитель.

Лиръ.

Такъ молода еще и такъ сурова!

Борделия.

Такъ молода, но съ правдою дружна.

Лиръ (сходитъ съ трона.)

Пусть будетъ такъ. Пусть будетъ и приданымъ
Тебѣ одна лишь эта правда только.—
Клянусь священными лучами солнца
И тайнами Гекаты, мракомъ ночи,
Живущими въ кругахъ свѣтилъ судьбами,
Отъ нихъ же все пріемлетъ жизнь и гибнетъ,—
Здѣсь отрекаюсь отъ заботъ о ней,
Отъ всей любви отца, и здѣсь мой
Съ ней узы, всякое единство крови
Я разрываю.—Сердцу моему
И мнѣ чужда ты будешь навсегда—
Отнынѣ и во вѣкъ!—Какъ Канибалу,

Боторый жретъ своихъ дѣтей голодный,
Открыта грудь моя для состраданья,
Любви и помощи, такъ и тебѣ,
Когда-то бывшей дочерью моей!

Кентъ.

О, добрый повелитель мой!

Лиръ.

Молчать!

Драконъ взбѣшенъ и страшенъ гнѣвъ его, —
Межъ ними не кидайся, Кентъ!... Любилъ
Ее я сильно! — Думалъ лѣтъ остатокъ
Въ ея рукахъ, какъ милого младенца,
Я убаюкать... (Корделия) Прочь, прочь съ глазъ долой!
О, еслибъ такъ же въ гробъ вѣренъ былъ
Покой, какъ вѣрно то, что сердце я
Отъ ней навѣки оторвалъ мое!...
Позвать Француза мнѣ!... Кто смѣетъ медлить?!
Позвать Бургундца!... Герцогъ Коривалийскій
И вы, Альбанскій, завладѣйте оба
Съ наслѣдіемъ двухъ нашихъ дочерей,
А вашихъ милыхъ женъ, и этой третью...
Пусть гордость та, что правдою святой
Она зоветъ, и будетъ мужемъ ей! —
А васъ я облакаю здѣсь во власть,
Въ величіе и блескъ, слѣпящій очи,
Величеству во слѣдъ всегда грядущій!
Себѣ-жь сто слугъ мы оставляемъ только,
А содержанье имъ отъ васъ..., и будемъ
Помѣсячно мы пребыванье наше
Поперемѣнно раздѣлять межъ вами. —
Еще удержимъ имя короля
И всѣ его священнѣйшіе титулы! —
А власть, доходы и правленье — все
Пусть будетъ ваше, дѣти дорогія.
Чтобъ утвердить, возьмите — вотъ корона.
Дѣлите! (Отдаетъ корону.)

Кентъ.

О, мужественный Лиръ,

Кому служилъ всегда я честно, рабаки,
Кого любилъ всегда я, какъ отца,
Кого наставникомъ я чтить и слушалъ,
Кому молился я, какъ божеству...

Лиръ.

Напряжёнъ лукъ... Стрѣла летить... Съ дороги—
Прочь, Кентъ!

Кентъ.

Рази! И пусть твоя стрѣла
Пронзитъ мнѣ сердца глубину... Кентъ дерзокъ,
Когда безуменъ Лиръ... Старикъ несчастный,
Чего желаешь ты? Иль мнишь, что страхъ
Скуеть языкъ у чести и у долга,
Когда предъ лестью подло гнется власть;
Открыта и безъ страха рѣчь у чести,
Когда величество теряетъ умъ!
Перемѣни рѣшеніе, подумай
И овладѣй собой! Останови
Безумную и страшную поспѣшность.
На—жизнь мою, что дочь тебя меньшая
Не менѣй любить, чѣмъ онѣ. Не пусты
Сердца такія! Нѣтъ, не пустота
Къ намъ высылаетъ слабый звукъ.

Лиръ.

Клянусь:

Коль жизньъ тебѣ мила, ни слова болѣ!

Кентъ.

Жизнь берегу, чтобъ бросить лишь врагамъ
Твоимъ и выкупить твою, король!
Бери-жь ее ты смѣло! Можетъ-быть
Она нужна для безопасности
Твоей.

Лиръ (Кенту).

Прочь съ глазъ моихъ!

Кентъ.

Смотри сюда:
Стою недвиженъ, цѣлью для тебя!

Лиръ.

Клянуся Аполлономъ, Кентъ!... *)

Кентъ.

О, Лиръ!

Клянуся тѣмъ же Аполлономъ я,
Безумныя безсилны клятвы богомъ.

Лиръ (кладетъ руку на мечъ).

Безбожникъ, рабъ!

Герцоги Бургундскій и Корнвалійскій.

Король, остановитесь!

Кентъ.

Ну, что-жь?! Убей врага и все отдай
Болѣзни злой твоей. Назадъ, назадъ
Возьми свое ты слово, или я...
Пока дыханье въ горлѣ не изсякнетъ,
Кричать я стану: зло ты сдѣлалъ, Лиръ!

Лиръ.

Послушай, бунтовщикъ, ты, рабъ, послушай:
Замыслилъ дерзко ты заставить насъ
Во прахъ низринуть клятву нашей воли,—
Чего свершить и сами не дерзнемъ,—
Въ безумной гордости всталъ между властью
И волей нашей ты,—чего ни я,
Ни королевскій санъ снести не можемъ,—
Поправилъ дѣло!... Вотъ тебѣ награда:
Пять дней даримъ. Ты въ нихъ вооружися
Противу бурь твоихъ грядущихъ дней,
Въ шестой же день изъ англійскихъ владѣній,
Спиной къ намъ ненавистной обратись,
Бѣги. Но ежели десятый день
На мигъ увидитъ здѣсь твой ликъ опальный,—
Мигъ этотъ будетъ смертию для тебя!

*) Малоне и Стивенсъ полагаютъ, что Шекспиръ заставляетъ Лира потому клясться Аполлономъ, что, по сказанію Жофруа Монмоута, изъ котораго взята сюжетъ для трагедіи, Блэдудъ, отецъ Лира, въ бѣгствѣ изъ своего царства, въ храмѣ Аполлона разбилъ себѣ голову и умеръ, гдѣ и погребенъ. Капище Аполлона стало священнымъ для Лира.

Юпитеромъ клянуса, я сказалъ,
И слово неизмѣнно. Вонъ, исчезни!

Кентъ.

Прощай, король! Когда ты сталъ такимъ,
Изгнанье—здѣсь, свобода—тамъ далеко.
(Корделия) Тебя щитомъ своимъ покроетъ небо!
Какъ солнце, дѣва, сердцемъ ты свѣтла
И рѣчию правдива. Вы-жь... (Реганъ и Гонерилъ) молю,
Чтобы дѣла вѣнчали вашу рѣчь
И чтобъ изъ вашихъ словъ родилось благо.
(Герцогама) Прощается и съ вами, принцы, Кентъ,
Въ далекія страны нести онъ хочетъ
Глубокой бремя старости своей... (Уходитъ).

(Входятъ гр. Глостеръ и съ нимъ король Французскій и герцогъ Бургундскій со свитами.)

Глостеръ.

Король Французскій и Бургундскій герцогъ
Передъ тобою, мощный повелитель.

Лиръ.

Къ тебѣ, во-первыхъ, обращаю рѣчь,
Бургундскій герцогъ. Съ этимъ королемъ
Ты былъ соперникомъ въ любви къ Корделии,
Съ Французскимъ королемъ,—въ какой цѣнѣ
Сойдемся мы, чтобъ ты не отказался
Съ Корделией въ супружество вступить?

Герцогъ Бургундскій.

Лишь дайте то, что обѣщали вы,
А менѣе, я знаю, не дадите.

Лиръ.

Прекрасный, чудно-благородный герцогъ!...
Когда любили мы ее, тогда
Цѣнили высоко; теперь она
Въ цѣнѣ упала. Да. Смотрите: вонъ
Стоитъ она. Угодно завладѣть
Хоть частью маленькой ея фигурки,
Хоть всею ей, съ отцовскимъ только гнѣвомъ,—
Берите, вонъ она къ услугамъ вашимъ.

Герцогъ Бургундскій.

Здѣсь долженъ смолкнуть я.

Лиръ.

Любезный герцогъ,
Хотите-ль нищей, чуждой всѣмъ отнынѣ,
Усыновленной ненавистью нашей,
Проклятіемъ жестокимъ награжденной
И клятвенно отвергнутой отцомъ,—
Хотите-ль вашу жизнь отдать иль нѣтъ?

Герцогъ Бургундскій.

Король, простите: при такихъ условьяхъ
И выбора никакъ не можетъ быть.

Лиръ.

Такъ бросьте же ее, Бургундскій герцогъ!
Клянуся я меня создавшей силой,
Тутъ все ея богатство, больше нѣтъ.
(Королю Франціи) А вы, о драгоцѣнный мой король,
Да не обманетесь своей любовью;
Я не хочу васъ злобно обручать
Съ предметомъ полной ненависти нашей.
Прошу я васъ, любовь свою направьте
На лучший путь,—туда, гдѣ нѣтъ ея,
Нѣтъ той, которую природѣ стыдно
Признать созданіемъ своимъ.

Король Франціи..

Какъ странно!...

Непостижимо, непонятно мнѣ:
Она, предметъ любви, предметъ похвалъ,
Бальзамъ отрадный вашихъ лѣтъ преклонныхъ
И счастье, и радость вашихъ дней...
О, страшное она свершила дѣло,
Когда могла такъ быстро уничтожить
Всю силу вашей къ ней любви, король!...
Нѣтъ, думать такъ о ней не въ силахъ я.
Клянусь, теперь здѣсь чудо совершилось,
Его умомъ постигнуть не могу!

Корделия.

И я прошу васъ, дорогой отецъ, —
Я гибкихъ, масляныхъ рѣчей не знаю,
Которыя скользять, звучать безъ мысли, —
Прошу, скажите всѣмъ, что не злодѣйство,
Не преступленье злое, не убійство,
И не развратъ, и не позоръ лишили
Меня любви и милостей всѣхъ вашихъ,
А скудость лишь въ словахъ... Горжуся ею
И радуюсь, что подло льстить и нищить
Ни рѣчью, ни очами не умѣю,
Хотя и поплатилася за то
Отца любовью!

Лиръ.

Лучше-бъ не родиться,
Чѣмъ пренебречь любовію моею!

Король Франціи.

И только это? Какъ?—Одна природа
Коснѣтъ высказать, чѣмъ сердце полно?...
Бургундскій герцогъ, что отъ васъ услышитъ
Корделия? Любовь ужь не любовь,
Когда она разсчетомъ занята.
Онъ долженъ изгнанъ быть на вѣкъ изъ всѣхъ
Любви владѣній гордыхъ и свободныхъ!
Хотите-ль вы ее имѣть супругой?
Она сама себѣ приданымъ служить.

Герцогъ Бургундскій.

Могучій Лиръ, дадите мнѣ ту часть,
Что прежде обѣщали вы за ней,
И я Корделью назову сейчасъ
Бургундской герцогиней.

Лиръ.

Ничего.

Я влялся и я твердь.

Герцогъ Бургундскій (Корделия).

Такъ жаль мнѣ васъ,

Корделія: лишившись отца,
Вы вмѣстѣ съ нимъ лишаетесь супруга.

Корделія.

Да будетъ съ вами миръ, Бургундскій герцогъ!
Когда любовь у васъ—одинъ расчетъ,
Я не хочу супругой вашей быть.

Король Франціи.

Прекрасная Корделія, бѣдна,
Но ихъ богаче ты! Ты брошена,
Но драгоценна мнѣ. Въ презрѣнны ты,
За то сильнѣй любима мной. Тебя
И добродѣтели твои беру,
Съ тобой я ихъ отсюда увожу.—
Что бросили ошибочно другіе,
Гордясь, законно поднимаю я.
Не диво-ль? Хладная ея безпечность
Зажгла любовь огнемъ боготворенья!
Дочь безприданницу твою, король,
На произволь здѣсь брошенную мной,
Владычицей я ставлю надъ собой,
Надъ Франціей прекрасной и надъ всѣмъ
Ея народомъ гордымъ, благороднымъ!
Всѣмъ герцогамъ болотистой Бургунди
Безцѣнную дѣвицу не купить!
Корделія моя, простись теперь
Съ враждебными мѣстами для тебя!
Теряй здѣсь все, чтобы въ отчизнѣ новой
И счастьемъ, и славой заблистать!

Лиръ.

Она твоя. Возьми ее, король!
У насъ не будетъ дочери такой,
И ненавистнаго ея лица
Мы больше не увидимъ. Отрѣшенной
На вѣкъ отъ насъ, отъ отческой любви,
Ей нѣтъ уже на жизнь благословенья! (Герцогу Бургундскому)
Пойдемте съ нами, благородный герцогъ!

(Трубы. Уходятъ: Лиръ, герцоги: Бургундскій, Корнвалійскій и Альбанскій, и Глостеръ, и свита.)

Король французскій.

Корделия, простиись съ сестрами.

Корделия.

Вы—

Два камня драгоценные отца,
Корделия, слезами обливаясь,
Вамъ говорить: прости. О, знаю я,
Что вы на самомъ дѣлѣ. Какъ сестрѣ,
Мнѣ тяжело, противно, говорить
О недостаткахъ вашихъ... О, покойте
Вы дряхлаго отца! Я поручаю
Его любви краснорѣчивой вашей...
Я лучше-бъ дорогаго сберегла,
Когда-бъ его любви не потеряла...
Объимъ вамъ я говорю: прости.

Гонерила.

Избавьте, просимъ, насъ отъ приказаній.

Регана.

Подумайте вы сами хорошенько,
Какъ вашему супругу угодить,
Который принялъ васъ, какъ счастья даръ.—
Не очень любите повиноваться.
Приобрѣсти здѣсь многое могли,
Но сами глупо потеряли все!

Корделия.

Развернуть время свернутую кожу,
Въ которой, ловко завернувшись, скрылось
Коварство гнусное, и простота
Надъ хитростью такую посмѣется!
Желаю счастья вамъ.

Король французскій.

Пойдемъ отсюда,

Прекрасная Корделия, пойдемъ. (Корделия и король французскій уходятъ.)

ГОНЕРИЛА.

Сестра, мнѣ нужно поговорить съ тобой о дѣлѣ немаловажномъ, близко насъ касающемся. Я думаю, отецъ уѣдетъ сегодня же ночью.

РЕГАНА.

И къ вамъ, навѣрно, а на слѣдующій мѣсяць къ намъ.

ГОНЕРИЛА.

Видишь, какъ онъ на старости сталъ переменчивъ. Мы сейчасъ были свидѣтельницами его бѣшенства. Онъ постоянно болѣе чѣмъ насъ любилъ Корделию, а какъ безразсудно отбросилъ ее отъ себя. Это ужъ видается въ глаза.

РЕГАНА.

Старческая болѣзнь. Да, впрочемъ, онъ и никогда не владелъ собой.

ГОНЕРИЛА.

Правда, и въ лучшіе свои годы былъ онъ такъ же капризенъ и быстро измѣнчивъ.—Придется намъ теперь не только вытерпѣть много отъ этой закоренѣлой въ немъ дури, но и порядкомъ пострадать отъ необузданно-злыхъ его вспышекъ, неразумныхъ съ болѣзненною раздражительностью старости.

РЕГАНА.

Конечно, и надъ нами можетъ разразиться такая же пологая вспышка, какъ сейчасъ кончившаяся изгнаніемъ Кента.

ГОНЕРИЛА.

И кромѣ того прощаніемъ съ королемъ Французскимъ... Прощу тебя, сговоримся. Если при такомъ состояніи отца власть останется у него въ рукахъ, такъ изъ его награды выйдетъ одно только намъ горе.

РЕГАНА.

Мы подумаемъ объ этомъ.

ГОНЕРИЛА.

Надо ковать желѣзо, пока горячо. (Уходитъ.)

Сцена II.

Зала въ замкѣ графа Глостера.
(Входитъ Эдмондъ съ письмомъ).

Природа, только ты мнѣ—божество,
Твоимъ законамъ только повинуюсь.
Зачѣмъ бы сталъ терпѣть я злыя муки,
Обычаямъ смиренно подчиняюсь?
Ограбить ли меня народовъ бредня,
И только потому, что раньше брата,
Однимъ лишь годомъ, вышелъ я на свѣтъ?
Да чѣмъ же незаконенъ я? И чѣмъ
Мое рожденіе не честно, чѣмъ?
Не такъ же-ль благородно-гордъ мой духъ?
Не такъ же-ль правильны черты лица?
Не такъ же ли красивъ мой станъ и строень,
Какъ самого законнаго сына
Наизаконнѣйшей супруги въ мірѣ?
Клеймятъ меня названьемъ «незаконный»,
Зовутъ безчестнымъ, именуютъ даже
И подлымъ!... Подлымъ?... По какому праву?
Да не въ восторгѣ-ль смѣло я похищенъ
У матери природы, въ то мгновенье,
Когда среди разгара пылкой страсти
Дарится намъ, излюбленнымъ твореньямъ,
Такое силъ, огня, ума богатство,
Какого и не знать тѣмъ пошлягамъ,
Что создаются въ скупѣ брачныхъ узъ,
Безъ наслажденія, лѣниво, вяло,
Въ туманахъ между бдѣніемъ и сномъ?—
Желаю здравствовать, Эдгаръ законный!
Твоя земля моею быть должна:
Отецъ и незаконнаго Эдмонда
Не менѣй любить, чѣмъ законнаго,
Тебя... А ловкое словцо: законный!
А ну-ка, мой законный: вотъ письмо.
Когда имъ мѣтко попаду я въ цѣль
И планъ удался мой, такъ незаконный
Законнаго подъ пятку... Вырастаю
И жизнь моя роскошно разцвѣтаетъ.
О, боги, незаконнымъ помогайте!

ГЛОСТЕРЪ (входитъ).

Ну, вотъ, Кентъ изгнанъ и король Французскій
Отсюда въ гнѣвъ удалился. Въ полночь
Уѣхалъ Лиръ,—отъ власти отказался...
Лишь содержать себя велѣлъ. И какъ
Все это быстро и неожиданно, а?...
Эдмондъ!... Ну, что, что новаго, скажи?

Эдмондъ (старался скрыть письмо).

Ничего, мой лордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Что это ты такъ старательно хочешь спрятать?

Эдмондъ.

Я не знаю никакой новости, милордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Что ты читалъ сейчасъ?

Эдмондъ.

Ничего, мой лордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ничего?... А зачѣмъ понадобилась эта удивительная поспѣшность, съ какою ты опустилъ что-то въ карманъ? Ничего нечего и прятать. Ну-ну, покажи. Если это—ничто, такъ и очки мнѣ не понадобятся.

Эдмондъ.

Прошу васъ, сэръ, простите мнѣ. Это—письмо моего брата. Я еще не дочиталъ его до конца, но изъ того, что успѣлъ прочесть, я вижу, что оно не должно быть открыто для вашихъ глазъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Подайте мнѣ письмо, сэръ!

Эдмондъ.

Отдамъ ли вамъ его, или не отдамъ, во всякомъ случаѣ оскорблю васъ. Содержаніе письма, насколько я понимаю его, заслуживаетъ порицанія.

ГЛОСТЕРЬ.

Покажи, покажи!

ЭДМОНДЪ.

Я надѣюсь,—въ оправданіе брата,—что онъ хотѣлъ только испытать или обнаружить мою честность.

ГЛОСТЕРЬ (читаетъ).

«Этотъ установленный обычай,—я разумѣю уваженіе къ старикамъ,—отравляетъ горечью лучшіе наши годы, отнимаетъ у насъ всю роскошь жизни до той поры, когда настанетъ старость и лишитъ насъ самыхъ пожеланій. Я начинаю почитать глупымъ и слабодушнымъ рабствомъ сносить деспотизмъ сѣдовласыхъ тирановъ, которые господствуютъ надъ нами не потому, что за ними сила, а потому только, что ихъ терпятъ. Приходи ко мнѣ; я могу прибавить къ этому многое. Еслибы нашъ отецъ не просыпался, пока я его не разбужу, ты бы постоянно сталъ получать половину его доходовъ, наслаждался ею и зажилъ бы любимымъ братомъ твоего Эдгара...» Гм... заговоръ!... «Еслибы отецъ не просыпался, пока я не разбужу его...», «наслаждаться половиною его доходовъ...» Сынъ мой Эдгаръ!... И нашлась у него рука написать это... и сердце и умъ породить такое?!... Когда ты получилъ это? Кто принесъ?

ЭДМОНДЪ.

Никто не приносилъ, сэръ. Въ этомъ-то и ловкость вся. Письмо было брошено ко мнѣ въ форточку окошка.

ГЛОСТЕРЬ.

И ты увѣренъ, что это писалъ твой братъ, что это его рука?

ЭДМОНДЪ.

Еслибы содержаніе письма было хорошо, я бы поглялся; что это онъ писалъ; но не честно думать, что это его рука.

ГЛОСТЕРЬ.

Его, его!

ЭДМОНДЪ.

Его, милордъ; но я надѣюсь, что сердце его чуждо такому содержанію.

Глостеръ.

Не старался ли онъ прежде узнать твое мнѣніе по этому дѣлу?

Эдмондъ.

Никогда, сэръ. Но я довольно часто слышалъ, какъ онъ утверждалъ, что когда сыновья достигнуть совершенныхъ лѣтъ, а отцы состарѣются, такъ было бы справедливо отдавать отцовъ подъ опеку ихъ сыновьямъ съ правомъ послѣднихъ распоряжаться доходами первыхъ.

Глостеръ.

О, мерзавецъ, мерзавецъ!... Это самое мнѣніе высказываетъ и письмо. Ужасный негодай!... Неестественный, ненавистный, звѣрскій негодай!... Хуже чѣмъ звѣрь!... Иди и отыщи его! Я замуравлю его!... Отвратительный негодай!... Гдѣ онъ?

Эдмондъ.

Не знаю навѣрно, мой лордъ. Я бы васъ просилъ немного смягчить ваше негодованіе на моего брата, пока я не доставлю вамъ возможности лучше узнать его намѣренія; тогда бы вы пошли вѣрнымъ путемъ. Если поступите съ нимъ жестоко, то, въ случаѣ ошибки относительно его намѣреній, вы пораните вашу собственную честь и разорвете на части самое сердце его покорности къ вамъ. Загладываю жизнь мою за него; ручаюсь, что все это написалъ онъ для того, чтобъ испытать мою привязанность къ вамъ, и что во всемъ этомъ не было и тѣни опасности.

Глостеръ.

Ты думаешь такъ?

Эдмондъ.

Если найдете мое предложеніе удобнымъ, я помѣщу васъ тамъ, гдѣ вы услышите мой разговоръ съ нимъ и собственные ваши уши убѣдятъ васъ, въ чемъ нужно, безъ дальнѣйшаго отлагательства, сегодня же вечеромъ.

Глостеръ.

Онъ не можетъ быть такимъ чудовищемъ.

Эдмондъ.

Конечно, безъ сомнѣнья, онъ не таковъ.

ГЛОСТЕРЬ.

И на своего отца, который такъ нѣжно и безгранично его любилъ!... Небо и земля!... Эдмондъ, сыщи его. Дай мнѣ проникнуть въ его душу. Прошу тебя, устрой все это, какъ знаешь. Я готовъ пожертвовать собой, чтобъ узнать всю правду.

Эдмондъ.

Я отыщу его и, какъ только найду возможность устроить дѣло, тотчасъ извѣщу васъ.

ГЛОСТЕРЬ.

Не доброе приносятъ намъ послѣднія затмѣнія луны и солнца. Хоть мудрость человѣческая и знаніе природы объясняютъ ихъ и такъ, и этакъ, а все же послѣдствія такихъ явленій бичуютъ природу. Охлаждаетъ любовь, слабѣетъ дружба, братья враждуютъ между собою, въ городахъ бунты, въ деревняхъ раздоры, во дворцахъ предательства и лопается связь между сыномъ и отцомъ!—А мой-то негодяй какъ разъ и угодилъ подъ эти предзнаменованья!... Вотъ сынъ противъ отца, а вотъ и король пошелъ противъ естественныхъ чувствъ: отецъ отрекся отъ своего дитяти. Мы видѣли лучшія времена! Приски, коварство, обманъ и губительныя смуты будутъ теперь слѣдовать за нами и тревожить до самыхъ нашихъ могилъ.—Найди ты этого негодяя, Эдмондъ! Тебѣ отъ того дурно не будетъ,—похлопочи... И благородный, вѣрный Кентъ изгнанъ! Вина его — честность...
(Уходитъ.)

Эдмондъ.

Ну, не великолѣпное ли безуміе живетъ въ этомъ мірѣ: какъ только захвораетъ наше счастье (и большею частью отъ нашихъ собственныхъ излишествъ), тотчасъ валимъ всю вину въ этомъ на солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Мерзавцы мы—въ силу необходимости, дураки—по принужденію надзвѣздныхъ силъ, плуты, обманщики—по волѣ небснаго свода, пьяницы, лгуны, развратники—по неодолимому принужденію планетами, какъ будто все злое въ насъ лишь исполненіе воли боговъ. Славная увертка для героя непотребствъ свалить всѣ свои козлиныя, животныя наклонности на звѣзды!... Сблизился мой отецъ съ моею матерью подъ хвостомъ дракона, а я родился подъ большой медвѣдницей,—вотъ отъ того и грубъ я, и сладострастенъ. Какъ бы не

такъ! Еслибъ и самая дѣвственная звѣзда блистала на небо-склонѣ при моемъ незаконномъ рожденіи, тѣмъ же бы я былъ, что и теперь... Эдгаръ! (Входитъ Эдгаръ.) И какъ кстати онъ пришелъ, точно катастрофа въ старой комедіи. Моя роль въ ней—плутовское раздумье съ небольшимъ вздохомъ Тома изъ Бедлама.—Да, эти затмѣнія предвѣщаютъ раздоры. Фа, соль, ля, ми.

Эдгаръ.

Что такое, братъ? Что погрузило тебя въ такое глубокое раздумье?

Эдмондъ.

Размышляю о предсказаніяхъ, которыя я прочелъ на дняхъ, о послѣдствіяхъ этихъ затмѣній.

Эдгаръ.

Можешь ли ты этимъ заниматься?

Эдмондъ.

Увѣряю, что предсказанія сочинителя книги сбываются къ несчастію: неестественныя отношенія между сыновьями и отцами, моръ, неурожай, разрушеніе старой дружбы, раздоры въ государствѣ, угрозы и проклятія королю и дворянству, ничѣмъ не вызванная подозрительность, изгнаніе друзей, разбродъ войска, брачная невѣрность и мало ли еще что...

Эдгаръ.

Съ какихъ же поръ поступилъ ты въ секту астрологовъ?

Эдмондъ.

Оставимъ это. Давно ли ты видѣлъ отца?

Эдгаръ.

Вчера вечеромъ.

Эдмондъ.

Говорилъ ты съ нимъ?

Эдгаръ.

Какъ же. Часа два сряду.

Эдмондъ.

И хорошо вы разстались?... Не замѣтилъ ты въ словахъ его иль въ обращеніи съ тобою неудовольствія на тебя?

Эдгаръ.

Нисколько.

Эдмондъ.

Припомни: не оскорбилъ ли ты его чѣмъ?... Прошу тебя, не попадайся ему на глаза, по крайней мѣрѣ, пока не пройдетъ первый пылъ его гнѣва, который овладѣлъ имъ такъ, что не смягчить его даже никакое несчастье съ тобой.

Эдгаръ.

Какой-нибудь мерзавецъ нагаль на меня.

Эдмондъ.

И я этого боюсь. Умоляю тебя, будь постоянно на-сторожѣ, пока не ослабѣетъ бѣшенство его ярости. Иди въ мою комнату. Тамъ я такъ устрою, что ты услышишь все, что говоритъ отецъ. Прошу тебя, уходи. Вотъ ключъ. А если тебѣ нужно будетъ выйти, выходи съ оружіемъ.

Эдгаръ.

Съ оружіемъ, братъ?

Эдмондъ.

Братъ, совѣтую!... Такъ будетъ лучше. Не будь я честнымъ человѣкомъ, если что-нибудь доброе ждетъ тебя. Я рассказалъ, что видѣлъ и слышалъ, и то только въ слабомъ очеркѣ. Все это еще далеко отъ настоящихъ ужасовъ. Умоляю, уходи.

Эдгаръ.

А скоро я тебя опять увижу?

Эдмондъ.

Устрою дѣло я твое. (Эдгаръ уходитъ.) Отецъ
Мой легковѣрный! Благородный братъ,
Который такъ душой далекъ отъ зла,
Что нѣтъ въ немъ даже тѣни подозрѣнья!—
Ослиную ихъ честь легко взнудать
И, осѣлавъ ее, нестися къ цѣли.

Открыто дѣло все передо мной,
Какъ на ладони!—Если не рождениемъ,
Такъ хитростью добуду я богатство.—
Пригодно все, что въ руки мнѣ дается! (Уходитъ.)

Сцена III.

Комната во дворцѣ герцога Альбанскаго.
(Входятъ: Гонерила и Освальдъ, ея дворецкій.)

ГОНЕРИЛА.

И король прибилъ моего дворянина за то, что тотъ выбранъ
имъ его шута?

Освальдъ.

Такъ точно, герцогиня.

ГОНЕРИЛА.

Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя намъ
И каждый часъ какой-нибудь да взрывъ
Его капризовъ вздорныхъ, дико-грубыхъ!
Я этого терпѣть не буду больше.
Часъ отъ часу дерзчѣе его слуги,
И самъ насъ непрерывно мучить сталъ
Изъ пустяковъ. Когда вернется онъ
Съ охоты, съ нимъ не стану говорить.
Не выйду. Спросить,—скажете: больна.
Да сбавьте съ прежняго къ нему усердья.
Не дурно будетъ. Я за васъ въ отвѣтъ.

Освальдъ.

Вотъ онъ идетъ,—я слышу, герцогиня.

ГОНЕРИЛА.

И будьте съ нимъ небрежны, какъ хотите,
И ты, и всѣ товарищи твои.
Хочу, чтобы дошло до объясненій.—
А не по вкусу будетъ, такъ ступай ?
Бъ сестрѣ. Мы одного съ ней духа,—знаю.
И помыкать собой она не дастъ.—
О, глупый ты старикъ, тебѣ-бъ хотѣлось
Еще все прежней пользоваться властью,

Тогда какъ самъ ее ты съ-дуру отдашь.
Клянусь моею жизнью, старики
Становятся дѣтьми; и тамъ, гдѣ ласкъ
Они не понимаютъ, строгость, строгость
Необходима съ ними. Помни все,
Что я сказала.

Освальдъ.

Вѣрьте, герцогиня,
Исполню все.

Гонерила.

Со свитою его
Какъ только можно, будьте холоднѣй.
Что-бъ изъ того ни вышло,—не смущайтесь.
Все объясни товарищамъ твоимъ.
Себѣ доставить случай я хочу,
Чтобъ на-чистую объяснитьсь съ нимъ.
Я напишу сестрѣ, чтобъ и она
Моей дорогой шла.—Готовъ обѣдъ.

Сцена IV.

Зала во дворцѣ герцога Альбанскаго.
(Входитъ Кентъ переодѣтый.)

Кентъ.

Когда теперь удастся мнѣ вполнѣ
Заговорить такъ голосомъ чужимъ,
Что рѣчь моя измѣнится совсѣмъ,
Тогда подъ чуждымъ мнѣ нарядомъ
Достигну цѣли доброй и желанной...
Ну, вотъ, Кентъ изгнанный!—Когда сумѣешь
Тамъ службу взять, гдѣ былъ ты осужденъ,—
Да будетъ долгъ исполненъ до конца,—
Найдешь тебя возлюбленный король
Безъ усталы готовымъ на работу.

(Входитъ Лиръ окруженный свитой.)

Лиръ.

Обѣдать, обѣдать!... Не хочу ждать ни единой минуты!...
Чтобъ тотчасъ было все готово!—(Кенту) Ты кто?

КЕНТЬ.

Человѣкъ, сэръ.

Лиръ.

Человѣкъ, человѣкъ!... Я хочу знать, что ты за человѣкъ? Что тебѣ надо?

КЕНТЬ.

Я тотъ, кто не умѣетъ притворяться: каковъ съ виду, таковъ и на дѣлѣ. Служу вѣрно тому, кто мнѣ довѣряется. Люблю только честныхъ людей и наслаждаюсь бесѣдой мудрыхъ. Мало говорю, а больше слушаю. Боюсь судовъ. Вступаю въ ссору и дерусь только въ крайней необходимости и не пощусь *).

Лиръ.

Но кто же ты?

КЕНТЬ.

По-истинѣ добрый и честный человѣкъ и такой же бѣднякъ, какъ и здѣшній король.

Лиръ.

Если ты такъ же бѣденъ среди подданныхъ, какъ здѣшній король среди королей, такъ ты не богатъ. Чего же ты ищешь здѣсь?

КЕНТЬ.

Службы.

Лиръ.

Кому же ты хочешь служить?

КЕНТЬ.

Вамъ.

Лиръ.

Да развѣ ты меня знаешь?

КЕНТЬ.

Нѣтъ, но я вижу въ васъ нѣчто, что возбуждаетъ во мнѣ желаніе назвать васъ моимъ повелителемъ.

*) Собственно „не ѣмъ рыбы“. *Стивенсъ* при этомъ замѣчаетъ, что при королевѣ Елизаветѣ паписты почитались врагами королевы. Не ѣсть рыбы, не поститься—значило не быть папистомъ, а быть протестантомъ, приверженцемъ королевы.

Лиръ.

Что же ты видишь во мнѣ?

Кентъ.

Величіе властелина.

Лиръ.

На какую службу считаешь ты себя годнымъ?

Кентъ.

Я способенъ твердо хранить ввѣренную мнѣ честную тайну. И пѣшкомъ, и на конѣ я равно неутомимъ. Я не умѣю подстрекать любопытство, не мастеръ болтать, могу испортить, опозилить любой остроумный разговоръ, если вздумаю передавать его моими словами; но исполняю всякое порученіе просто, толково и точно. Я годенъ на все, на что способенъ простой человѣкъ, а главное мое достоинство—усердіе.

Лиръ.

А сколько тебѣ лѣтъ?

Кентъ.

Я не настолько молодъ, чтобы влюбиться въ женщину ради ея голоса, и не настолько старъ, чтобы любовь превратила меня въ глупаго шута. На моихъ плечахъ 48 лѣтъ.

Лиръ.

Оставайся у меня. Если ты мнѣ послѣ обѣда такъ же поправишься, какъ и теперь, такъ будешь у меня служить. Обѣдать!... Эй, обѣдать!... Что же мнѣ не даютъ обѣдать?! А гдѣ мой дуракъ?... (Кенту) Поди и отыщи моего шута! (Дворецкому, который проходитъ) Эй, ты, стой! Гдѣ моя дочь?

Освальдъ (проходя).

Извините... (Уходитъ.)

Лиръ (одному изъ своей свиты).

Что онъ сказалъ? Воротить грубіяна! (Одинъ изъ рыцарей уходитъ.) Гдѣ мой шутъ? Эй, заснули, что ли? Я спрашиваю: куда ушелъ и что сказалъ дерзкій выродокъ?

Рыцарь (возвращаясь).

Онъ сказалъ, государь, что дочь ваша нездорова.

Лиръ.

А почему этотъ подлый рабъ не воротился, когда я приказалъ ему?

Рыцарь.

Онъ прямо объявилъ, что «не хочетъ воротиться».

Лиръ.

Онъ не хочетъ, не хочетъ?!

Рыцарь.

Не знаю, государь, какая причина тому, но я замѣчаю, что обходятся съ вами не такъ, какъ прежде. Нѣтъ уже той предупредительной вѣжливости, которую вамъ оказывали. Любовь и усердіе, какими вы были окружены, очень охладѣли и эта перемѣна замѣчается въ обращеніи съ вами какъ герцога и его супруги, вашей дочери, такъ и всѣхъ ихъ слугъ.

Лиръ.

Гм... И ты думаешь такъ?

Рыцарь.

Простите, государь, если я ошибаюсь. Мнѣ долгъ повелѣваетъ говорить такъ, когда я вижу, что оскорбляютъ ваше величество.

Лиръ.

Ты высказываешь только то, что уже давно сидитъ у меня въ головѣ. Я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю самъ какую-то, впрочемъ слабую, небрежность въ отношеніи меня. Но я скорѣе бранилъ себя, приписывалъ это моей собственной ревнивой взыскательности, чѣмъ преднамѣренной холодности въ обращеніи со мной. Теперь я буду внимателенъ... Да гдѣ же мой шутъ? Вотъ уже два дня какъ я его не видалъ.

Рыцарь.

Съ тѣхъ поръ, какъ молодая наша госпожа, ваша младшая дочь, уѣхала во Францію, шутъ вашего величества совсѣмъ истомился тоской.

Лиръ.

Оставимъ это. Я самъ все это замѣтилъ хорошо. Поди и скажи дочери, что я хочу ее видѣть. Позови и шута. (Дворец-

вѣй появляется.) А, ты пришелъ, дружище? Поди-ка сюда. Ты знаешь ли, кто я?

Освальдъ.

Отецъ моей госпожи.

Лиръ.

Какъ, отецъ твоей госпожи и—только?! Неотребная собака, холопъ, дворняжка!

Освальдъ.

Нѣтъ, ужь пожалуйста, я ни то, ни другое.

Лиръ.

И ты смѣешь смотрѣть такъ дерзко мнѣ въ глаза?! (Бьетъ его.)

Освальдъ.

Я не позволю себя бить.

Кентъ.

И подшибить тебя, и швырнуть, какъ негодный мячъ...

(Бросаетъ его на землю и бьетъ.)

Лиръ.

Благодарю, другъ,—хорошо служишь. Я буду любить тебя.

Кентъ.

Ну, вставай! Вонъ отсюда! Я научу тебя вести себя. Пошелъ, пошелъ, если не хочешь еще помѣрять собой этого пола. Пошелъ, пошелъ! Впередъ будь умнѣй. Ну, ну, вотъ такъ!... (Выгаликиваетъ его.)

Лиръ.

Славно. Добрый слуга!... Не слуга, а другъ.—Благодарю, благодарю.

Шутъ (входить).

Постойте, постойте, дайте и мнѣ подгунить его. Вотъ тебѣ моя дурацкая шапка.

Лиръ.

Что это значить, дружище? Зачѣмъ это?

Шутъ (Кенту).

А хорошо бы тебѣ надѣть мою шапку.

Кентъ.

Это почему?

Шутъ.

Какъ почему? Да вѣдь ты связался съ тѣмъ, кто понагъ въ великую немилость. Противъ вѣтра идти—насморгъ схватить. Знай - бери мою шапку. Видишь, этотъ молодецъ выгналъ двухъ своихъ дочерей, а третью — не хотѣлъ, а наградилъ. Съ нимъ остаться—быть тебѣ въ дурацкомъ колпакѣ. А?... Какъ поживаешь, дядюшка? Хорошо, когда бы у меня было два дурацкихъ колпака, да двѣ дочери?

Лиръ.

Зачѣмъ они тебѣ?

Шутъ.

Дочерямъ бы я отдалъ все, а себѣ бы оставилъ два колпака. Одинъ ужъ есть у меня, а другой попроси у дочерей.

Лиръ.

Смотри, дуракъ... Видишь вотъ эту плетку?

Шутъ.

Правда—дворяжка; плетью ее, плетью: ступай въ холодную конуру, а неправда—комнатная собачка, хоть и больно кусается и ни къ чему негодна, а знай себѣ нѣжится въ теплѣ да въ холѣ, точно дворянка.

Лиръ.

Ты ядовитъ и золь, дуракъ!

Шутъ.

Я знаю кое-какія поговорки, дядя; хочешь послушать?

Лиръ.

Ну, ну!

Шутъ.

Запомни хорошенько:

Своей казной не щеголай,
А крѣпче скрыню запирай.
Не много болтай,
А больше смѣжай.

Взаймы ты давай,
Себѣ-жь оставляй.
И пѣшь не ходи,
Коня заводи.
Учись, а не вѣрь *),
Умомъ своимъ мѣрь.
И споръ ты да смѣйся,
Въ закладъ же не бейся.
Скорѣй брось гудокъ,
Копи свой домокъ.
И будешь себѣ господинъ,
Добудешь алтынъ на алтынъ.

Лиръ.

Все это вздоръ.

Шутъ.

Какъ и защита стряпчаго, коли не подмазалъ ее деньгами. Да за что буду я говорить въ пользу твою? Развѣ ты мнѣ что-нибудь подарилъ? Да и что ты можешь подарить?... Послушай, дядя, или ты въ силахъ изъ ничего сдѣлать все?

Лиръ.

Конечно, нѣтъ: изъ ничего ничто и выйдетъ.

Шутъ (Кенту).

Прошу тебя, скажи ему, что именно столько же получаетъ онъ доходовъ съ своихъ владѣній. Онъ дураку не повѣритъ.

Лиръ.

Ты золь, дуракъ!

Шутъ.

Да сумѣешь ли ты, дружокъ, отличить злаго дурака отъ добраго?

Лиръ.

Нѣтъ. Научи меня.

Шутъ.

Кто далъ тебѣ добрый и умный совѣтъ—

*) Въ подлинникѣ: Learn more than thou trowest. Варбургонъ говоритъ, что to trow—старинное слово, означающее to believe—вѣрить.

Презрѣть все богатство и бросить его,
Пусть встанеть со мною здѣсь рядомъ, или нѣтъ,
Ты лучше самъ встань-ка на мѣсто его.
И явятся тотчасъ, красивы собой,
Два друга—и добрый, и злой дуралей:
Одинъ изъ нихъ пестрый стѣитъ предъ тобой,
Другой же въ несчастной фигурѣ твоей.

Лиръ.

Такъ стало-быть меня зовешь ты дурагомъ?

Шутъ.

Да вѣдь ты другія свои прирожденные титула всѣ отдалъ?

Бентъ (указывая на шута).

Это не совсѣмъ глупо, мой лордъ.

Шутъ.

Конечно, нѣтъ. Вельможи и богачи никакъ не хотятъ оставить дурачество за мной однимъ. Еслибъ у меня даже была монополія *) на глупость, такъ и тогда урвали бы они частичку изъ нея для себя. Дамы даже—и тѣ ни за что не хотятъ дать мнѣ вполне насладиться моимъ дурачествомъ и имъ хочется добыть изъ него хоть что-нибудь... Дядя, дай мнѣ яйцо, а я дамъ тебѣ двѣ короны.

Лиръ.

Да откуда же возьмешь ты двѣ короны?

Шутъ.

Разрѣжу яйцо пополамъ, выѣмъ середину, а изъ остальнаго будутъ тебѣ двѣ яичныя короны. Какъ ты разломилъ свою корону на части, да отдалъ половинки твоимъ дочерямъ, такъ пришлось тебѣ ослиную глупость взвалить себѣ на плечи да и тащить ее черезъ всю грязь. А грязна твоя дорожка, дядя! Мало было ума подъ твоей пльшивой короной, когда сбросилъ ты съ себя золотую. Ужь если такъ сильно тебѣ хочется сѣчь, такъ выськи лучше того, кто первый надумалъ такую глупость.

*) Насмѣшка, по замѣчанію Варбуртона, на существовавшую раздачу монополій при королевѣ Елизаветѣ.

Какъ выгодно вдругъ стало намъ,
Въ шуты все умниги пошли!
Они негодны къ остродамъ,
Въ нихъ просто дураковъ нашли.

Лиръ.

Давно ты такъ разбогатѣлъ пѣснями?

Шутъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ сыномъ твоихъ дочекъ; съ тѣхъ поръ, какъ ты далъ имъ розги въ руки и поставилъ свою старую спину, съ тѣхъ поръ и пою:

Они отъ радости ревѣли,
А я отъ горести все пѣлъ,
Какъ короля шутомъ одѣли,
Когда рядиться захотѣлъ.

Прошу, найми ты кого-нибудь, чтобъ поучилъ твоего дурака лгать. Смертельно хочется выучиться лганью.

Лиръ.

Коли ты вздумаешь лгать, дуракъ, такъ я тебя отстегаю плеткой.

Шутъ.

Удивляюсь! Ужъ полно, ты родня ли своимъ дочерямъ? Тѣ хотятъ меня сѣчь за то, что я правду говорю, а ты за то, что собираюсь лгать. А то еще сѣкутъ, когда молчу. О, боги, вы боги! готовъ быть чѣмъ хотите, только не дуракомъ; а все же лучше быть дуракомъ, чѣмъ такимъ, какъ ты, дядя. Ты разрубилъ пополамъ разумъ и ничего, даже серединки, себѣ не оставилъ. А, вотъ видишь, летитъ сюда одна изъ этихъ половинокъ.

(Входитъ Гонерила.)

Лиръ.

Что это значить, дочь? Отчего такъ сдвинулись брови твои, что кажутся онѣ черною лентой вокругъ головы твоей? Мнѣ кажется, въ послѣднее время ты часто, очень часто стала наморщивать твои брови.

Шутъ.

А былъ ты славнымъ малымъ, когда не задумывался, морщить она брови, или нѣтъ, а теперь ты просто нуль безъ цифръ. Я, дядя, важнѣе тебя: я—дуракъ, а ты—ровно ничего. (Гонерилъ) Изволь, изволь, привяжу мой языкъ: лицо твое и безъ того говоритъ ясно... гм... гм..., хоть ты и ничего не говоришь.

Онъ не сберегъ себѣ ни мякиша, ни корки,

Усталому прилечь мышиною нѣтъ и норки!

Это пустая гороховая шелуха, изъ которой вытрясены всѣ зерна.

(Указываетъ на Лира.)

Гонерила.

Не только шутъ, кому ужъ всѣ спускають,

Но ваша вся безумная ватага,

Причина вѣчная раздоровъ, смуть,

Въ невыразимо дикомъ буйствѣ,

Безчинствуетъ невыносимо здѣсь.

Я говорила вамъ и я ждала...

Я думала, что, зная все подробно,

Поправить дѣло сами захотите;

Судя-жь, король, по всѣмъ поступкамъ вашимъ,

Со страхомъ убѣждаюсь, вижу я,

Что не противны вамъ безпутства эти,

Что вашихъ слугъ вамъ любо защищать

И ободрять на новыя безчинства.

Когда смирить ихъ буйства не хотите,

Крутыя мѣры я принять должна,—

И судъ, и казнь не пощадятъ виновныхъ.

Хоть эти мѣры вызваны желаньемъ

Возстановить у насъ порядокъ должный;

Но могутъ вамъ обидными казаться.

Позорны, правда, но необходимы...

Шутъ.

Да какъ же, ты вѣдь знаешь, дядя:

Воробушекъ кукушечку вскормилъ и воспиталъ,

Подрось малютка—воробью головку расклевалъ.

Такъ потухъ свѣтъ и мы теперь въ потемкахъ.

Лиръ.

Дочь ли вы моя?

Гонерила.

Полноте, государь... Правьте искуснѣй вашимъ разумомъ. Я знаю, вы не лишены его. Отбросьте эти странности,—онѣ васъ совершенно измѣнили. Съ нѣкотораго времени вы не похожи стали на то, чѣмъ были прежде.

Шутъ.

Полно, дядя, куда тебѣ! Рагу ли съ влешней угоняться за конемъ съ копытомъ? Ай да конь! Молодецъ! Любо посмотрѣть.

Лиръ.

Знаетъ ли меня кто-нибудь здѣсь? Да отвѣчайте же: такъ ли ходитъ Лиръ? Такъ ли говоритъ? Его ли это глаза?... Сознаніе заснуло, разбитъ рассудокъ! Во снѣ или на яву? А право это все не то. Ахъ, кто скажетъ мнѣ, кто я? Тѣнь Лира? Пойдите, разберу это хорошенько. Стало-быть, когда я былъ королемъ, чувствовалъ и думалъ, —ложно я думалъ, —что у меня были дочери?

Шутъ.

Которыя изъ тебя сдѣлаютъ препослушнаго отца.

Лиръ.

Имя ваше, прекрасная миледи?

Гонерила.

О, полноте! Такое удивленье
Сродни, король, недавней вашей вспышкѣ.
Прошу, умненько сами рассудите,
Что предложу я вамъ: вы очень стары,
Почтенныхъ лѣтъ, такъ будьте же умны.
У васъ сто слугъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ,
Въ безчинствѣ буйномъ жизнь свою проводятъ.
Они развратомъ дворъ нашъ заразили, —
На домъ безпутства онъ похожимъ сталъ;
Разгуломъ безобразнымъ превратили
Въ простой кабакъ нашъ герцогскій дворецъ!
Стыдъ заставляетъ измѣнить скорѣй
Все это. Да, король! Васъ проситъ та,
Что и безъ просьбы все могла бы сдѣлать.
Немного свиту вашу уменьшите,

А что останется при васъ, пусть будетъ
Изъ болѣе приличныхъ вамъ людей,
Чтобъ понимать они могли и васъ,
И ваши лѣта!

Лиръ. .

Адъ и дьяволъ!
Сѣдлатъ мнѣ лошадей, созвать всю свиту!
Позорное исчадіе разврата!
Тебѣ я въ тягость ужь не буду. Дочь
Еще одна осталась у меня.

ГОНЕРИЛА.

Народъ мой бѣте! Ваша шайка...

(Входитъ герцогъ Альбанскій.)

Лиръ.

Горе,
Кто поздно кается!—Вы, герцогъ, здѣсь?
Иль это ваша воля? Говорите!—
Сѣдлатъ мнѣ лошадей!... Неблагодарность,
Ты съ сердцемъ мраморнымъ мучитель, дьяволъ,
А въ дѣтищѣ родномъ отвратнѣй ты,
Чѣмъ чудище морское!

Герцогъ Альбанскій.

Успокойтесь,

Я васъ прошу.

Лиръ.

Проклятый коршунъ, лжешь!
Мои всѣ люди качествъ рѣдкихъ, чудныхъ,
Всѣ мелочи обязанностей знаютъ!
Внимательному взору не подмѣтить,
Гдѣ-бъ оскорбляли честь свою они...
Корделии моей проступокъ слабый,
Какъ могъ ты мнѣ столь гнуснымъ показаться,
Что мощнымъ рычагомъ сорвалъ съ основъ
Мою природу, вытянулъ любовь
И желчью сердце напоилъ? О, Лиръ,
Лиръ, Лиръ, стучи ты въ эту дверь! Въ нее (бьетъ себя въ голову)
Само дурачество вломилось сразу,—

Разсудокъ дорогой исчезъ. Друзья,
За мной! Друзья, бѣжимъ, бѣжимъ.

Герцогъ Альбанскій.

Король!

Ни въ чемъ я неповиненъ и не знаю,
Что возмутило васъ.

Лиръ.

Быть-можетъ, герцогъ...

Услышь меня, услышь меня, природа!
Ты, дорогое божество, услышь!
Останови свои предначертанья,
Останови, когда ты эту тварь
Задумала благословить ребенкомъ!
Безплодіемъ ей чрево поразн,
Въ ней органы рожденья иссуши!...
Не дай ты ей, съ ея нечистой кровью,
Великой чести матерью назваться!
А если ужъ должна она родить,
Пусть зло лишь выкинетъ на свѣтъ въ нечасть.
Чтобы вся жизнь его была уродствомъ,
Неизглаголанною мукой ей!
Чтобы отъ мукъ морщинами свело
Ея чело младое! Токи слезъ
Чтобъ медленно изрыли щеки ей!
Чтобъ матери и ласки, и любовь
Онъ обратилъ ей въ смѣхъ и поношенье!
Въ страданьяхъ пусть извѣдаетъ сама:
Не такъ остеръ змѣи зубъ ядовитый,
Какъ дѣтище неблагодарно. Вонъ
Бѣжимъ отсюда!

(Уходитъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Боги всемогущіе!

Откуда бѣдствіе на насъ такое?!

Гонерила.

О, не трудись причину узнавать!

Оставь безумнаго идти туда,

Куда ведетъ его безумство.

Лиръ (возвращаясь).

Какъ!

Слугъ пятьдесятъ и сразу уничтожить,
А въ двѣ недѣли сколько?

Герцогъ Альбанскій.

Въ чемъ тутъ дѣло?

Лиръ.

Послушай, расскажу... О, жизнь и смерть,
Какъ стыдно стало мнѣ, что ты могла
Поколѣбать такъ мужество мое,
Что слезы эти въ силахъ ты исторгнуть!...
А все-жь текутъ, текутъ!—Туманъ и вихрь
На голову твою! Отца проклятья
Пусть измождаютъ твои всѣ чувства... Вы-жь,
Вы старые и глупые глаза,
Посмѣйте только плакать,—васъ я вырву
И брошу въ грязь,—мочите тамъ ее
Водой соленой вашей. Боги, боги!
И до того дошло... Пусть будетъ такъ,—
Еще одна осталась дочь, осталась...
Нѣжна она, любезна и кротка;
Но ежели услышитъ про тебя,
Ногтями волчье лицо твое
Все изорветъ. Увидишь ты, увидишь,
Что гордо въ прежней видѣ я облекусь.
Ты думаешь, я потерялъ его
На вѣки?—Нѣтъ. Клянусь, сама увидишь.

(Уходитъ. За нимъ уходятъ Кентъ и свита.)

Гонерила.

Замѣтили вы, герцогъ?

Герцогъ Альбанскій.

Гонерила!

Какъ ни люблю я васъ, но не могу
Быть столь пристрастнымъ....

ГОНЕРИЛА.

Пощадите, сэръ.

Освальдъ, Освальдъ, сюда! (Шуту) А вы, вы, сэръ,—
Мерзавецъ больше, чѣмъ дуракъ!... Ступайте,
Бѣгите лучше съ господиномъ вашимъ.

Шутъ.

Дядя Лиръ, дядя Лиръ! Постой, захвати съ собой дурака.

Когда-бъ лисичку я схватилъ

Да дочь такую получилъ,

Веревку-бъ за колпакъ купилъ

И ихъ обѣихъ задушилъ.—

Затѣмъ и слѣдъ шута простылъ!

(Убѣгаетъ.)

ГОНЕРИЛА.

Придумалъ, право, хорошо: сто слугъ

Ему, головорѣзовъ сотню, здѣсь

Оставить, чтобъ при каждой вздорной вспышкѣ,

Чтобъ при пустѣйшей всякой клеветѣ

Онъ, укрѣпясь своими сорванцами,

Могъ нашей жизни угрожать всечасно.

Освальдъ!

Герцогъ Альбанскій.

Ты подозрительна ужь очень.

ГОНЕРИЛА.

Надежій такъ, чѣмъ довѣряться глупо.

Позволь: предупредить бѣду вѣдь лучше,

Чѣмъ трепетать, боясь ежеминутно,

Что вотъ она, нежданная, нагрянетъ...

Его я знаю и сестрѣ подробно

Описано, что здѣсь онъ говорилъ.

А если вздумаетъ она припятъ

Его и съ цѣлой свитой въ сотню... Га,

Освальдъ! (Освальдъ входитъ) Ты написалъ уже письмо

Къ моей сестрѣ?

Освальдъ.

Готово, герцогиня.

ГОНЕРИЛА.

Бери же спутниковъ и на коней.

Скачите къ герцогинѣ. Передай,

Чего боюсь. Все это подгрѣши
Чѣмъ хочешь, вздумаешь, чѣмъ можешь, только.
Спѣши, скачи быстрѣй!.. Назадъ вернись
Немедля... (Освальдъ уходитъ) Нѣтъ, мой герцога драгоцѣнный,
Не осуждая твой характеръ мягкій,
Виню неразсудительность твою,
И не могу тебя я не хулить
За кротость пренаивную твою.

Герцога Альбанскій.

Не знаю, какъ ты видишь далеко;
Но только ты смотри: какъ часто мы,
Стремясь къ лучшему, спѣшимъ ужь слишкомъ
И губимъ то, что было хорошо...

Гонерила.

Да нѣтъ же, потому что...

Герцога Альбанскій.

Ну, довольно!

Ну, хорошо!—Увидимъ все увидимъ...

Сцена V.

Дворъ замка герцога Альбанскаго.

(Входятъ: Лиръ, Кентъ и шутъ.)

Лиръ.

Иди впередъ въ Глостеръ съ этимъ письмомъ. Ты расскажешь моей дочери только то, о чемъ она спроситъ, прочтя это письмо,—не больше. Если ты не поспѣшишь, я буду тамъ прежде тебя.

Кентъ.

Я не засну, пока не доставлю вашего письма... (Уходитъ.)

Шутъ.

А что, еслибы мозгъ у человѣка былъ въ пяткахъ, вѣдь страшно бы было намозолить его?

Лиръ.

Конечно, милашка.

Шутъ.

Ну, такъ радуйся, дядя: твоему умишгѣ не придется бѣгать теперъ въ истоптанныхъ башмакахъ!

Лиръ.

Ха-ха-ха!

Шутъ.

Увидишь, какъ ласково приметъ тебя другая дочь... Хоть она и похожа на эту, какъ дикое яблоко на садовое, а все-таки могу сказать только то, что могу сказать.

Лиръ.

Что-жь можешь ты сказать?

Шутъ.

Что она, собственно, на вкусъ такая же, какъ и та. Онѣ — какъ два дикихъ яблока. Можешь ли сказать, зачѣмъ у человека носъ посаженъ на срединѣ лица?

Лиръ.

Нѣтъ.

Шутъ.

А за тѣмъ, чтобъ съ каждой стороны у него было по глазу, — чтобы можно было высмотрѣть то, чего нельзя пронюхать.

Лиръ.

Я обидѣлъ ее...

Шутъ.

Можешь ли сказать, какъ улитка дѣлаетъ свою раковину?

Лиръ.

Нѣтъ.

Шутъ.

И я не могу, а знаю, для чего у улитки домигъ.

Лиръ.

А для чего?

Шутъ.

Чтобы прятать въ него головку, а не для того, конечно, чтобъ отдать се своимъ дочерямъ и оставить безъ погрышки свои рожки.

Лиръ.

Хочу забыть мою природу! И такого нѣжнаго отца... Готовы ли лошади?

Шутъ.

Твои ослы побѣжали за ними. А причина, почему семизвѣздіе состоитъ только изъ семи звѣздъ—преlestная причина.

Лиръ.

Потому что ихъ не восемь!

Шутъ.

Ну, да, конечно, такъ. Изъ тебя вышелъ бы славный шутъ.

Лиръ.

Силой возвратить себѣ?!... Чудовище неблагодарности!...

Шутъ.

Еслибы ты, дядя, былъ моимъ шутомъ, знатно бы я тебя отколотилъ за то, что ты прежде времени состарѣлся.

Лиръ.

Какъ такъ?

Шутъ.

Тебѣ не надо было старѣться, пока не поумнѣешь.

Лиръ.

О, не дай мнѣ сойти съ ума, съ ума сойти, о дорогое небо!... Поддержи меня!... Не хочу я съ ума сходить!... (Входитъ дворянинъ.)
Что тамъ? Лошади готовы?

Дворянинъ.

Готовы, милордъ.

Лиръ.

Идемъ, дуракъ *),

*) Сцена эта кончается слѣдующими стихами шута, которые онъ произноситъ, уходя со сцены:

Та дѣвушка, которая смѣется,
Теперь, какъ я со сцены убѣгаю,
Дѣвицей не останется надолго.
Конечно, если прежде не рѣшилась.

Стивенсъ и *Мэлоне* полагаютъ, что это обращеніе къ публикѣ, пустое и совершенно лишнее, попало въ театральную копію трагедіи прямо изъ устъ какого-нибудь комическаго актера. Комики любили заканчивать сцены подобными шутками отъ себя. Мы съ этимъ согласны и не включили этихъ стиховъ въ текстъ трагедіи. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена I.

Дворъ замка графа Глостера.
(Встрѣчаются Эдмондъ и Коранъ.)

Эдмондъ.

Здравствуй, Коранъ.

Коранъ.

Здравствуйте, сэръ. Я былъ у вашего отца и увѣдомилъ его, что герцогъ Коривалійскій и герцогиня Регана сегодня ночью будутъ здѣсь.

Эдмондъ.

Зачѣмъ это?

Коранъ.

Не знаю. Вѣдь вы, конечно, слышали новости, которыя бродятъ кругомъ. Я разумѣю такія, которыя передаются только шепотомъ, потому что это не болѣе какъ слухи, которые щеко-
тятъ уши.

Эдмондъ.

Право, не знаю. Ради неба, расскажи, что такое?

Коранъ.

Не слышали вы ничего о войнѣ, весьма возможной, между герцогомъ Коривалійскимъ и герцогомъ Альбанскимъ?

Эдмондъ.

Ни слова.

Коранъ.

Ну, такъ услышите въ свое время. Прощайте, сэръ.

(Уходитъ.)

Эдмондъ.

Сюда приѣдетъ герцогъ на ночь. Славно,
Чудесно! Самъ собой, какъ бы насильно,
Приѣздъ его влетается въ мой планъ.
Отецъ разставилъ всюду сторожей,
Чтобъ изловить Эдгара; мнѣ-жь осталось
Теперь обдѣлать дѣльце потруднѣй.

Ну, выручайте-жь, счастье, быстрота!
Послушай, братъ, сойди сюда скорѣй!

(Входитъ Эдгаръ.)

Отецъ тебя подстерегаетъ, братъ.
Бѣги, бѣги скорѣй изъ этихъ мѣстъ!
Ужь всеѣмъ извѣстно стало, гдѣ ты скрылся.
Теперь тебѣ одна защита—ночь...
Чего-нибудь ты не сказалъ ли, братъ,
О герцогѣ Корнвальскомъ? Онъ сюда
Спѣшитъ и здѣсь сегодня будетъ въ ночь.
Регана съ нимъ. Не говорилъ ли ты,
Что онъ на герцога Альбанскаго
Возсталъ?... Подумай, вспомни.

Эдгаръ.

Братъ, ни слова.

Эдмондъ.

Отецъ идетъ. Прости, для вида долженъ
Я вынуть мечъ противъ тебя. Вынь свой
Для вида только. Защищайся. Ну,
Смѣлѣй... Сдавайся, и къ отцу, къ отцу!
Огня, огня!—Бѣги, братъ.—Факеловъ!
О, факеловъ скорѣй!—Вотъ такъ.—Прощай! (Эдгаръ убѣгаетъ.)
Немного крови—и всему повѣрятъ.
Видалъ я пьяницъ, какъ они себя
Сильнѣе рѣзали для шутки только.
Отецъ!... Стой, стой!—Никто неидетъ на помощь!

(Входятъ Глостеръ и слуги съ факелами.)

Глостеръ.

Эдмондъ, гдѣ онъ, гдѣ онъ, гдѣ негодяй?!

Эдмондъ.

Онъ здѣсь, мечъ острый обнаживъ, стоялъ
Во мракѣ и волшебныя слова
Бормоча, мѣсяцъ ясный заклиналъ
Помочь ему въ злодѣйствѣ...

Глостеръ.

Гдѣ же онъ?

Эдмондъ.

Смотрите, какъ я кровью истекаю!

Глостеръ.

Да гдѣ-жь злодѣй-то самый? Гдѣ же онъ?

Эдмондъ.

Бѣжалъ, когда увидѣлъ, что не могъ...

Глостеръ.

Бѣжать за нимъ, ловить его, догнать!...

Не могъ... Чего же онъ не могъ?

Эдмондъ.

Не могъ

Онъ убѣдить меня—зарѣзать васъ...

Я говорилъ ему, что небо страшно

Отцеубійць караетъ, грозно въ нихъ,

Неотразимо, молніями мечеть.

Я убѣждалъ его, я объяснялъ,

Какое множество священныхъ узъ

Отцовъ съ дѣтьми связуетъ. Наконецъ,

Онъ, видя, какъ непоколебимо я,

Исполнясь чувствомъ долга, возставалъ

На замыселъ его безбожный, вдругъ,

Нежданно, на меня, какъ звѣрь, озлобясь,

Свирѣпо кинулся и въ руку ранилъ.

Ну, тутъ уже я вспыхнулъ правымъ гнѣвомъ

И грозно встрѣтилъ острый мечъ злодѣя

Моимъ мечомъ, а онъ, чего, не знаю,

Меня, иль шума, подло испугавшись,

Бѣжалъ.

Глостеръ.

И пусть бѣжитъ онъ дальше, дальше!

А если попадется,—смерть ему!

Въ странѣ родной нигдѣ ему не скрыться.

Нашъ герцогъ, мой владыка и защитникъ,

Сюда пріѣдетъ. Тотчасъ возвѣщу

Я именемъ его: тому награда,

Тому и благодарность, кто найдетъ
И приведетъ къ позорному столбу
Трусливаго и подлаго убійцу;
А кто его укроетъ,—смерть тому.

Эдмондъ.

Когда я понялъ ясно, что нельзя
Отвлечь его отъ страшнаго злодѣйства,
Что онъ рѣшился твердо въ исполненье
Свой умыселъ привести, я сталъ ему
Грозить, что все открою. Онъ въ отвѣтъ:
«Ты—нищій, незаконный сынъ. Когда
Противъ тебя я голосъ подниму,
Кто вѣру дастъ твоимъ рѣчамъ правдивымъ?
А гдѣ же честь, достоинства твои,
Которыя-бъ могли порукой быть
Твоимъ словамъ? Скажи!—Ты самъ—ничто!
Ты про меня что хочешь говори,
Показывай письмо моей руки;
Однимъ лишь отрицаніемъ моимъ,—
А я, конечно, отрегусь,—я все,
Все обращаю на голову твою.
Все станеть умысломъ твоимъ злодѣйскимъ,
Проклятою интригою твоей,
Безчестной клеветою на меня.
Ты прежде дураками сдѣлай всѣхъ,
Потомъ питай надежду, что никто
Понять не въ силахъ, какъ тебѣ нужна
Моя погибель, и не будетъ вѣрить,
Что этого довольно одного,
Чтобъ подстрекнуть тебя на клевету!»

Глостеръ.

О, подлый, загоснѣлый въ злѣ, мерзавецъ!
И отъ руки своей отречься хочетъ!
Не я его родилъ!... Чу, трубы!... Герцогъ.—
Зачѣмъ пріѣхалъ онъ, не знаю.—Порты
Я всѣ запру: злодѣй не убѣжитъ.—
Дозволить это долженъ герцогъ мнѣ.—
Я разошлю портреты негодя

По все́мъ мѣстамъ и близкимъ, и далекимъ,
Чтобъ знало наше королевство все
Его примѣты!... Такъ распоряжусь
Я все́мъ моимъ, что ты, Эдмондъ, мой вѣрный,
Самой природой миѣ усыновленный,
Наслѣдникомъ моихъ владѣній будешь.

(Входятъ герцогъ Корнвалійскій, Регана и ихъ свита.)

Герцогъ Корнвалійскій.

Что это значить, благородный другъ?
Лишь только я пріѣхалъ въ замокъ вашъ,—
А я сюда пріѣхалъ лишь сейчасъ,—
Престранную услышалъ новость.

РЕГАНА.
Если

Она не лжива, то достойной кары
Преступнику найти нельзя. Что съ вами?

ГЛОСТЕРЪ.

О, лэди! Сердце старое мое
Разорвалось, разорвалось на части!

РЕГАНА.

Скажите!... Крестникъ нашего отца,
Кому онъ самъ Эдгара имя далъ,
На жизнь умыслилъ вашу?... Вашъ Эдгаръ?

ГЛОСТЕРЪ.

О, лэди! Чувство честнаго стыда
Желало бы все это утаить.

РЕГАНА.

Онъ не былъ ли товарищемъ буяновъ,
Которыхъ держать при себѣ король?

ГЛОСТЕРЪ.

Не знаю, право, герцогиня; только
Все это очень дурно, слишкомъ дурно!

Эдмондъ.

Такъ точно: былъ онъ съ ними въ тѣсной дружбѣ.

Регана.

Не диво же, что сталъ такимъ злодѣемъ.
Они его, повѣрьте, подучили
Убить отца, чтобъ послѣ завладѣть
Его доходомъ и мотать безпутно. —
Сегодня вечеромъ сестра о нихъ
Меня ужъ извѣстила. Я рѣшилась:
Когда прибыть изволятъ въ замокъ нашъ,
Чтобъ съ нами жить, — меня тамъ не найдутъ.

Герцогъ Корнвалійскій.

А также и меня, покойна будь.
Эдмондъ, я слышалъ, вашему отцу
Вы оказали важную услугу,
Какъ честный, добрый сынъ.

Эдмондъ.

Я, государь,
Мой долгъ исполнилъ.

Глостеръ.

Заговоръ открылъ
И тутъ же рану въ руку получилъ,
Стараясь тотчасъ задержать злодѣя.

Герцогъ Корнвалійскій.

Послали-ль вы сыскать его, схватить?

Глостеръ.

Послалъ, мой герцогъ.

Герцогъ Корнвалійскій.

Только бы поймать:

Не будетъ больше ужасать злодѣйствомъ.
Передаю его вамъ въ руки, Глостеръ;
Располагайте нашей властью, графъ.
А васъ, Эдмондъ, за преданность отцу,
За доблесть вашу, — вы ихъ доказали
Блестательно теперь предъ всѣми нами, —
Мы оставляемъ при особѣ нашей. —

Нуждаясь въ вѣрности такой, какъ ваша,
Отнынѣ мы овладѣваемъ вами.

Эдмондъ.

Я, государь, служить вамъ буду вѣрно.

Глостеръ.

Благодарю васъ, герцогъ, за него!

Герцогъ Корнвалійскій.

Не знаете вы, графъ, зачѣмъ теперь
Приѣхали мы къ вамъ?...

Регана.

Въ такое время?—

Не даромъ мы во мракѣ ночи черной
Спѣшили къ вамъ,—за дѣломъ очень важнымъ.
Желаемъ вашего совѣта, графъ.
Писалъ отецъ, писала Гонерила
О ссорѣ между ними. Полагаемъ,
Что лучше сдѣлаемъ, когда отвѣтимъ
Не въ замкѣ нашемъ. Оба ихъ гонца
Отвѣтовъ нашихъ съ нетерпѣньемъ ждуть.
Нашъ вѣрный, старый другъ, вы успокойтесь
И дайте намъ такой совѣтъ полезный,
Въ какомъ теперь нуждаемся мы очень.

Глостеръ.

Всегда готовъ служить вамъ, герцогиня.
Я радъ прибытію высочествъ вашихъ.

Сцена II.

Предъ замкомъ Глостера.

(Кентъ и Освальдъ встрѣчаются.)

Освальдъ.

Добраго утра, пріятель! Ты не отсюда ли?

Кентъ.

Да.

Освальдъ.

Куда намъ поставить лошадей?

Кентъ.

Туда вонъ, въ грязь.

Освальдъ.

Да скажи же путемъ, если любишь.

Кентъ.

Не люблю я тебя.

Освальдъ.

Ну, коли такъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до тебя.

Кентъ.

Вотъ, еслибы ты мнѣ попался въ Липсбургской овчарнѣ, было бы у тебя дѣло до меня.

Освальдъ.

Да съ чего-жь ты такъ со мной? Я тебя совсѣмъ не знаю.

Кентъ.

А я тебя, пріятель, такъ знаю.

Освальдъ.

Кто-жь я по-твоему?

Кентъ.

Ты?—Холопъ, плутъ, лизоблюдь, нищій о трехъ одеждахъ, стопудовикъ, сквернавецъ въ шерстяныхъ чулкахъ, трусь, глязникъ, непотребный уродъ, любующійся на себя въ зеркало, противный угодникъ всѣмъ, отъявленный мошенникъ, свистунъ, сводникъ, который изъ кожи лѣзетъ, чтобы выслужиться и все-таки остается чѣмъ былъ—смѣсю холопства, нищеты и сводничества, сынъ и наслѣдникъ выродившейся суги... И вздую-жь я тебя такъ, что завизжишь благимъ матомъ, если только посмѣешь отказаться хоть отъ одной буквы этихъ истинныхъ твоихъ именъ.

Освальдъ.

Да что ты за уродъ, что ругаешь того, кого ты совсѣмъ не знаешь и кто тебя никогда не знавалъ!

Кентъ.

Что же ты за безстыжій, мѣднолобый холопъ, коли забылъ, какъ два дня тому назадъ я перегинулъ тебя черезъ мою ногу

и знатно отдулъ въ присутствіи короля! Вытаскивай-ка твой мечъ, гадкая ты харя! Нужды нѣтъ, что ночь: мѣсяць свѣтитъ достаточно, чтобъ я могъ приготовить изъ тебя поганую котлету *). Вытаскивай, непотребный цирюльникъ, свою бритву, вытаскивай!

(Обнажаетъ мечъ.)

Освальдъ.

Оставь, я не хочу съ тобой связываться.

Кентъ.

Вытаскивай, говорю тебѣ, мерзавецъ! Ты здѣсь съ письмами противъ короля. Ты за одно съ куклой тщеславія **) противъ его величества. Вытаскивай, бестія, не то изрублю твои жирныя ляжки. Вытаскивай и къ дѣлу!

Освальдъ.

Помогите... го! Рѣжутъ, помогите!

Кентъ.

Защищайся, холопъ! Стой же, плуть, стой! Защищайся, разряженная кукла!

Освальдъ.

Помогите... го! Разбой, рѣжутъ!

(Входятъ Эдмондъ, герцогъ Корнвалійскій, Регана, Глостеръ и свита.)

Эдмондъ.

Что такое? Въ чемъ дѣло?... Разойтись!

Кентъ.

А, и тебѣ хочется? Милости просимъ, молодчикъ, и тебя поподчую. Изволь. Начинай!

Глостеръ.

Оружіе, мечи! Что здѣсь такое?

Герцогъ Корнвалійскій.

Разойтись, если дорога вамъ жизнь! Смерть тому, кто нанесетъ хоть одинъ ударъ. Что здѣсь было?

*) Въ подлинникѣ стоитъ непонятное выраженіе: I'll make a sop o'the monkey, котораго не могли хорошо объяснить такіе комментаторы, какъ Стивенсъ, Варбургонъ, Малоне и Джонсонъ. *Перев.*

**) Джонсонъ видитъ тутъ намекъ на мистеріи и другія аллегорическія представленія, въ которыхъ олицетворялись тщеславіе и другіе пороки. *Перев.*

РЕГАНА.

Это гонцы отца и сестры.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

За что поссорились, говорите?

ОСВАЛЬДЪ.

Насилу могу перевести духъ, ваше высочество.

БЕНТЬ.

Не диво: замучился, прищипывая свою храбрость, трусь подлый! Природа отказывается отъ тебя. Какой-нибудь портной сдвоилъ и сшилъ тебя.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Вотъ чудакъ: портные у него кроятъ и шьютъ людей!

БЕНТЬ.

Да, портной, герцогъ. Скульпторъ и живописецъ не сдѣлаютъ такой мерзости, хотя-бъ работали не больше двухъ часовъ.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ (Освальду).

Ну, говори теперь ты, изъ чего вышла у васъ ссора?

ОСВАЛЬДЪ.

Это, сэръ, давно извѣстный разбойникъ, котораго жизнь я пощадилъ только ради сѣдой его бороды.

БЕНТЬ.

Ахъ ты зеть пустозвонный, буква ненужная! Дозвольте, герцогъ, я растолку этого негодяя, сотру эту грязь съ известью и вымажу имъ стѣны отхожаго мѣста. Онъ пощадилъ мою сѣдую бороду... Трясогузка проклятая!

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Молчать, мерзавецъ, грубое созданье!

Или забылъ почтенье къ намъ?

БЕНТЬ.

Нѣтъ, сэръ;

Но правый гнѣвъ свои права имѣеть.

Герцогъ Корнвалійскій.

Да что же такъ озлобило тебя?

Кентъ.

А то, что носить мечъ такой подлець
И такъ его позорить. Эти плуты
Съ улыбкой вѣчной на устахъ, какъ крысы,
Перегрызаютъ самыя сватыя
И крѣпкія природы узы; льстятъ
Безумнымъ похотямъ своихъ владыкъ:
Иль масло въ пламень страстный подливаютъ,
Иль холодятъ какъ ледъ и безъ того
Холодную жестокость ихъ сердець;
Клянутся, отрицаютъ, утверждаютъ,
Какъ птицы зимородки направляютъ
Свой острый клювъ всегда по волѣ вѣтра
Всѣхъ прихотей своихъ господъ порочныхъ
И, будто-бъ, ничего не понимая,
Бѣгутъ за ними точно псы. Чума
На эти отвратительныя хари! (Окружающимъ.)
Смѣетесь вы? Слова мои для васъ—
Слова шута.—О гуси, гуси вы!
Когда-бъ въ равнинѣ были мы Сарумской,
Загналъ бы васъ въ Камлотскія болота *).

Герцогъ Корнвалійскій.

Да ты съ ума сошелъ, старикъ?

Глостеръ.

Да ты

Постой. Какъ вы поссорились? Вотъ это
Намъ расскажи.

Кентъ.

Нѣтъ въ мірѣ двухъ существъ
Другъ другу такъ противныхъ, ненавистныхъ,
Какъ я, да этотъ негодай.

*) Варбуртонъ говоритъ, что здѣсь Кентъ разумѣетъ то мѣсто на западѣ Англии, гдѣ, по сказанію романсовъ, собирався круглый столъ короля Артура, а Ганмеръ замѣчаетъ, что въ Сомерсетширѣ, близъ Камлота, существовали большія болота, гдѣ воспитывалось великое множество гусей.

Герцогъ Корнвалійскій.

За что
Ты такъ его зовешь? Чѣмъ онъ обидѣлъ?

Кентъ.

Противна рожа мнѣ его!

Герцогъ Корнвалійскій.

Быть-можетъ

И не противнѣ моей, его,

Ея.

Кентъ.

Сэръ, слово правды—мой обычай.
Иначе говорить я не умѣю.
Видалъ я лица на вѣку моемъ,
Которыя получше будутъ тѣхъ,
Что вижу предъ собой на плечахъ здѣсь
Теперь стоящихъ.

Герцогъ Корнвалійскій.

А, да онъ изъ тѣхъ,
Которыхъ только стоитъ похвалить
За откровенную ихъ грубость, тотчасъ
Они напялятъ на себя одежду
Не по себѣ и станутъ наглецами.

Кентъ.

По совѣсти, милордъ, по чистой правдѣ,
Съ соизволенія особы вашей,
Всѣхъ поражающей своимъ величьемъ,
Сіяніемъ, блистанію подобнымъ
Коронѣ, пламенѣющей огнями
Вкругъ Феба лучезарнаго чела!

Герцогъ Корнвалійскій.

Но что же хочешь этимъ ты сказать?

Кентъ.

Я измѣнилъ тотъ способъ выраженья, который не угоденъ вамъ.—Не льстецъ я, сэръ, и тотъ, кто обманулъ васъ своей

прямою рѣчью, прямой мерзавецъ, какимъ не буду никогда, какъ бы вашъ гнѣвъ ни принуждалъ меня къ тому.

Герцогъ Корнвалійскій.

Ну, ты чѣмъ оскорбилъ его?

Освальдъ.

Ничѣмъ.

Недавно вздумалъ господинъ его,
Король, прибить меня, и по его-жь
Навѣтамъ. Только лишь король хотѣлъ
Меня ударить, этотъ,—льстя конечно
Капризамъ господина,—вдругъ подшибъ
Меня. Конечно, я упалъ. Тогда-то
И началъ онъ ругаться надо мной,
Храбриться, величаться, а король —
Его хвалить за славную побѣду
Надъ тѣмъ, кто и противиться не думалъ.
Такимъ геройствомъ одуренный, здѣсь
Онъ безъ причины всякой на меня
Напалъ.

Кентъ.

Для этихъ подлецовъ трусливыхъ
И самъ Аяксъ не болѣе какъ шутъ.

Герцогъ Корнвалійскій.

Подать колодки! Закосяблый плутъ,
Хвастунъ сѣдой, я научу тебя...

Кентъ.

Я слишкомъ старъ, чтобы учиться, сэръ;
Не для меня колодки ваши. Я—
На службѣ короля! Я здѣсь, у васъ,
Его посолъ и будетъ слишкомъ мало
Оказано его величеству
Почтения..., дерзость будетъ велика,
Когда набьете на его посла
Колодки!

Герцогъ Корнвалійскій.

Гей, скорѣй подать колодки!

Блянуса жизнію моею и честью,
Въ колодкахъ просидишь ты до полудни.

РЕГАНА.

Не до полудни,—до ночи, милордъ,
Всю ночь!

БЕНТЬ.

Милэди, еслибы я былъ
Собакой даже вашего отца,
Вы не должны-бъ со мной такъ поступать.

РЕГАНА.

Ты не собака—плутъ, а съ плутомъ такъ
Я поступаю.

ГЕРЦОГЪ БОРНВАЛІЙСКІЙ.

Онъ того-жь закала,
Какъ тѣ, которыхъ описала намъ
Сестра твоя. Скорѣй сюда колодки!

ГЛОСТЕРЪ.

Дозвольте васъ усердно умолять:
Не дѣлайте вы этого, мой герцогъ!
Не малъ его проступокъ, это правда;
Но вѣдь король и самъ его осудить
И безъ взысканья, вѣрьте, не оставитъ.
Но наказанье ваше такъ позорно,
Что существуетъ только для презрѣнныхъ
И самыхъ закоснѣлыхъ негодяевъ,
За воровство и подлыя убійства.
Король, я знаю, очень дурно приметъ,
Что поступили такъ съ его посломъ.

ГЕРЦОГЪ БОРНВАЛІЙСКІЙ.

Все на себя я принимаю.

РЕГАНА.

РАЗВЪ

Не болѣе обижена сестра,
Что надъ ея посломъ ругались здѣсь
И на него съ оружіемъ напали,

Когда приѣхалъ онъ съ ея дѣлами?
Надѣть ему сейчасъ колодки! Ну!... (Кенту надѣваютъ колодки.)
Уйдемъ отсюда, добрый герцогъ мой.

(Эдмондъ, герцогъ Корнвалійскій, Регана и свита ихъ уходятъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Мнѣ очень, очень жаль тебя, мой другъ.
Такъ герцогъ хочетъ. Нравъ его извѣстенъ
Вѣдь всѣмъ. Что вздумаетъ, тому не знаетъ
Ни остановокъ, ни препятствій... Но
Я все-жь пойду и стану за тебя
Молить.

КЕНТЬ.

Не дѣлай этого, прошу.
Всю ночь сюда скакалъ я на-пролетъ
И глазъ не свелъ, теперь сосну немного.
А тамъ... Ну, тамъ я посвищу отъ скуки.
Что-жь? Доброму фортуна очень часто
Показываетъ пятки. До свиданья,
До утра.

ГЛОСТЕРЪ.

Герцога нельзя хвалить...
И дурно-жь примется все это, дурно! (Уходитъ.)

КЕНТЬ.

Король мой добрый, на тебѣ сбылось:
Ты изъ огня да въ полымя попалъ *)!—
Приблизься къ намъ скорѣ свѣточъ міра,
Пошли свои отрадные лучи
И дай возможность мнѣ прочесть письмо.—
Несчастный отовсюду ждетъ чудесь.—
Я знаю, отъ Корделии оно.
По случаю она узнала какъ-то
О тайныхъ похиженіяхъ моихъ.
И время не пропустить, чтобъ разсѣять
Тотъ безобразный и ужасный хаосъ,

*) Въ подлинникѣ: „Отъ неба благодати да на солнца зной“ (англійская пословица).
Перев.

Въ которомъ мы вращаемся теперь,
Найдеть и средство вѣрное скорѣй
Исправить это зло... Усталъ я сильно;
Не спалъ всю ночь... Воспользуйтея этимъ
Отяжелѣвшіе безъ сна глаза,
Чтобы дворца позорнаго не видѣть.
Прощай, фортуна! Улыбнись хоть разъ
Еще и колесо переверни. (Засыпаетъ.)

Сцена III.

Лѣсъ.

(Входитъ Эдгаръ.)

ЭДГАРЪ.

Я слышалъ, какъ повсюду оглашали
Эдгара имя, въ слѣдъ за мной гнались;
Но, къ счастью, я нашелъ дупло большое,
Въ немъ спрятался и спасся отъ погони.
Закрѣты порты, — некуда бѣжать.
Нѣтъ мѣста, гдѣ бы бдительная стража
Не стерегла меня. Пока есть время,
Приму я мѣры такъ для всѣхъ исчезнуть,
Чтобъ, встрѣтяся со мной, не узнавали.
Хочу я на себя принять такой
Презрѣнный, грязно-безобразный видъ,
Какимъ лишь скупость или нищета,
Надъ человѣкомъ злобно насмѣхаясь,
Его животному уподобляютъ:
Лицо нечистотами измараю,
Лохмотьями все тѣло обовью,
На головѣ всѣ волосы всклокочу
И наготу свою отдамъ на волю
Всѣхъ вѣтровъ и стихій враждебныхъ намъ.
Такіе образцы миѣ представляетъ
Нашъ край въ Бедлама нищихъ сумасшедшихъ *)).

*) *Стивенсъ* выписываетъ въ своихъ комментаріяхъ на трагедію „Лиръ“ Шекспира слѣдующее описаніе бедламскихъ нищихъ изъ сочиненія *Дикера* — „The Bellman of London“, изданнаго въ 1640 году, именно изъ статьи, озаглавленной „Abraham Man“: „Вы встрѣчаете на *дорогѣ людей*, которые венстово клянутся, что они изъ Бедлама, съ болью забиваютъ въ разныя части своего нагого тѣла,

Они себѣ со стономъ забиваютъ
Въ изсохшія, нагія, въ язвахъ руки
Щепы отъ дуба, гвозди, кости, когти
И вѣтки розмарина. Въ страшномъ видѣ
Являются они у фермъ, у хижинъ
И близъ овчаренъ, мельницъ. Съ клятвой страшной
Иль съ жалобной мольбою у прохожихъ
Насильно подаянье вынуждаютъ.
И бѣдный Турлигуть *), и бѣдный Томъ
Все значать что-нибудь; Эдгаръ—ничто. (Уходитъ.)

Сцена IV.

Передъ замкомъ графа Глостера.

(Входятъ Лиръ, шутъ и дворянинъ. Кентъ въ колодцахъ.)

Лиръ.

Какъ странно: вдругъ уѣхать и посла
Не воротить назадъ съ отвѣтомъ мнѣ.

Дворянинъ.

Я слышалъ, государь, еще вчера
Никто изъ нихъ не думалъ объ отъѣздѣ.

Кентъ.

Привѣтъ тебѣ, мой повелитель.

преимущественно въ руки, сосновыя иглы и щепы, для того, чтобы признавали ихъ сумасшедшими. Они называютъ себя бѣдными Томами и кричать: „Бѣдный Томъ озябъ“. Одни изъ этихъ Abraham men чрезвычайно веселы, безпрестанно поютъ пѣсни собственныхъ измышлений, другіе пляшутъ, третьи только смѣются или плачутъ. Нѣкоторые изъ нихъ ходятъ понурыми, угрюмо смотря изъ подлобья, высматриваютъ, въ какомъ домѣ поменьше народа, входятъ въ него неожиданно, дерзко, грубо, пугаютъ слугъ и забираютъ все, что имъ приглянется“.

Перев.

*) По словамъ Джонсона, Турлигуть—испорченное Турлупинъ, а Турлупинами, по замѣчанію Варбуртона, въ XIV вѣкѣ назывались особаго рода цыганы, составлявшіе братство *нализъ нишигъ*. Они бродили по всей Европѣ. Потомъ великая церковь объявила ихъ еретиками и нѣсколькихъ сожгла въ Парижѣ. Но что это была за секта, явствуетъ изъ извѣстія, которое сообщаетъ о нихъ *Дженебрордъ*. Онъ говоритъ: „Turlupin Cynicorum sectam suscitantes, de nuditate pudendorum et publico coitu“. Конечно, прибавляетъ Варбуртонъ, это одно изъ развѣтвленій Бедламскихъ Томовъ.

Перев.

Лиръ.

Кагъ?

Иль самъ себя отъ скуки забавляешь
Такимъ позоромъ?

Кентъ.

Нѣтъ, мой государь!

Шутъ.

Ха-ха-ха! Посмотри, дядя, какія у него злыя подвязки.
Лошадей привязываютъ за голову, собакъ и медвѣдей за шею,
обезьянъ за поясъ, а людей—за ноги. Кто больно прытокъ, тому
и деревянные чулки.

Лиръ.

Кто-жь смѣлъ такъ дерзко, нагло ошибиться—
Тебя въ колодки посадить?

Кентъ.

Ошиблись,

И оба въ разъ, онъ и она—вашъ зять
И ваша дочь.

Лиръ.

Нѣтъ!

Кентъ.

Да.

Лиръ.

Нѣтъ, говорю!

Кентъ.

Клянусь, что да.

Лиръ.

Нѣтъ, нѣтъ, не захотятъ!

Кентъ.

Но сдѣлали.

Лиръ.

Юпитеромъ клянусь,

Что нѣтъ!

Кентъ.

Юноною клянусь, что да.

Лиръ.

Они

Не захотятъ, не смѣютъ и не могутъ!
Вѣдь это хуже всякаго убійства...
Умышленно, смертельно такъ обидѣть!...
Скорѣй, но не спѣша, мнѣ разъясни,
Какъ могъ ты заслужить, или ихъ заставить
Такъ оскорбить меня въ твоёмъ лицѣ?

Кентъ.

Едва лишь я успѣлъ принести въ ихъ замокъ
Отъ вашего величества письмо,
Едва лишь я успѣлъ подняться съ мѣста,
Гдѣ на колѣнахъ заявлялъ мое
Почтеніе къ особамъ ихъ высочества,
Во весь опоръ примчался въ замокъ ихъ,
Дымяся жаркими парами пота,
Полузадохшійся гонецъ. Сказавъ
Привѣтъ отъ герцогини Гонерилы,
Онъ передалъ письмо. И, несмотря,
Что онъ прервалъ меня, письмо его
Немедля было прочтено. Затѣмъ
Они, созвавъ людей и приказавъ
Мнѣ слѣдовать за ними въ ожиданьи,
Когда угодно будетъ имъ отвѣтить
На вашего величества посланье,
Поспѣшно сѣли на коней и быстро
Поѣхали сюда. А здѣсь я встрѣтилъ
Второго ужъ гонца отъ Гонерилы.
Привѣтъ его мнѣ сердце отравилъ
И я, какъ слѣдуетъ, ему отвѣтилъ.
Узналъ я плута въ немъ, того, который
Недавно смѣлъ васъ дерзко оскорбить.
Вскрипѣлъ мой гнѣвъ, замолкъ разсудокъ,—я
Мечъ выхватилъ, а онъ трусливымъ крикомъ
Весь поднялъ домъ. Вашъ зять и ваша дочь
Нашли, что тѣмъ я заслужилъ позоръ,
Который здѣсь теперь переносу.

Шутъ.

Видно, еще не прошла зима, коли дикіе гуси летятъ сюда.

Когда отецъ, какъ нищій, прибредетъ,
Найдетъ, что дѣти слѣпы и небрежны,
А золота мѣшокъ имъ принесетъ,
Увидитъ, какъ они вдругъ станутъ нѣжны!
Развратница фортуна! У тебя
Бѣднягъ не сыщеть ласки для себя.

И потому - то дочки наградятъ тебя, дядя, такимъ множествомъ горестей, что въ цѣлый годъ не сосчитаешь.

Лиръ.

Какая судорога!... Боль какая
Вдругъ поднялась и къ сердцу подступила!
Внизъ, внизъ, ползущее все къ верху, горе!
Внизу, тамъ жизнь твоя... Гдѣ-жь эта дочь?

Кентъ.

Тамъ въ замкѣ съ графомъ, сэръ.

Лиръ.

Никто за мной! (Уходитъ.)

Дворянинъ.

Ты все ли вѣрно Лиру рассказалъ?
Не сдѣлалъ ли чего похуже?

Кентъ.

Нѣтъ.

А отчего васъ мало съ королемъ?

Шутъ.

Вотъ, кабы за этотъ вопросъ набили на тебя колодки, такъ точно было бы за дѣло.

Кентъ.

Это почему, дурагъ?

Шутъ.

А вотъ мы пошлемъ тебя въ школу къ муравью, чтобъ научилъ тебя работать въ зимній холодъ. Всякаго, кромѣ слѣ-

11/11

пыхъ, ведутъ его глаза вслѣдъ за носомъ, а изъ двадцати носовъ нѣтъ ни одного, который бы не пронюхалъ, отъ кого во-
няеть. Прочь руку отъ большаго колеса, если оно катится съ
горы, не то сломишь себѣ шею; а если идетъ оно въ гору,
хватайся за него,—вынесетъ тебя наверхъ. Если какой разум-
никъ подаритъ тебѣ совѣтъ лучше моего, отдай мнѣ мой назадъ.
Мнѣ бы хотѣлось, чтобы пользовались имъ только плуты, по-
тому что это дурацкій совѣтъ.

Кто лишь изъ выгодъ службу тянетъ
И другъ и спутникъ ^{какъ} лишь на видъ,
Тотъ смотритъ прочь, ~~лишь~~ дождикъ канетъ,
И ужь бѣжитъ, какъ буря загремитъ.
Дуракъ стоитъ, не думаетъ о томъ,
Что умный плутъ спасается тогда.
Подъ часъ и плутъ бываетъ дуракомъ;
Дуракъ же плутомъ подлымъ—никогда!

Кентъ.

Гдѣ ты научился этому, дуракъ?

Шутъ.

Ужъ конечно не въ колодкахъ.

(Лиръ возвращается съ Глостеромъ.)

Лиръ.

Со мною не хотѣтъ сказать и слова!...
Они больны! Они устали очень!
Они всю ночь безъ отдыха скакали!
Тутъ—хитрость, знамя бунта, своеволья!...
Ступай и лучшій принеси отвѣтъ!

Глостеръ.

Вы знаете, мой добрый повелитель,
Характеръ герцога. Какъ онъ горячъ,
Какъ вспыльчивъ, какъ упрямъ въ своихъ рѣшеньяхъ.

Лиръ.

Чума и мщенье, муки, смерть, безумье!...
Кто вспыльчивъ? Чей характеръ? Глостеръ, Глостеръ!
Хочу... Мнѣ надо съ герцогомъ Корнвальскимъ,
Съ его женой мнѣ надо говорить.

ГЛОСТЕРЪ.

Я точно такъ, мой добрый государь,
Какъ должно, обо всемъ имъ доложилъ.

Лиръ.

Онъ доложилъ имъ все... Послушай, ты...
Ты понялъ ли мои слова, какъ надо?

ГЛОСТЕРЪ.

Я понялъ ихъ, мой добрый повелитель.

Лиръ.

Король здѣсь хочетъ говорить съ Корнвальцемъ,
Родитель нѣжный съ дочерью своей,—
Вели-жь имъ слушаться, сюда явиться!—
Ты такъ ли имъ сказалъ? О, кровь моя!
Мое дыханье!... Вспыльчивъ?... Герцогъ вспыльчивъ?!
Такъ пылкому высочеству скажи...

Иль нѣтъ... постой... быть-можетъ, онъ и боленъ.

Такъ, такъ... Больные мы принуждены

Пренебрегать священнымъ даже долгомъ,—

Нашъ духъ стѣсненъ, мы сами не свои...

Когда недугъ намъ тѣло разобьетъ

И духъ страдаетъ такъ же, вмѣстѣ съ тѣломъ.—

Я удержусь, я потерплю... Не дамъ

Моей горячности чрезмѣрно быстрой

Больнаго за здороваго принять...

Но, адъ и смерть! Зачѣмъ же этотъ тутъ

Сидитъ? Вотъ это самое меня

И увѣряетъ,—дочь моя и герцогъ

Съ злымъ умысломъ приѣхали сюда!...

Сейчасъ отдайте мнѣ его! Скажи

Ты герцогу съ его супругой: я

Хочу ихъ видѣть здѣсь, теперь, сейчасъ!

Чтобы явились, слушали меня...

Не то въ ихъ дверь такъ буду барабанить,

Что закричить: издохни ^{мы въ shame} сонъ проклятый!

ГЛОСТЕРЪ.

Ахъ, еслибы все кончилось между ними хорошо!

Лиръ.

О, сердце, мое вздымающееся сердце! Внизъ, внизъ!

Шутъ.

т Забричи на него, дядя, какъ кухаржа на миногъ, когда ихъ живыхъ запрягивала въ пашкетъ. Она щелкала ихъ палкой по головамъ и кричала: «Внизъ, дураки, внизъ!» Ея вѣдъ братецъ изъ большой любви къ своей лошади поливалъ для нея сѣно масломъ *).

(Входятъ герцогъ Корнвалійскій и Регана.)

Лиръ.

А, здравствуйте вы оба.

Герцогъ Корнвалійскій.

Нашъ привѣтъ,

Король.

Регана.

Я рада видѣть васъ, король.

Лиръ.

Увѣренъ я, что рада ты, Регана!—

И знаю, почему увѣренъ я:

Когда-бъ ты рада не была, я-бъ думалъ,

Что мать твоя надъ бракомъ наругалась!

Тогда-бъ я съ ней и съ мертвой развелся!

А, ты свободенъ? (Кенту) Ну, объ этомъ послѣ.

О, другъ, Регана, зла твоя сестра!

Жестокостью своей ко мнѣ впилась

Она вотъ тутъ... (показываетъ на сердце) какъ коршунъ острымъ
клювомъ!

И рассказать тебѣ едва я въ силахъ...

Ты не повѣришь... О, Регана!

Регана.

Сэръ,

Прошу, примите на себя терпѣнье.

Надѣюсь, вы скорѣй не оцѣнили

*) Изъ народной сказки.—Перев.

Какъ слѣдуетъ заслугъ моей сестры,
Чѣмъ долгъ свой не исполнила она.

Лиръ.

Что, что такое?...

Регана.

Думать не могу,
Чтобъ Гонерила преступить могла
Обязанность свою. Она, быть-можетъ,
И обузда буйство вашей свиты.
Такъ что-жь?—Къ тому имѣла основанье.
Для цѣли доброй поступила такъ.
Отъ порицанья, сэръ, она свободна.

Лиръ.

Проклятье ей!

Регана.

О, сэръ, вы очень стары!
Природа въ васъ послѣдняго конца
Своихъ предѣловъ ужь достигла. Вы
Должны ужь подчиниться управленью
И разуму того, кто лучше васъ
Самихъ пойметъ и васъ, и ваши лѣта.
Къ сестрѣ моей скорѣ воротитесь
И помните: ее вы оскорбили,
Мой сэръ.

Лиръ.

У ней просить прощенья... мнѣ?!..

Смотри, а хорошо ли это будетъ: (Становится на колѣна.)

«Дочь милая, я сознаю, что старъ,
Что старость бесполезна. На колѣняхъ
Молю: дай платьѣ мнѣ, постель и пищу».

Регана.

О, перестаньте, сэръ! Такая шутка,
Ну, право, неприлична. Воротитесь
Вы къ Гонерилѣ.

Лиръ.

Никогда, Регана!

Она отнять полсвиты у меня
Хотѣла, злобно на меня смотрѣла
И языкомъ, ехидная змѣя,
Мнѣ сердце жалила. Чтобъ мщенья неба,
Собравшись во-едино, въ темя ей
Ударили и голову разшибли...
Чтобъ ядовитый воздухъ измогжилъ
Ей кости!

Герцогъ Корнвалійскій.

Фи, фи!...

Лиръ.

Молнии быстролетны!

Блесните грозно въ дерзскія ей очи,
Сожгите ихъ! Вы, горные туманы,
Съ мѣстъ ядовитыхъ собранные солнцемъ,
Красу ея въ заразу обратите
И гордость истребите въ ней до тла!

Регана.

О, небо!.. И меня, пожалуй, вы
Такимъ же точно даромъ наградите,
Когда горячность овладѣетъ вами.

Лиръ.

О, нѣтъ, моя Регана, никогда
Проклятій отъ меня ты не услышишь!
Любовію твоя природа дышитъ,
Отъ дерзости суровой далека,
А у нея пылаютъ адомъ очи!
Твои-жь такъ сладко-нѣжны и отрадны,—
Въ нихъ яда нѣтъ. Не станешь обрывать
Ты радостей моихъ и свиту гнать!
Не станешь злобныхъ словъ мнѣ посылать
И унижать величіе мое!
И, наконецъ, ты двери не запрешь,
Когда къ ей порогу подойду!
Ты лучше понимаешь долгъ природы
И сердцемъ знаешь связь дѣтей съ отцами.
Ты не забыла также полуцарства
И помнишь, кто тебя имъ наградилъ.

РЕГАНА.

О, добрый сэръ, прошу, скорѣе къ дѣлу.

(Слышны за сценой трубы.)

Лиръ.

Бто моего посла заколотилъ
Въ колодки?

Герцогъ Корнвалійскій.

Что за трубы?

(Входитъ Освальдъ.)

РЕГАНА.

А, я знаю.

Сестра писала, что сюда прїѣдетъ.

(Освальду) Ну, что? Когда прибудетъ герцогиня?

Лиръ.

Тотъ самый рабъ, что милостью господъ,
Хоть на водѣ написанной, кичится...
Прочь съ глазъ моихъ, мерзавецъ!

Герцогъ Корнвалійскій.

Что угодно

Вамъ, государь?

Лиръ.

Бто, скажи, запряталъ
Въ колодки моего посла? Регана,
Надѣюсь, и не ложно, что не ты.

(Входитъ Гонерила.)

О, кто идетъ сюда!.. О, силы неба!
Когда еще вамъ старцы драгоцѣнны,
Когда вамъ повинуется земля,
Когда вы сами стары, такъ себя
Въ лицѣ моемъ вы защитите! Грозныхъ
Посланниковъ пошлите! За себя
Вы ополчитесь!... И тебѣ не стыдно
Смотрѣть на бороду мою сѣдую?...
Регана, ты... ты за руку берешь ее?

е?

ГОНЕРИЛА.

А почему-жь не брать? И въ чемъ

Я провинилась? Вѣдь не все преступно,
Что неразумный или сумасбродный
Такимъ названьемъ отмѣчать извоить.

Лиръ.

Крѣпка-жь ты, грудь моя, когда теперь
Ты выдержишь!... Кто моего посла
Въ колодки посадилъ?

Герцогъ Корнвалійскій.

Я приказалъ

Набить ему колодки, государь.
Своимъ поступкомъ дерзкимъ бѣдшей кары
Онъ стоитъ.

Лиръ.

Ты?... Такъ это сдѣлалъ ты?

Регана.

Прошу васъ, вспомните, и такъ вы слабы,
Отецъ. Когда къ моей сестрѣ вернутся
Рѣшится и прожить съ ней цѣлый мѣсяць,
Такъ послѣ, распустивъ полсвиты вашей,
Ко мнѣ вы можете пріѣхать. Я
Теперь не дома. У меня сейчасъ
Запасовъ нѣтъ для содержанья васъ.

Лиръ.

Къ ней воротиться? Пятьдесятъ мнѣ слугъ
Отбросить отъ себя?—Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе
Отъ всякаго я крова откажусь
И брошуся на волю всѣхъ стихій,
Сову и волка изберу друзьями,
Чѣмъ воротиться къ ней когда нибудь...
О, злобный, острый зубъ нужды!... Мнѣ къ ней?
Да не труднѣе было бы меня
Заставить на колѣни подло пасть
Предъ трономъ пылко-гордаго француза,
Что нищей за себя взялъ дочь мою,
И умолять, чтобъ нанялъ онъ меня
На должность дворскаго, презрѣннаго

Слуги... Миѣ къ ней?—Да легче вы меня
Уговорите стать рабомъ подлѣйшимъ
Иль вьючной лошадыю вотъ этого
Проклятаго холопа!

ГОНЕРИЛА.

Убѣди
сжаль дѣла
Какъ хотите.

Лиръ.

Да не своди же, дочь, меня съ ума!...
Не потревожу больше я тебя,
Мое дитя. Прощай на вѣкъ. Съ тобою
Не встрѣтимся мы больше никогда
И никогда другъ друга не увидимъ...
Но все-таки моя ты кровь, мое
Ты тѣло и моя ты дочь, иль, лучше,
Болѣзнь гнѣздящаяся въ тѣлѣ, боль,
Которую родной назвать, къ несчастью,
Я долженъ, чирій ты, заразы язва,
Карбунгуль, вздувшійся и воспаленный
Въ моей испорченной крови... Но нѣтъ,
Ругать тебя не стану... Пусть позоръ
Падеть на голову твою, когда
Захочетъ самъ. Я не зову его,
И громовержца я не призываю
Тебя разить, и на твое злодѣйство
Верховному судѣ не доношу!
Исправься, если можешь, на досугѣ
И постарайся лучше стать. А я?...
Я терпѣливымъ быть смогу. Съ Реганой
Останемся мы всѣ, и я, и сотня
Моихъ дворянъ.

РЕГАНА.

Ну, нѣтъ, не всѣ.—Я, сэръ,
Васъ не ждала и не готова васъ
Принять. Послушайтесь моей сестры;
Вашъ умъ теперь такъ перепутанъ страстью!
Довольствуйтесь сознаньемъ, что вы стары,
Затѣмъ... сестра, что дѣлать надо, знаетъ!

Лиръ.

А это хорошо сказала ты?

Регана.

Я подтвердить слова сестры готова.

Какъ? Пять десятковъ слугъ? И это мало?
Къ чему вамъ больше? Да не много-ль даже
И этого? И содержанье ихъ,
И трудность справиться съ такимъ числомъ;
Все говорить, что много. Какъ въ одномъ
Дому, подъ властью двухъ господъ, ужитья
Такому множеству народа? Трудно,
Почти-что невозможно.

Гонерилла.

Почему-жь

Вамъ не принять услугъ людей моихъ
Или ея?

Регана.

Ну, почему-жь, мой лордъ?—
Когда служить вамъ будутъ нерадиво,
Мы будемъ взыскивать. Когда угодно
Ко мнѣ пріѣхать вамъ,—чего теперь
Я опасаюсь,—то прошу васъ, сэръ,
Съ собой привести слугъ двадцать пять, не болѣй.
На большее число я не согласна
И мѣста имъ не дамъ.

Лиръ.

Я все вамъ отдалъ...

Регана.

И хорошо, что во-время намъ дали.

Лиръ.

Я васъ избралъ охраной для себя
И въ управленье ваше отдалъ все
Съ условіемъ, что будутъ у меня
Сто слугъ, мнѣ одному принадлежащихъ;
Такъ какъ же это вотъ теперь я долженъ

Прийти къ тебѣ лишь съ двадцатью пятью,
Регана? Такъ вѣдь ты сказала, такъ?

РЕГАНА.

Я повторяю: больше не приму.

Лиръ.

И злая тварь покажется намъ доброй,
Когда гнуснѣй и злѣй ея найдется!
Уже достоинство и то, когда
Ты не гнуснѣй гнуснѣйшихъ.—Гонерила,
Къ тебѣ иду. Вѣдь пятьдесятъ твоихъ
Въ два раза больше двадцати пяти;
Меня ты, значитъ, вдвое больше любишь.

ГОНЕРИЛА.

Послушайте-жь меня, милордъ, къ чему
Вамъ двадцать пять,—и десять, даже пять
Тамъ, гдѣ найдется вдвое больше слугъ,
Къ услугамъ...

РЕГАНА.

Вамъ не нуженъ и одинъ.

Лиръ.

Да не толкуйте-жь вы о томъ, что нужно!...
Бѣднякъ послѣднй въ нищетѣ своей,
Подумавъ, можетъ лишнее найти.
Оставь природѣ только, безъ чего
Ей быть нельзя, и человѣка жизнь—
Животныхъ жизнь. Вотъ, лэди—ты. Тебѣ
Достаточно согрѣтой быть; природѣ
Не нужны пышные твои наряды;
Отъ холода они вѣдь не защита!
Но что намъ нужно... Мнѣ терпѣнье нужно!
Терпѣнье дайте, боги, мнѣ. О, боги!
Смотрите, вотъ я, бѣдный, дряхлый старецъ,
Подавленный и горемъ, и лѣтами,
И всѣми презрѣнный вдвойнѣ за то!...
Когда вы на отца войной воздвигли
Сердца вотъ этихъ самыхъ дочерей,

Не посрамите-жь до того меня,
Чтобъ я смиренно перенесъ ихъ злобу,
Чтобы ланиты мужа опозорилъ
Оружьемъ женскимъ, слезъ водой... А вы,
Противъестественныя чуда, вѣдьмы!...
Объимъ вамъ отмщю, отмщю я такъ,
Что цѣлый міръ... Я сдѣлаю такое...
А что?—Еще теперь не знаю я...
Такое, что отъ ужаса земли
Основы дрогнуть! Думали, что плакать
Я буду?—Нѣтъ, не буду плакать я!
Причинь по горло, чтобы плакать!... Но
Скорѣ сердце лопнетъ, разорвется
На тысячу частей, чѣмъ уроню
Одну слезу. Дуракъ! Съ ума сойду!

(Уходятъ Лиръ, Глостеръ, Кентъ и шуть.)

Герцогъ Корнвалійскій.

Пойдемте въ замокъ,—будетъ буря. (Слышна буря.)

Регана.

Замокъ

Вѣдь не великъ: старикъ съ его людьми
Не можетъ хорошо въ немъ помѣститься.

Гонерила.

Самъ виновать. Не захотѣлъ покоя,—
Ну, долженъ и узнать, сладка ли глупость.

Регана.

Его бы самого я приняла,
И съ радостью, но ни души изъ свиты.

Гонерила.

Я также. Но куда-жь дѣвался Глостеръ?

Герцогъ Корнвалійскій.

Онъ провожаетъ старика. Да вотъ
Онъ воротился.

Глостеръ.

Въ гнѣвѣ яростномъ

Король.

Герцогъ Корнвалійскій.

Куда-жь отправиться онъ хотеть?

Глостеръ.

Кричалъ, чтобъ лошадей скорѣй сѣдлали.
Куда-жь отправится—не знаю.

Герцогъ Корнвалійскій.

Ему на волю предоставить лучше это;—
Пусть ѣдетъ онъ, куда захочетъ самъ.

Гонерила.

Милордъ, смотрите, вы его отнюдь
Не думайте просить остаться здѣсь.

Глостеръ.

О, боги!—Ночь теперь. Холодный вѣтеръ
Болѣзненно пронзаетъ, а кругомъ
На много миль едва найтися можетъ
Какой-нибудь кустарникъ.

Регана.

О, мой сэръ,
Такія неприятности упрямымъ
Въ науку служить. А ворота замка
Заприте. Свита у него дерзка,
Отчаянно дерзка, буйна и мало-ль,
Какъ можетъ раздражить его, и мало-ль,
Что можетъ и внушить ему. Всегда
Благоразумный остороженъ.

Герцогъ Корнвалійскій.

Да,

Милордъ, заприте же ворота замка.
Совѣтуетъ Регана хорошо.
Скорѣй, скорѣй укроемся отъ бури!

(Уходятъ всѣ.)

ДѢЙСТВІЕ III.

Сцена I.

Степь, покрытая верескомъ.

(Кентъ и дворянинъ встрѣчаются)

КЕНТЬ.

Кто, кромѣ этой страшной бури, здѣсь?

ДВОРЯНИНЪ.

Здѣсь тотъ, чей духъ взволнованъ, какъ она, и тѣло терпитъ отъ нея въ добавокъ.

КЕНТЬ.

Я знаю васъ. Но гдѣ король?

ДВОРЯНИНЪ.

Въ борьбѣ
Со злобою стихій, взываетъ къ вѣтрамъ
Съ мольбой сдутъ землю въ море, иль на ней,
Будрявыми волнами затопивъ,
Все въ корень измѣнить иль уничтожить.
И рветъ онъ волосы свои сѣдые,
А бурный вихрь ихъ, въ бѣшенствѣ слѣпомъ
Схвативъ, разноситъ, въ прахъ уничтожая.
Въ лицѣ его тотъ крохотный мірокъ,
Что называютъ человѣкомъ, хочетъ
Презрительно смѣяться надъ борьбой
Стихій, дождей и вихрей межъ собой.—
Въ такую ночь медвѣдица съ дѣтьми
Смирнехонько лежитъ и левъ, и волкъ
Голодный не замочатъ шкуръ своихъ;
А онъ?—Онъ съ головою не покрытой—
Въ степи и громкимъ воплемъ призываетъ
На землю все, въ чемъ гибель для всего!

КЕНТЬ.

Но кто-жь, скажите, съ нимъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Одинъ лишь шутъ,

Который хочет отшутить отъ сердца
Страдальца горе, бьющее его.

И — Е
И
/

Кентъ.

Васъ знаю. Полагаясь на мое
Искусство понимать людей, рѣшаюсь
Вамъ дѣло дорогое поручить. И
Идетъ вражда межъ герцогомъ Альбанскимъ
И герцогомъ Корнвальскимъ, хоть она
Еще прикрыта толстымъ покрываломъ
Лукавой хитрости обоихъ ихъ. И
У нихъ не менѣй хитрые есть слуги. —
А у кого-жь изъ тѣхъ, кто, возвеличенъ
Счастливыми звѣздами, возсѣдаетъ
На тронѣ, не найдется слугъ такихъ. — И
И эти слуги герцоговъ — шпионы
Французскаго двора и всѣ они
Умно и очень ловко наблюдаютъ
За тѣмъ, что здѣсь теперь у насъ творится,
За герцоговъ враждою межъ собой,
За происками ихъ, и знаютъ, какъ
Они вдвоемъ скрутили короля.
Быть-можетъ ждуть и большаго, къ чему
Все прошлое — приготовленье только. И
Всего-жь вѣрнѣй, скажу вамъ прямо, то,
Что въ наше королевство ужъ вступило
Французовъ войско и, тогда какъ мы
Теперь безопасно обо всемъ забыли,
Успѣло лучшіе всѣ наши порты
Занять и развернуть уже готово
Свои знамена. Что теперь до васъ
Касается, то, если вы рѣшитесь
Вполнѣ довѣряться моимъ словамъ,
Такъ поспѣшите въ Дувръ, ни чуть не медля.
Вы тамъ найдете тѣхъ, кто будетъ васъ
Благодарить. Вы передайте имъ,
Въ какомъ, противномъ естеству людей
И до безумья доводящемъ, зломъ
Поступкѣ можетъ обвинять король
Сестеръ безчеловѣчныхъ, герцогинь. —

Я—дворянинъ по крови, по рожденью,
И знаю, что ручается за васъ,
А потому я смѣло предлагаю
Вамъ это дѣло.

Дворянинъ.

Послѣ съ вами, сэръ,
Поговоримъ объ этомъ.

Кентъ.

Нѣтъ, не послѣ.—

Чтобъ доказать, что я гораздо болѣе
Того, что можно думать обо мнѣ,
Вамъ предлагаю этотъ кошелекъ.
Возьмите все сполна, что въ немъ найдете.
Когда увидите Корделью вы,—
Я знаю, вы увидите ее,—
Ей покажите это вотъ кольцо... (отдаетъ кольцо)
И скажетъ вамъ, кто я—товарищъ вашъ;
А знать меня сейчасъ вы не должны.
Фай эта буря!... Нужно короля
Скорѣй найти.

Дворянинъ.

Такъ дайте руку вашу.
Вамъ больше нечего мнѣ передать?

Кентъ.

Немного, но поважнѣй для дѣла,
Когда найдемъ мы съ вами короля.
Идите вы сюда, а я туда.
Кто первый встрѣтитъ, дасть другому знать.

Сцена II.

Другая часть степи. Буря продолжается.

(Входятъ Лиръ и шутъ.)

Лиръ.

Вѣснуйтесь и дуйте вѣтры такъ,
Чтобъ щеки лопнули у васъ съ надсады!
Вы, ливни бурные и ураганы,

Хлещите и волнами заливайте
Всѣ башни выше самыхъ пѣтушковъ,
Вертящихся на ихъ шпиляхъ высокихъ!
Вы, сѣрные и быстрые, какъ мысль,
Огни, предтечи страшныхъ стрѣлъ громовыхъ,
Что дубы сразу въ щепы разбиваютъ,
Спалите голову мою сѣдую!
Ты, громъ, все потрясающій, расплющи
Всю эту круглую земли чреватость,
Чтобъ лопнули всѣ формы жизни въ ней,
Чтобъ истребились сѣмена и всѣ
Зачатки, изъ которыхъ въ свѣтъ родится
Неблагодарный человѣкъ!

Шутъ.

Ахъ, дядя!...

Послушай, дядя, благодатная водица при дворѣ и подъ крышей
сухаго дома, право, лучше дождевой воды за воротами. Голубчикъ,
дядя, воротись къ твоимъ дочерямъ и попроси у нихъ милости!
Вѣдь эта ночь безжалостна ко всѣмъ: и къ мудрецамъ, и дуракамъ.

Лиръ.

Бушуйте до-сыта, хлещите ливнемъ
И плюйтеся огнемъ и дождь, и вихрь,
И громъ!—Не дѣти вы мои родные!
Я не клянусь васъ за жестокость вашу!—
Я королевства вамъ не отдавалъ,
Дѣтьми моими васъ не называлъ
И долга нѣтъ на васъ; такъ тѣшьтеся вволю
Потѣхой вашей страшной!—Вотъ я здѣсь
Стою вашъ рабъ, старикъ больной и хилый,
И нищій, и въ презрѣннѣ позорномъ...
Но нѣтъ, могу я васъ клеймить названьемъ
Подлѣйшихъ слугъ злодѣевъ дочерей!—
Вы съ ними за одно небесной ратью
Возстали всѣ на голову сѣдую
И старую, такую, какъ моя!
Вѣдь это подло, гнусно... Страшно гнусно!

Шутъ.

Хорошая у того шапка, у кого есть домигъ, куда онъ мо-
жетъ спрятать свою голову.

Хоть ищетъ брюхо для себя домокъ,
Да голова не думаетъ о томъ;
Ну, и сгніють они потомъ вдвоёмъ,
И оба вмѣстѣ, и въ недалній срокъ.
Вотъ такъ и нищій съ головою хилой
Сгніеть съ женой, лохмотницею милой!
Бѣда, кто не на пальцахъ на ногахъ,
А на сердцѣ мозоль себѣ натретъ;
Отъ боли страшной, въ крикахъ и слезахъ,
Безъ сна простонетъ ночи на-пролетъ!

А все отъ того, что не бывало еще красивой женщины, которая-бъ не строила рожь передъ зеркаломъ.

(Входитъ Кентъ.)

Лиръ.

Я буду образцомъ терпѣнья, не промолвлю слова.

Кентъ.

Кто здѣсь?

Шутъ.

Здѣсь его милость и его исподнее ^{изнанка} платье: здѣсь мудрецъ и дуракъ.

Кентъ.

Ахъ, сэръ, вы здѣсь? И тотъ, кто любитъ ночь,
Такихъ ночей не взлюбить. Гнѣвъ небесъ,
Пугая, гонить въ норы даже тѣхъ,
Кто любитъ ночь и бродитъ только въ мракѣ.
Съ тѣхъ поръ, какъ только помню я себя,
Такихъ полосъ огня я не видалъ,
Такого грохота громовъ и рева,
И вѣтровъ, и дождей я не слыхалъ!
Такого страха и такихъ мученій
Не вынесетъ природа человѣка!

Лиръ.

Такъ пусть же боги всемогущи, такъ
Надъ нами громомъ разразившись, пусть
Они теперь враговъ своихъ отыщутъ!—
Дрожи-жь, злодѣй, чьи страшныя дѣла
Укрылися отъ лютой казни; спрячься

Скорѣй и ты, кровавая рука,
И ты, безбожный нарушитель клятвъ,
И ты, кровосмѣситель, подъ личиной
Невинности святой, ты, извергъ подлый,
Украсть хотѣвшій жизнь у человѣка!
Дрожите такъ, чтобъ всѣ суставы ваши
Отъ трепета распалися на части.
О, крѣпко запертыя въ тайникахъ,
Злодѣйства скрытыя, скорѣй ломайте
Все то, что васъ таитъ, и о пощадѣ
Молите силы страшнаго возмездья!
А я?... Не такъ же грѣшенъ, какъ грѣшны
Передо мной!...

Кентъ.

И съ головой совсѣмъ
Открытой! Милостивый лордъ, тутъ близко
Есть хижина. Ея хозяинъ—добрый,
Дозволить вѣрно вамъ укрыться въ ней
Отъ бури. Отдохните тамъ, пока
Я ворочусь въ безчувственный тотъ замокъ,—
Безчувственный, чѣмъ камни стѣнъ его,—
Въ который отказалися впустить
Меня, лишь только я спросилъ о васъ.
На щедрость вынужу скупое ихъ
Гостепріимство.

Лиръ.

Умъ мутится мой!...
Пойдемъ, дружокъ... Ну, что съ тобой? Озябъ?—
Озябъ я самъ. Товарищъ, гдѣ-жь солома?
Хитра нужда: она и дрянъ иную
Вдругъ можетъ въ драгоцѣнность обратить.
Идемъ же мы въ лачугу нашу. Рабъ
И шутъ! Есть у меня мѣстечко въ сердцѣ,
Которое тебя еще жалѣеть.

Шутъ.

Ума нѣтъ крошки у того въ мозгахъ,
Кто отъ дождя и вихря—охъ да ахъ.
Доволенъ долженъ всякій быть судьбой,
Хотя бы дождь лилъ каждый день рѣкой!

Лиръ.

Правда, мой милый! Ну, веди же насъ въ хижину.

Шуть.

Славная ночка, — прохладить любую прелестницу. Стойте. Прежде, чѣмъ уйдемъ отсюда, хочу изречь пророчество.

Когда духовный важенъ будетъ на словахъ,
А не на дѣлѣ самомъ, — на костра огняхъ
Не еретикъ, а другъ блудницъ, ихъ покровитель
Горѣть начнетъ, и жадный пивоваръ водой
Свое испортитъ пиво, и пойметъ портной,
Что ужь не онъ, а дворянинъ ему учитель,
И правда грозно воцарится на судахъ,
Не бѣденъ будетъ пажъ и рыцарь не въ долгахъ,
И клевета замолкнетъ робко на устахъ,
Въ толпѣ не будутъ шмыгать тысячи воровъ
И станутъ — жидъ открыто золото считать,
Развратница, постыся, храмы созидать; —
Тогда перевернется все вверхъ дномъ, придетъ
Въ хаосъ весь Альбѳонъ и старое — во прахъ,
Тогда стоять мы будетъ прямо на ногахъ!

Такъ въ свое время будетъ пророчествовать Мерлинъ. Я-то самъ, замѣтите, живу до его пришествія *).

Сцена III.

Комната въ домѣ Глостера.

(Глостеръ и Эдмондъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Ахъ, какъ мнѣ невыносимо-непріятенъ этотъ противоположенный поступокъ. Когда я выразилъ желаніе, чтобъ они не препятствовали мнѣ сожалѣть о королѣ, они отняли у меня право распоряжаться моимъ домомъ, запретили подъ страхомъ опалы просить за короля, говорить объ немъ и помогать ему чѣмъ бы то ни было.

*) Шуть пророчествуетъ, какъ сталъ бы пророчествовать пророкъ времени Елизаветы, котораго онъ называетъ Мерлиномъ, именемъ древняго пророка, и напоминаетъ жителямъ, что самъ онъ принадлежитъ къ болѣе древнимъ временамъ. При Шекспирѣ такіе разговоры актеровъ съ публикой были употребительны.

Эдмондъ.

Въ высшей степени дико и безчеловѣчно!

Глостеръ.

Ну, оставь это. Никому ни слова. Между герцогами разладъ, да и нѣчто похуже. Я получилъ сегодня ночью письмо,— опасно объ этомъ говорить,—я заперъ его въ кабинетъ. Оскорбленія, которыя вынесъ король, будутъ отмщены. Часть французскаго войска высадилась на наши берега. Намъ слѣдуетъ быть на сторонѣ короля. Я отыщу его и тайно ему помогу. Ты займи герцога такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ моего добраго дѣла. А спросить обо мнѣ, скажи, что я боленъ и въ постелѣ. Еслибъ мнѣ пришлось даже умереть,—а мнѣ грозили не меньшимъ,—я не оставлю короля, моего стараго господина, безъ помощи. Странныя дѣла въ ходу... Прощай, будь остороженъ! (Уходитъ.)

Эдмондъ.

Какъ ты ни запрещай, старикъ, а герцогъ
О нѣжностяхъ твоихъ сейчасъ узнаетъ
И также о письмѣ. А это все
Зачтется мнѣ въ великую заслугу!...
Затѣмъ мнѣ въ руки попадетъ и то,
Чего отецъ лишится,—да, все, все!—
Когда внизъ старость падаетъ глубоко,
Вверхъ юность поднимается высоко!

Сцена IV.

Другая часть степи съ хижинной.

(Входятъ Лиръ, Кентъ и шутъ.)

Кентъ.

Вотъ здѣсь. Войдите, добрый лордъ. Такой
Свирѣпой ночи подъ открытымъ небомъ
Не вынесетъ природа человѣка.

Лиръ.

Оставьте одного меня.

Кентъ.

Мой лордъ,
Мой добрый лордъ, сюда войдите.

Лиръ.

О!...

Не разорвется мое сердце?

Кентъ.

Ахъ,

Скорѣй мое! Войдите-жь, добрый лордъ.

Лиръ.

За очень важное считаешь ты,
Что эта злая буря до костей
Насъ пробираетъ,—такъ вѣдь для тебя;
Но въ комъ гнѣздится боль ужаснѣй этой,
Такъ эта уже ни-по-чемъ. Когда
Ты бросишься въ испугъ отъ медвѣдя,
А на пути—ревущее вдругъ море,
Такъ кинешься назадъ хоть звѣрю въ пасть!
Покоень духъ—и тѣло чутко. Буря
Въ моей душѣ все чувства заглушила:
Я слышу только то, что бьется здѣсь. (Указываетъ на сердце.)
Дѣтей неблагодарная жестокость!...
О, боги, боги!... Да не то же-ль это,
Какъ еелибъ зубы стали руку рвать
За то, что пищу къ нимъ она подноситъ?
Казнить я ихъ хочу, казнить на мѣстѣ!
Не буду плакать, нѣтъ!... И въ ночь такую
Меня такъ выгнать!... Лей же, дождь, какъ хочешь,—
Все вытерплю... И въ ночь такую! О,
Регана, Гонерила... Дряхлаго
И добраго отца, который вамъ
Такъ щедро, простодушно отдалъ все!...
Отъ этого съ ума сойдешь... Нѣтъ, нѣтъ,
Не буду думать. Нѣтъ, ни слова болѣе
И ни одинаго объ этомъ!

Кентъ.

Лордъ,

Мой добрый лордъ, войдите же сюда.

Лиръ.

Прошу, иди ты самъ и хлопочи

Тамъ объ удобствахъ для себя, а мнѣ?—
Мнѣ эта буря взвѣситъ не дастъ,
Что мнѣ вреднѣй... А впрочемъ, я войду.—
Иди, дружокъ, иди. Войди ты первымъ.
(Шуту) Ну, нищета бездомная, входи же...
А я тамъ помолюсь, да и засну...
Ахъ, бѣдныя, нагіе горемыки,
Гдѣ-бъ васъ теперь ни била безошадно
Безжалостная буря, какъ теперь
Васъ защитятъ отъ ярости такой
Открытая, безъ крова, голова,
Безъ пищи тощія желудки ваши,
Дырявые клочки лохмотій вашихъ!?
Ахъ, мало я объ этомъ думалъ! Вотъ
Тебѣ лѣгартство, роскошь! На себѣ
Ты испытай, что чувствуетъ бѣднякъ,
Чтобъ сбросить на него, страхнувъ съ себя,
Избытокъ твой и небо оправдать.

Эдгаръ (въ хижинѣ).

Полторы сажени, полторы сажени. Бѣдный Томъ.

(Шутъ выбѣгаетъ изъ хижины.)

Шутъ.

Нѣтъ, дядя, не ходи туда. Тамъ духъ!
Ой, помогите, помогите!

Кентъ.

Ну,
Дай руку мнѣ. Кто-жь тамъ?

Шутъ.

Духъ, дядя, духъ!

Зовутъ его: Томъ бѣдный.

Кентъ.

Кто же тамъ?
Кто на солому тутъ ворчитъ? Выдь вонъ.

Эдгаръ (переодѣтый сумасшедшимъ).

Прочь, прочь! За мною бѣсъ, духъ сумасбродства!...
Холодный вѣтеръ дуетъ, свищетъ, свищетъ

Сквозь острия боярышника иглы.
Гумфъ, гумфъ, въ холодную постель и—грѣйся!

Лиръ.

А что? Ты также дочерямъ все отдашь
И вотъ до этого дошелъ, бѣднякъ?

Эдгаръ.

Кто дастъ что-нибудь бѣдному Тому? Дьяволъ велъ его
сквозь огонь и пламя, по волнамъ и пучинамъ, клалъ ему ноги
подъ изголовье, вѣшалъ петлю надъ его церковной скамьей, клалъ
мышьякъ подлѣ его похлебки, подстрекалъ его хвастливымъ же-
ланьемъ промчаться на гнѣдомъ жеребцѣ по мосту въ четыре
вершка ширины, скакать за собственной тѣнью, принявъ ее за
врага-предателя. Храните ваши пять чувствъ. Холодно Тому. О,
до-де, до-де, до-де. Подайте что-нибудь бѣдному Тому. Его му-
чить злой духъ. Вотъ онъ опять!... Вонъ тутъ... и тутъ... и
тутъ опять... и тутъ.

Лиръ.

Неужель дочери его сгубили,
До крайности ужасной довели?
(Эдгару) Не спасъ ты ничего,—все отдашь имъ?

Шутъ.

Нѣтъ, вонъ поберегъ себѣ покрышку, а безъ того намъ
было бы зазорно и взглянуть на него.

Лиръ.

Такъ пусть же всѣ заразы, что висятъ
Надъ нами въ воздухѣ, на казнь злодѣямъ,
Пусть всѣ падутъ на дочерей его!

Кентъ.

Сэръ, у него нѣтъ дочерей.

Лиръ.

Умри,

Предатель;—кромѣ дочерей жестокихъ,
Нѣтъ силы той, которая-бъ могла
Заставить такъ глубоко пасть его

Природу.—Мода что ли ужь такая —
Ведется—истреблять отцовъ нежданно
За то, что дѣти выгнали ихъ вонъ! —
За дѣло, стоять казни!... Это тѣло
Родило пеликановъ—дочерей! *).

Эдгаръ.

Сидѣль пилликокъ **), на кормѣ пилликокъ, кокъ! —
Галлу, галлу, лу-лу, лу-лу, лу-лу!

Шутъ.

А эта холодная ночь оборотить насъ всѣхъ въ дураковъ и сумасшедшихъ.

Эдгаръ.

Остерегайся злаго духа, повинуйся отцу и матери, держи слово твердо, не клянись, не связывайся съ чужой женой, не прилѣпляй твоего добраго сердца къ тщеславной красотѣ!

Лиръ.

Чѣмъ былъ ты прежде?

Эдгаръ.

Я?—Я былъ поклонникомъ женщинъ, заносчивъ сердцемъ, завивалъ мои волосы, носилъ боевыя***) перчатки на шляпѣ, угрожалъ похотямъ моей красавицы и занимался съ ней дѣлами мрака, клялся столькими клятвами, сколько словъ произносилъ, и нарушалъ тотчасъ же ихъ всѣ передъ лицомъ свѣтлаго неба; засыпая, я вымышлялъ и обдумывалъ самыя развратныя потѣхи и просыпаясь, чтобъ ихъ исполнить; вино любилъ я сильно и игру въ кости—страстно, а насчетъ женщинъ я былъ почище сладострастнаго турка; коварный сердцемъ, легковѣрный ко всякому слуху, готовый лить кровь моими собственными руками, я былъ свиньей—по лѣни, лисой—въ воровствѣ, волкомъ—по жадности,

*) Джонсонъ говоритъ: „во время Шекспира вѣрили, что молодые пеликаны сосутъ кровь своихъ матерей“.

Перев.

**) Для объясненія этого слова Стивенсъ отсылаетъ читателя къ замѣткѣ, сдѣланной Томсономъ Урквартомъ къ его переводу Рабеле, V. I, B. 1. — *Перев.*

***) Варбуртонъ замѣчаетъ: перчатки на шляпѣ означали, что носившій ихъ пользуется благосклонностію своей красавицы. Таковъ былъ обычай. Стивенсъ говоритъ, что былъ встарину обычай носить перчатки на шляпѣ въ трехъ случаяхъ: а) какъ знакъ благосклонности красавицы, б) въ память друга и с) какъ вызовъ на бой обидчика или соперника.

Перев.

бѣшенъ, какъ собака, и хищенъ, какъ левъ. Берегись, чтобы скрипъ башмаговъ и шелестъ шелковаго платья не предали твоего сердца женщинѣ. Прочь ноги отъ домовъ разврата, прочь руки отъ юбокъ, не поддавайся злему духу!... А все дуетъ холодный вѣтеръ сквозь боярышникъ. Слышите, голосить: зу-умъ, зу-умъ, мумъ. Га, но, нони. Дольфинъ, дитя мое, дитя мое, оставь, пусть проѣзжаетъ *)).

Лиръ.

Легче бы тебѣ лежать въ гробу, чѣмъ выставить твое нагое тѣло въ отвѣтъ на ярость небесъ. Или человѣкъ не болѣе этого? Смотрите на него. Ты никому ничѣмъ не обязанъ: ты не взялъ ни шелка у червя, ни шкуры у звѣря, ни шерсти у овцы, ни благоуханія у выхухоли. Мы трое здѣсь—лжемъ на человѣка. Ты одинъ только то, что ты есть на самомъ дѣлѣ: ничѣмъ не приправленный человѣкъ, не болѣе, какъ вотъ такое нагое, вилообразное животное, какъ ты. Долой, долой все заемное! Разстегните тутъ.

(Рветъ на себѣ одежду.)

Шутъ.

Полно, дядя, успокойся! Куда какъ негодна эта ночь для купанья. Теперь маленькій огонекъ въ этомъ пустынномъ полѣ былъ бы очень похожъ на сердце стараго сластолюбца: крохотная искорка въ серединѣ, а все остальное тѣло холодно, какъ ледь. Гляди, вонъ идетъ сюда бродячій огонекъ.

Эдгаръ.

Злой духъ, злой духъ, Флибертитжибетъ! **) Онъ выходитъ, какъ только погасятъ огни, и бродитъ до первыхъ пѣтуховъ. Онъ затягиваетъ глаза бѣльмами, заликаетъ ихъ темною водой или дѣлаетъ косыми, насаживаетъ заячьи губы, надѣляетъ ржавчиной бѣлую пшеницу и всячески вредитъ бѣднымъ созданьямъ на землѣ.

Святой Витольдъ долину трижды обошелъ
И на пути ночную Мару онъ нашелъ

*) Заимствовано,—говоритъ Стивенсъ,—изъ баллады: „The Two Noble Kinsmen“, какъ говорятъ, написанной Шекспиromъ вмѣстѣ съ Флетчеромъ.

Перев.

**) Перси замѣчаетъ, что Гарнетъ причисляетъ *Флибертитжибета* къ чetyремъ демонамъ, составлявшимъ одну изъ степеней злыхъ силъ. Товарищи

И девять страшныхъ спутниковъ ея въ ту ночь.
Душить людей на вѣкъ имъ строго приказалъ
И клятвою великой крѣпко ихъ связалъ!—
Прочь, вѣдьма, прочь, прочь, прочь, колдунья злая, прочь *)!

БЕНТЬ.

Что съ вами, государь?

(Глостеръ входитъ съ факеломъ.)

ЛИРЪ.

Кто это?

БЕНТЬ.

Кто тутъ? Что надо вамъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Вы кто? Ваши имена?

ЭДГАРЪ.

Бѣдный Томъ, который питается водяными лягушками, жабами, головоастиками, маленькими ящерицами, что водятся на старыхъ стѣнахъ. Когда начнетъ неистовствовать злой духъ и бѣшенство найдетъ на сердце бѣднаго Тома, онъ ѣстъ коровій пометъ вмѣсто салата, пожираетъ околѣлыхъ крысъ,дохлыхъ собакъ, пьетъ зеленую плѣсень въ лужахъ. Бѣднаго Тома съкутъ отъ одного сбора десятины до другаго, набиваютъ на него колодки, запираютъ его въ тюрьму. Было у него три нагидки для плечъ, три рубахи для тѣла, конь для ѣзды и оружіе для битвъ.

Лишь мыши да крысы и множество мелкихъ звѣрговъ

Служили питаньемъ для Тома семь долгихъ годковъ.

Берегитесь моего мучителя! Уймись, Смолькенъ **), уймись, злой духъ!

ГЛОСТЕРЪ.

И нѣтъ у васъ, государь, общества получше этого?

Флибертитжибета носили названія Фрагеретто, Гобердизенце, Токобатто. У этихъ духовъ было по сорока помощниковъ. *Перев.*

*) Варбуртонъ говоритъ, что содержаніе этой пѣсни заимствовано изъ легенды о Святомъ Витольдѣ, а самая пѣсня есть народное заклинаніе ночнымъ злымъ духамъ. *Перев.*

**) Перси причисляетъ Смолькена, на основаніи соч. Гарснета, къ разряду коварныхъ духовъ, вводящихъ человѣка въ обманъ. *Перев.*

Эдгаръ.

Князь тьмы—великій, тонкій джентльменъ,—
Зовутъ Модо или Магу *).

Глостеръ.

И кровь,
И тѣло такъ испортились у насъ,
Что ненавидятъ даже тѣхъ, кто ихъ
Родилъ.

Эдгаръ.

Бѣдняга Томъ озябъ, озябъ..

Глостеръ.

Пойдемте, сэръ, со мною. Чувство долга
Не можетъ выносить повиновенья
Жестокимъ вашимъ дочерямъ. Онѣ
Хотя и строго повелѣли мнѣ
Замкнуть ворота замка передъ вами
И васъ на полный произволь оставить
Ужасной ночи этой; я рѣшился
Васъ отыскать и отвести туда,
Гдѣ пищу и тепло найдете вы.

Лиръ.

Постой. Дай прежде мнѣ поговорить
Съ философомъ. Послушай, объясни
Причину грома и откуда онъ?

Кентъ.

Мой добрый лордъ, примите предложенье,
Идемте въ домъ.

Лиръ.

Хочу я перемолвить
Лишь слова два вотъ съ нимъ,—вотъ съ этимъ самымъ
Ученѣйшимъ еванцемъ. Ну, скажи,
Что изучаешь ты?

*) Стивенсъ, ссылаясь на Гарснета, называетъ Модо или Магу княземъ
злыхъ духовъ.

Эдгаръ.

Какъ убѣгать
Отъ злыхъ духовъ и гадинъ убивать.

Лиръ.

Еще одинъ вопросъ, на-единѣ.

(Отводитъ Эдгара въ сторону.)

Кентъ (Глостеру).

Мой добрый лордъ, еще разъ попросите
Настойчивѣй его уйти отсюда.
Смотрите, онъ умою своимъ не править.

Глостеръ.

А можно ли винить его за это?—
Родныя дочери вѣдь ищутъ смерти
Его. Ахъ, этотъ добрый, честный Кентъ!
Онъ предсказалъ, что будетъ такъ. Сбылось!
Изгнанникъ бѣдный!... Говоришь: король
Мѣшается въ умѣ; скажу тебѣ,
Мой другъ, я самъ почти-что помѣшался.
И у меня былъ сынъ!... Онъ мнѣ теперь
Чужой. Я отказался отъ него.
На жизнь мою онъ замышлялъ недавно,
Недавно очень... Я его любилъ.
И нѣтъ отца, которому бы сынъ
Дороже былъ, чѣмъ мнѣ Эдгаръ. Ахъ, другъ,
Повѣрь мнѣ: это горе раздавило
Мой умъ! Но что за ночь! О, государь,
Я умоляю...

Лиръ.

Ахъ, прошу прощенья.—
Философъ благородный, не лишайте
Бесѣды вашей насъ.

Эдгаръ.

Ухъ! бѣдный Томъ
Озябъ.

Глостеръ.

Вотъ хижина, дружокъ. Иди
И грѣйся тамъ.

Лиръ.

Мы всё туда пойдёмъ.

Кентъ.

Вамъ путь сюда, мой добрый лордъ.

Лиръ.

И съ нимъ.—

Съ философомъ, я не хочу разстаться.

Кентъ.

Сэръ, успокойте короля. Пусть онъ
Возьметъ его съ собой.

Глостеръ.

Пускай возьметъ.—

И лучше даже!—Ну, идемъ же вмѣстѣ.

Лиръ.

Идемъ же, добрый аэинянинъ.

Глостеръ.

Только

Ни слова и какъ можно тише, тише.

Эдгаръ.

Лишь въ сумрачной башнѣ подвѣхалъ Раулэндъ,
Какъ слово замолкло его: фи, фо, фумъ!
Здѣсь, чувствую, пахнетъ британскою кровью! *)

Сцена V.

Комната въ залѣ Глостера.

(Входятъ герцогъ Корнвалійскій и Эдмондъ.)

Герцогъ Корнвалійскій.

Я ему отмщу за себя,—отмщу прежде, чѣмъ уѣду изъ его
замка.

*) По замѣчанію Райтсона, эти три стиха, не срифмованные въ подлинникѣ, взяты изъ двухъ старинныхъ балладъ. Первый стихъ взятъ изъ перевода испанской баллады, а два послѣдніе изъ старинной англійской баллады: „Jack and the Giants“.

Эдмондъ.

Какъ будутъ осуждать меня и порицать за то, что я чувствомъ долга заглушилъ голосъ природы. Это страшить меня нѣсколько.

Герцогъ Корнвалійскій.

Теперь я понимаю, что не совсѣмъ дурныя наклонности заставили твоего брата искать смерти отца; его возстановила противъ себя возмутительная подлость старика.

Эдмондъ.

Несчастливая судьба моя! Я вынужденъ раскаяваться въ честномъ и справедливомъ поступкѣ. Вотъ, герцогъ, письмо. Оно доказываетъ, что графъ—сторонникъ Франціи и ея соумышленникъ. О, небо! Еслибъ не было этой измѣны и еслибъ я не долженъ былъ стать доносчикомъ!

Герцогъ Корнвалійскій.

Пойдемъ къ герцогинѣ.

Эдмондъ.

У васъ въ рукахъ, герцогъ, чрезвычайно важный документъ, если только содержаніе письма справедливо.

Герцогъ Корнвалійскій.

Справедливо или нѣтъ, но письмо дѣлаетъ тебя графомъ Глостеромъ. Разыщи, гдѣ твой отецъ, чтобъ мы могли скорѣй его схватить.

Эдмондъ (въ сторону).

Если только я застану его съ королемъ и въ ухаживаніи за нимъ, то сильнѣе укрѣпится увѣренность въ его измѣнѣ. (Вслухъ) Я останусь вѣрнымъ долгу, какъ ни болѣзненно отзывается въ моей душѣ борьба чувства долга съ голосомъ моей крови.

Герцогъ Корнвалійскій.

Я полагаюсь на тебя. Ты во мнѣ найдешь лучшаго отца!

Сцена VI.

Комната на фермѣ, прилегающей къ замку.

(Входятъ: Глостеръ, Лиръ, Кентъ, шутъ и Эдгаръ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Здѣсь лучше, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Прибавлю къ этому все, что могу для вашего удобства. Я оставлю васъ не надолго.

КЕНТЪ.

Вся сила его ума уступила его раздражительной горячности. Боги наградятъ васъ за вашу доброту.

ЭДГАРЪ.

Фратерето зоветъ меня и говорить, что Неронъ удить рыбу въ темномъ озерѣ *). Молись, невинный, и берегись злаго духа!

ШУТЪ.

Ну-ка, дядя, скажи мнѣ, кто сумасшедшій: дворянинъ или мужикъ?

ЛИРЪ.

Король, король!

ШУТЪ.

Нѣтъ, дядя, мужикъ, у котораго сынъ сдѣлался дворяниномъ; потому онъ и сумасшедшій, что позволилъ сыну сдѣлаться дворяниномъ прежде себя.

ЛИРЪ.

Пусть тысячи горячихъ, острыхъ копій,
Шипя, вонзятся въ тѣло ихъ!

ЭДГАРЪ.

Злой духъ,

Злой духъ кусаетъ больно спину мнѣ.

ШУТЪ.

Сумасшедшій тотъ, кто полагается на кротость волка, на крѣпость лошади, на любовь мальчишки и на клятву гулящей дѣвки.

*) Райтсонъ замѣчаетъ, что это взято у Рабеле, изъ его исторіи о Гаргантюѣ, переведенной на англійскій языкъ въ 1575 году.

Лиръ.

Я все рѣшу и все покончу. Здѣсь
На судъ, на строгій судъ ихъ притащу!—
(Эдгару) Ученый правовѣдъ, садися здѣсь,
А ты, премудрый мужъ, вотъ тутъ. Ну, вы,
Лисицы—самки!

Эдгаръ.

Вонъ стоитъ онъ, вонъ
Глазами какъ сверкаетъ! Госпожа,
Вамъ мало, что ли, глазъ здѣсь на судъ?
Приплыви ко мнѣ, Бессі, красотка!

Шутъ.

У Бессі красотки съ дыркой лодка;
И никакъ не смѣетъ объяснить,
Почему къ тебѣ боится плыть! *)

Эдгаръ.

Злой духъ преслѣдуетъ бѣднаго Тома соловьиными трелями **). Въ животѣ Тома — Гопдэнцъ. Онъ требуетъ съ крикомъ двѣ селедки. Не каркай, черный ангелъ,—тебѣ нечего у меня ѣсть ***).

Кентъ.

Что съ вами, сэръ? Не стойте такъ. Какъ будто
Въ испугѣ вы окаменѣли. Вотъ
Подушка. Лягте, сэръ, и полежите.

Лиръ.

Хочу я быть при первомъ имъ допросѣ.
Свидѣтелей сюда! Садися здѣсь (Эдгару)

*) Джансонъ полагаетъ, что эта пѣсенка въ нѣсколько измѣненномъ видѣ взята изъ книги товарищества продавцовъ бумаги и прочихъ принадлежностей пива („Stationers Company“), напечатанной въ 1564 году. Стивенсъ замѣчаетъ, что въ пѣсняхъ и сказаніяхъ бѣдный Томъ и Бессі постоянно путешествуютъ вмѣстѣ. *Перев.*

**) Перси замѣчаетъ, что въ книгѣ Гарнета рассказывается, что одна хозяйка имѣла соловья. Соловей вызвалъ ее въ садъ, гдѣ она неожиданно умерла. Думали, что злой духъ, вселясь въ соловья, убилъ хозяйку. На это намѣкаетъ Эдгаръ, говоря о преслѣдованіи его пѣніемъ соловья. *Перев.*

***) Стивенсъ приводитъ изъ книги Гарнета описаніе случаевъ, когда слышны были крики въ животѣ одержимыхъ злыми духами, по увѣренію вѣровавшихъ въ это въ то время. *Перев.*

Ты, облеченный въ мантию судьи,
И мѣсто занимай твое. И ты (шуту)...
Одно вѣдь правосудія ярмо
Лежитъ на немъ и на тебѣ; такъ рядомъ
Садися съ нимъ же на скамью судьи.
(Кенту) И ты въ числѣ судей,—садись и ты.

Эдгаръ.

Станемъ же по совѣсти рѣшать.
Спишь иль нѣтъ ты, пастушокъ?
Въ хлѣбъ овечки забрели.
Заиграй лишь въ свой рожокъ—
И опять къ тебѣ пришли.
Пуръ *), кошка-то сѣра!

Лиръ.

Ее прежде, ее къ суду! Это Гонерила. Клянусь я здѣсь,
передъ этимъ высокимъ собраніемъ, они растоптали ногами сво-
его отца, бѣднаго короля!

Шутъ.

Подойдите сюда, мистриссъ. Ваше имя—Гонерила?

Лиръ.

Она не смѣетъ сказать: «нѣтъ».

Шутъ.

Прошу прощенья, я принялъ васъ за складную скамейку.

Лиръ.

Вонъ и другая. Взглядъ изъ-подъ бровей
Уклончивый, какъ воръ, даетъ вамъ знать,
Какой запасъ у ней на сердцѣ. О,
Держите же ее! Мечей, огня,
Оружія! Здѣсь подкупъ! Плутъ судья!
Зачѣмъ ты выпустилъ ее отсюда?

Эдгаръ.

Береги свои пять чувствъ!

*) Пуръ, по замѣчанію Мэлоне, одинъ изъ злыхъ духовъ, о которыхъ упо-
минаетъ Гарснетъ. Перев.

КЕНТЬ.

Какая жалость! Гдѣ же, государь,
У васъ умѣнье сдерживать себя,
Которымъ тагъ хвалились вы всегда?

ЭДГАРЪ (въ сторону).

Неудержимо выступаютъ слезы
Участія къ нему. Того гляди,
Они мое притворство обличать.

ЛИРЪ.

Вотъ собачонка! Вотъ и всѣ миляги!
И Трей, и Бѣлый! Лають на меня!

ЭДГАРЪ.

А вотъ я швырну въ нихъ моей головой. Прочь, мордашки!

Будь ты съ мордой черной или бѣлой,
Будь мордашкой въ злобѣ застарѣлой,
Будь улюбоккомъ страшнымъ всѣмъ на видъ,
Будь твой зубъ остеръ и ядовитъ,
Будь ищейкой ловкой, будь борзой,
Будь твой нравъ, какъ у будьдога, злой,
Будь собакой гнусною испанской,
Будь породы лютой медеянской,
Будь хоть бы взбѣсившимся ты псомъ
(Съ длиннымъ иль коротенькимъ хвостомъ),
Будь ты чѣмъ захочешь только быть,—
Будешь у меня визжать и выть.
Лишь швырну въ васъ этой головой,
Въ мигъ махнете черезъ тынъ стрѣлой.

До-де, до-де... Сесса. Пойдемте. Маршъ на праздникъ хра-
мовой, на торги, на ярмарки городскія. Бѣдный Томъ, сухъ
твой рожокъ!

ЛИРЪ.

Анатомируемъ Регану. Разсѣчемъ ея грудь и посмотримъ,
какіе зародыши скрыты въ ея сердцѣ. Существуетъ ли въ при-
родѣ причина, рождающая такія жесткія сердца? (Эдгару) Я, сэръ,
считаю васъ въ моей свитѣ; но неприличенъ вашъ нарядъ. Вы
скажете, что это—нарядъ персидскій; но все-таки перемѣните его.

КЕНТЬ.

Теперь, мой лордъ, прилягте здѣсь, вотъ тутъ,
И успокойтесь немного.

ЛИРЪ.

Тише,
Какъ можно тише. Занавѣсъ задерни.
Такъ, такъ, такъ. Ужинать мы будемъ завтра
Почтру рано. Такъ вѣдь, такъ?—Такъ, такъ.

ШУТЬ.

А я въ постель, когда обѣдать надо.

(Входитъ Глостеръ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Да гдѣ-жъ король, мой повелитель?

КЕНТЬ.

Здѣсь.

Не безпокойте только вы его.

Совсѣмъ онъ помѣшался.

ГЛОСТЕРЪ.

Добрый другъ,

Бери скорѣе на руки его,—
На жизнь его я заговоръ подслушалъ,—
Готовы вонъ носилки. Мы на нихъ
Его уложимъ и скорѣе въ Дувръ.
~~Тамъ ты найдешь охрану и привѣтъ.~~
А если ты промедлишь полчаса,—
И онъ, и ты, и каждый, кто предложитъ
Ему себя въ защиту—всѣ погибнуть.
Поднимемъ же скорѣй его,—поднимемъ,
Да и за мной. А для охраны вашей
Я дамъ тебѣ проводниковъ надежныхъ.

КЕНТЬ.

Усталая природа ужъ заснула.
Разбитымъ чувствамъ сонъ—успокоенье;
Но исцѣлить ихъ будетъ очень трудно,
Когда тому событъя не помогутъ. (Шуту)

Иди и господина твоего
Нести намъ помогай. Ты отставать
Не долженъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, идемъ, идемъ скорѣй.

(Уходятъ Кентъ, Глостеръ и шутъ, унося Лира.)

ЭДГАРЪ.

Когда предъ нами тѣ, кто лучше насъ,
Страдаютъ такъ же, какъ и мы страдаемъ,—
Намъ переноси́й нашей муки часъ
И горе за врага едва считаемъ.
Когда же радость царствуетъ кругомъ,
А мы одни мученья переносимъ;
Тогда мы безъ надеждъ уже живемъ,
Въ душѣ одно отчаянье лишь носимъ.—
Какъ стало мнѣ легко теперь страданье,
Какъ стало переносно и изгнанье!—
Бѣды меня лишь только приклонили,
Мученья-жъ короля—его сломили.
Меня изгналъ отецъ, его же—дѣти... (Пауза.)
Слѣди-жь, Эдгаръ, что въ высшемъ будетъ свѣтѣ.
Смотри же, Томъ, чтобъ тотчасъ измѣниться,
Какъ только ложь, что такъ тебя чернить,
Предъ правды силою не устоитъ
И твой отецъ съ тобою помирится!—
То сбудется сегодня-жъ ночью, до зари,
Какъ только короля спасутъ. Смотри!

Сцена VII.

Комната въ замкѣ Глостера.

(Входятъ герцогъ Корнвалійскій, Регана, Гонерила, Эдмондъ и слуги.)

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ (Гонерилѣ).

Спѣшите, какъ можно скорѣе, къ его высочеству, вашему
супругу, и покажите ему это письмо. Войско Франціи уже вы-
садилось на наши берега. Отыщите плута Глостера.

РЕГАНА.

Повѣситъ его немедленно!

ГОНЕРИЛА.

Вырвать ему глаза!

Герцогъ Корнвалійскій.

Предоставьте его моему негодованью. Эдмондъ, предлагаю вамъ сопутствовать нашей сестрѣ. Вамъ неудобно присутствовать при наказаніи, которому мы намѣрены подвергнуть вашего отца—предателя. Мы совѣтуемъ его высочеству, къ которому вы отправляетесь, спѣшить приготовленіями. Мы считаемъ и себя обязанными тѣмъ же заняться. Я и онъ изберемъ быстрыхъ и смысленныхъ гонцовъ для сношеній между нами. Прощайте, лордъ Глостеръ.

(Входитъ Освальдъ.)

Ну, что же? Гдѣ король?

Освальдъ.

Его лордъ Глостеръ

Увелъ отсюда тайно. Тридцать пять
Иль тридцать шесть изъ рыцарей его
Всю ночь его искали съ нетерпѣньемъ
И, встрѣтя у воротъ, съ ними вмѣстѣ въ Дувръ
Ушли, гдѣ, хвалятся они, ихъ ждуть
Друзья, вооружась вполнѣ, отъ ногъ
До головы.

Герцогъ Корнвалійскій.

Коня для герцогини.

ГОНЕРИЛА.

Прекрасный лордъ и ты, сестра, прощайте.

(Уходятъ Гонерила, Эдмондъ и Освальдъ.)

Герцогъ Корнвалійскій.

Эдмондъ, прощайте. Глостера скорѣй
Найти!—Связать его, какъ вора, крѣпко
И притащить сюда. Хоть мы не можемъ,
Не соблюдая формъ суда, его казнить,
Но въ этомъ случаѣ намъ наша власть
Услугу полную окажетъ. Послѣ
Пускай насъ всё бранять, какъ имъ угодно;

Никто же не дерзнетъ насъ ограничить.
Кто здѣсь?... Ага, предатель.

(Входитъ слуга съ Глостеромъ.)

РЕГАНА.

О, лиса

Неблагодарная!

Герцогъ Корнвалійскій.

Связать, скрутить
Его сухія руки крѣпче, крѣпче!

ГЛОСТЕРЪ.

Что-жь это, герцогъ, герцогиня?—Други? —
Подумайте, вы гости у меня! —
Да не шутите же со мной такъ зло.

Герцогъ Корнвалійскій.

Вяжите-жь, говорю я.

(Глостера вяжутъ.)

РЕГАНА.

Крѣпче, крѣпче!

Предатель гнусный...

ГЛОСТЕРЪ.

Женщина безъ сердца
И безъ пощады! — Не предатель я.

Герцогъ Корнвалійскій.

Здѣсь, къ этому вотъ стулу привяжите. —
Бездѣльникъ гнусный, ты теперь узнаешь...

(Регана рветъ бороду Глостера.)

ГЛОСТЕРЪ.

Блянуся милосердыми богами,
Безчестно рвать такъ бороду мою!

РЕГАНА.

Такой сѣдой, — такой предатель гнусный!

ГЛОСТЕРЪ.

О, женщина ничтожная! Вотъ эти
Сѣдые волосы, что ты дерзнула
Похитить злобно съ моего лица,
Всѣ оживуть и обвинять тебя!
Я твой хозяинъ,—не должна бы ты
Разбойничьей твоей рукой безчестить
Радужное мое гостепримство.
Что надо вамъ?

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

А вотъ что, сэръ любезный:
Изъ Франціи какое письмо
Вы получили?

РЕГАНА.

Прямо отвѣчай!
Мы знаемъ правду.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Что тамъ за сношенья
У васъ съ ворами, сэръ, что вотъ недавно
Украдкою вступили въ нашу землю?

РЕГАНА.

Въ чьи руки сдалъ безумца короля?
Ну, говори!

ГЛОСТЕРЪ.

Въ письмѣ одни гаданья.
Писалъ его мнѣ тотъ, кто не стоитъ
На сторонѣ ни короля, ни вашей
И никому не врагъ.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Уловка!

РЕГАНА.

Ложь!

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Куда ты короля отправилъ?

ГЛОСТЕРЬ.

Въ Дувръ.

РЕГАНА.

Зачѣмъ же въ Дувръ? (Мужу) Ты дай ему на это
Отвѣтить прежде.

ГЛОСТЕРЬ.

Вотъ къ столбу привязанъ
И травлю выдержать я долженъ!

РЕГАНА.

Въ Дувръ—

Зачѣмъ?

ГЛОСТЕРЬ.

За тѣмъ, что не хотѣлъ я видѣть,
Какъ будутъ ногти лютые твои
Рвать старые и бѣдные глаза
Отца—и какъ твоей сестры свирѣпой
Кабаній клыкъ вонзится глубоко
Въ его, боговъ помазанника, тѣло!—
Въ ночь черную какъ адъ и съ головой
Открытой вынесъ онъ такую бурю,
Что морё воздымаясь до небесъ
Хотѣло звѣзды погасить; а онъ
Слезами ливнямъ только помогалъ.
Когда-бъ не только онъ въ такую ночь,
А волки были у твоихъ воротъ;
Такъ и тогда бы ты должна была
Сказать: привратникъ добрый, отопри.
Нѣтъ сердца въ мѣрѣ, кромѣ твоего,
Чтобы не сдѣлать такъ. Еще увижу,
Какъ мщеніе крылатое дѣтей
Такихъ какъ вы настигнетъ!

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Никогда

Ты не увидишь! Эй! держите стулъ!

Твой глазъ моей ногой я раздавлю.

(Служители держатъ стулъ, къ которому привязанъ Глостеръ, и герц. Корнвалійскій вырываетъ одинъ глазъ его и давить ногой.)

ГЛОСТЕРЪ.

О, помогите, кто дожить захочетъ
До старости! О, ужасъ, ужасъ!... Боги!...

РЕГАНА.

Одинъ глазъ цѣль еще и надъ другимъ
Смѣется! Раздави его.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

И если

Ты мщеніе увидишь...

СЛУГА.

Стойте, лордъ!

Служилъ я съ дѣтства вамъ, но лучшей службы
Нельзя вамъ оказать, какъ васъ теперь
Остановить.

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Что это ты?... Собака!

СЛУГА.

Когда-бъ вы бороду носили, лордъ,
Я вырвалъ бы ее теперь у васъ!
Что вы хотите дѣлать, сэръ?!

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ (обнажая мечъ).

Мой рабъ!

СЛУГА.

Ты такъ?—Такъ испытай же мое сердце.

(Дерутся. Герцогъ раненъ).

РЕГАНА (другому слугѣ).

Твой мечъ, твой мечъ подай! Здѣсь рабъ бунтуетъ!

(Порывисто выхватываетъ мечъ у втораго слуги, забѣгаетъ сзади перваго и пронзаетъ его.)

СЛУГА.

О, я убить. (Глостеру) Мой лордъ, у васъ одинъ
Остался глазъ, чтобъ видѣть, какъ злодѣй
Наказанъ. (Умираетъ.)

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

А чтобъ онъ не видѣлъ, мы
Предупредимъ. О, скверный студень!... Что?

(Вырываетъ второй глазъ и бросаетъ его на полъ.)

Ну, гдѣ-жь теперь твой свѣтлый блескъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Мракъ полный
И безотрадный! Гдѣ же мой Эдмондъ?
Эдмондъ, воспламени теперь всѣ искры
Твоей природы и воздай, какъ должно,
За это страшное злодѣйство!

РЕГАНА.

Вонъ,
Бездѣльникъ лживый! Ты зовешь того,
Въ комъ ненависть къ тебѣ живетъ. Вѣдь онъ,
Онъ намъ открылъ предательство твое.—
И слишкомъ онъ хорошъ, чтобы жалѣть
Тебя!

ГЛОСТЕРЪ.

Безумецъ я! Такъ стало-быть
Напрасно я преслѣдовалъ Эдгара?—
Простите же вы мнѣ, благіе боги,
И наградите счастьемъ его.

РЕГАНА.

Вонъ! За ворота выкиньте его,
И пусть ощупаетъ дорогу въ Дувръ.
Что съ вами, лордъ? Что смотрите вы такъ?

ГЕРЦОГЪ КОРНВАЛІЙСКІЙ.

Порядкомъ раненъ я.—Идемте, лэди.—
Вонъ выкинуть безглазаго мерзавца
И бросить гдѣ-нибудь тамъ на навозъ!—
Регана, сильно истекаю кровью!
Не во-время мнѣ эта рана. Дайте
Мнѣ вашу руку, герцогиня.

(Уходитъ съ Реганой.)

1-й слуга.

Я

И думать позабуду о грѣхахъ,
Когда добромъ расплатится съ нимъ жизнь.

2-й слуга.

А если долго проживеть она
И смертію обычною умереть,—
Всѣ женщины въ чудовищъ обратятся.

1-й слуга.

Пойдемъ за старымъ графомъ и велимъ
Мы бедламиту отвести его,
Куда захочетъ онъ. Безумный нищій
Всегда на все согласенъ.

2-й слуга.

Ты иди,

А я достану льну, бѣлокъ яичный,
Чтобъ приложить къ его ужаснымъ ранамъ.
Благое небо! Помогни ему.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Сцена I.

Степь.

(Входятъ Эдгаръ.)

ЭДГАРЪ.

Гораздо лучше такъ. Терпѣть обиды,
Когда никто тебя не знаетъ, легче,
Чѣмъ слушать лести и въ то же время знать,
Что всякъ тебя навѣрно презираетъ.
Въ тяжелой самой, низкой, жалкой долѣ
Безъ страха смотреть челоуѣкъ впередъ;
Надежда въ немъ живетъ и утѣшаетъ:
За горемъ вслѣдъ всегда приходитъ радость.
За жизнь трепещетъ лишь счастливый; страшень
Намъ переходъ отъ счастія въ напасть.—
Стихи невещественной движенье,

Тебя прмвѣтствую и обнимаю!
Несчастливаго ты сдуло въ пропасть золь;
(Входитъ слѣпой Глостеръ. Его ведетъ нищій старикъ.)
Не бурями твоими онъ не связанъ.
Но кто идетъ? Отецъ!—И нищій жалкій
Ведетъ его! О, мръ, о, мръ! Когда-бъ
Твоихъ судебъ измѣнчивостью странной
Ты не вселялъ въ насъ ненависть къ тебѣ,
Съ лѣтами-бъ не мирился человѣкъ! *)

Старикъ нищій.

О, мой добрый лордъ, я былъ ленникомъ и вашимъ, и вашего
Отца цѣлыя восемьдесятъ лѣтъ.

Глостеръ.

Уйди, оставь меня, мой добрый другъ,—
Уйди. Всѣ утѣшенія твои
Не принесутъ мнѣ пользы никакою,
Тебѣ же могутъ повредить.

Старикъ.

Ахъ, сэръ,
Вѣдь вы совсѣмъ не видите дороги.

Глостеръ.

Да для меня ужъ больше нѣтъ дорогъ,
Мой милый, и не нужно зрѣнья мнѣ!—
Споткнулся я, когда еще былъ зрачимъ.—
Не видимъ ли мы часто, очень часто,
Что доля скромная спасаетъ насъ,
А множество пороковъ—вѣрный признакъ
Довольства въ жизни!—Бѣдный мой Эдгаръ!
Тебя сожралъ безумный гнѣвъ отца,
Котораго злодѣйски обманули!—

*) Начало этого монолога Эдгара не совсѣмъ понятно въ подлинникѣ. Джонсонъ полагаетъ его испорченными переписчиками и исправляетъ. Съ исправленіями Джонсона согласны Тирвайтъ и Мэлоне. Смысл согласный съ этими исправленіями придаетъ первымъ словамъ монолога и Гэнли и мы этотъ смыслъ сохранили въ переводѣ. Также темнымъ словамъ, слѣдующимъ за воззваніемъ Эдгара къ міру, мы сообщаемъ то же значеніе, какое придаютъ имъ объясненія Варбуртона и Мэлоне.

О, еслибъ могъ я до того дожить,
Чтобы узрѣть тебя хоть осязаньемъ,—
Сказалъ бы: снова у меня глаза.

СТАРИКЪ.

Что это? Кто такой?

ЭДГАРЪ (въ сторону).

Кто можетъ, боги,
Сказать, что онъ достигъ несчастій дна?
Вотъ я теперь несчастнѣе, чѣмъ былъ.

СТАРИКЪ.

А! это сумасшедшій нищій Томъ.

ЭДГАРЪ (въ сторону).

И стать могу еще несчастнѣй. Да.
Пока ты въ силахъ говорить: «меня
Постигло величайшее несчастье»,—
Ты не достигъ еще несчастій брая!

СТАРИКЪ.

Дружокъ, куда идешь?

ГЛОСТЕРЪ.

Кто это? Нищій?

СТАРИКЪ.

Да, нищій, вмѣстѣ съ тѣмъ и сумасшедшій.

ГЛОСТЕРЪ.

Хоть крошечку ума да сохранилъ,
Боли умѣетъ нищить. Видѣлъ я
Такого ночью, въ бурю. Онъ заставилъ
Меня подумать: «человѣкъ—червякъ,
Не болѣй». Мнѣ тогда пришелъ на умъ
Мой бѣдный сынъ; но мысль моя въ тотъ часъ
Дружила плохо съ нимъ; не много послѣ
Пришлось уразумѣть... Мы для боговъ—
Что мухи для мальчишекъ шалуновъ,—
Насъ давятъ для потѣхи.

ЭДГАРЪ (въ сторону).

Что мнѣ дѣлать?

Роль дурака—дурное ремесло
Передъ лицомъ несчастія и горя,—
Себѣ лишь досаждаешь и другимъ.
(Громко) Благословеніе боговъ вамъ, лордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

А! это тотъ голякъ?

СТАРИКЪ.

Онъ самый, сэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ уходи-жь, прошу тебя, скорѣй.—
Когда ты, по любви твоей ко мнѣ,
Догнать захочешь насъ, догонишь вѣрно
Отсюда, по дорогѣ въ Дувръ, за милю
Иль милю за двѣ, но никакъ не болѣй.
Да захвати съ собою что-нибудь,
Чтобы прикрыть его вонъ наготу.—
Я попрошу его вести меня.

СТАРИКЪ.

Но онъ вѣдь сумасшедшій, добрый сэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да въ томъ и язва вѣка, что слѣпыхъ
Безумные ведутъ. Ну, дѣлай такъ,
Какъ я велѣлъ, иль какъ захочешь самъ.
А главное—уйди скорѣй отсюда.

СТАРИКЪ.

И лучшее, какое лишь найду
Я, платье принесу, и будь что будетъ! (Уходитъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, ну, товарищъ голый мой, пойдемъ.

ЭДГАРЪ.

А бѣдный Томъ озябъ. (Въ сторону) Нѣтъ, не могу
Себя я дольше пачкать для притворства.

ГЛОСТЕРЪ.

Поди же сюда, милый.

ЭДГАРЪ (въ сторону).

Пока еще я долженъ притворяться. (Громко) О, да за живуть глаза твои дорогіе, — изъ нихъ еще сочтется кровь.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты знаешь ли дорогу въ Дувръ?

ЭДГАРЪ.

Всѣ лазейки и ворота, всѣ пѣшія и конныя дороги. Бѣднаго Тома спугнули съ ума. Спасите, боги, добраго человѣка отъ злаго духа. Пять духовъ разомъ сидѣло въ бѣдномъ Томѣ: духъ сладострастья — *Обидикутъ*, князь нѣмоты — *Гоббидидэнъ*, *Магу* — воровства, *Модо* — убійства и *Флиббертиджиббетъ* — привліяній и корчей. — Теперь они всѣ сидятъ въ горничныхъ и разныхъ служанкахъ *). Да хранить тебя боги, господинъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Возьми, вотъ, кошелекъ. Тебя смирило
Ударами карающее небо;
А я, хоть самъ разбитый имъ, тебя
Счастливлю... Небо, также вотъ и ты
Свои даинья раздавай! — Пускай
Лишь тотъ почувствуетъ всю месть твою,
Кто въ сладострастной нѣгѣ утопаетъ,
Смѣясь надъ твоимъ закономъ; пусть
И тотъ ее познаетъ разомъ, кто,
Всѣ чувства притупивъ въ себѣ, ни знать,
Ни видѣть ничего уже не хочетъ.
Тогда излишества не будетъ въ мірѣ
И общее довольство разольется
По всей землѣ. Ты знаешь Дувръ?

ЭДГАРЪ.

Да, знаю.

*) Все это взято изъ повѣрій народа, записанныхъ въ книгѣ *Гарсиета*, бывшаго епископа йоркскаго. Книга носитъ заглавіе: „A declaration of egregious Popish Impostures to withdraw her Majesty's subjects from their allegiance etc. practised by Edmunds, alias Weston, a Jesuit, and divers Romish Priests his wicked Associates“ — и была напечатана въ 1603 году. Перев.

ГЛОСТЕРЪ.

Тамъ есть скала высокая при морѣ. —
Глава ея нагнулась въ вышинѣ
И, замирая въ страхѣ, смотритъ въ глубь,
Что видитъ подъ собой внизу. Взведи
Меня на самый край ея надъ бездной
И нищету, что такъ тебя гнететъ,
Я облегчу немногимъ, что имѣю. —
Оттуда вожака не нужно будетъ.

ЭДГАРЪ.

Дай руку, поведетъ тебя Томъ бѣдный. (Уходить.)

Сцена II.

Передъ замкомъ герцога Альбанскаго.
(Входятъ Гонерила и Эдмондъ. Освальдъ встрѣчаетъ ихъ.)

ГОНЕРИЛА.

Ахъ, здравствуйте, милордъ. Дивлюся очень,
Что кроткій нашъ супругъ насъ на пути
Не встрѣтилъ. Гдѣ же господинъ вашъ?

ОСВАЛЬДЪ.

Дома,

И измѣнился такъ, какъ никогда
Никто не измѣнился. Я сказалъ
Ему о войскѣ, къ нашимъ берегамъ
Проставшемъ, онъ же только улыбнулся.
Я извѣстилъ его, что скоро вы
Прибудете сюда: «тѣмъ хуже» — былъ
Его отвѣтъ. Рассказывать я сталъ
О Глостера измѣнѣ, о поступкѣ
Высоко благородномъ его сына,
А онъ за то назвалъ меня болваномъ. —
Еще къ тому прибавилъ, будто я
Все наизнанку подло извратилъ. —
Все неприятное ему пріятно,
А то, что правиться должно — обидно...

ГОНЕРИЛА.

Ну, такъ и дѣлай. — (Эдмонду) Такова трусливость.

Его телячьего ума: боится
На что-нибудь рѣшиться, а обидь,
Что требуютъ отплаты, и не чуеть.—
Что съ вами мы задумали дорогой,
То сбудется на дѣлѣ. А теперь
Вернитесь къ брату нашему, милордъ,
Поторопите сборъ всѣхъ нашихъ войскъ
И во главѣ ихъ встаньте; я-жь должна
Оружьемъ съ мужемъ дома помѣняться
И въ руки дать ему веретено. (Указываетъ на Освальда Эдмонду.)
Вотъ онъ, слуга нашъ вѣрный—между нами.
Онъ не замедлитъ передать вамъ скоро
Отъ вашей дамы приказанье, если
Осмѣлитесь на собственное счастье. (Даетъ ему подарокъ.)
Надѣньте это. Словъ не нужно.—Ну,
Склоните голову.—Вотъ поцѣлуй.
Когда бы могъ онъ говорить,—твой духъ
Высоко, къ небу-бъ самому, онъ поднялъ.
Пойми.—Прощай.

Эдмондъ.

Я твой и въ самой смерти.

Гонерила.

О, милый, дорогой мой Глостерь! (Глостерь уходитъ.) Ахъ,
Какъ разнятся мужчины отъ мужчинъ!
Долгъ женщины тебѣ усладой быть,
А мой дуракъ владѣеть мной насильно.

Освальдъ.

Сюда идти изволить герцогу, лэди.

(Входитъ герцогъ Альбанскій.)

Гонерила.

Ужь не такая-жь я собачка, сэръ,
Чтобы не стоить даже и свистка!

Герцогъ Альбанскій.

О, Гонерила, праха ты не стоишь,
Который вѣтра буйнаго порывы
Тебѣ въ лицо бросаютъ!—Страшенъ мнѣ

Твой нравъ и твой характеръ! Та природа,
Которая съ презрѣньемъ знать не хочетъ
Источника, откуда жизнь взяла,
Границъ не знаетъ. Кто себя отсѣкъ,
Кто оторвалъ себя отъ пня родного, —
Засохнетъ поневолѣ, — смерти снѣдь...

ГОНЕРИЛА.

Не дальше. Содержанье рѣчи глупо.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Для гадкаго гадка и добродѣтель,
Гадка и мудрость. Любитъ мерзость онъ
Свою. — Что вы надѣлали вдвоемъ?
Не дочери, — тигрицы вы!... Чего
Добились вы? — Свели съ ума отца,
Добрѣйшаго изъ старцевъ. — И медвѣдь,
Съ почтеніемъ склоняся передъ нимъ,
Принялся бы лизать его съ любовью.
Жестокіе вы выродки природы! —
Какъ допустилъ все это братъ нашъ добрый,
И мужъ и принцъ, такъ много одаренный
Несчастливымъ старикомъ! И если боги
Не ниспослють на васъ предъ всѣми явно
И всѣми зримыхъ мстителей небесныхъ,
Чтобъ страхомъ обуздать такихъ злодѣевъ;
Такъ люди стануть пожирать другъ друга,
Какъ чудища морскія!

ГОНЕРИЛА.

Подлый трусъ,

Чья голова для поруганій только,
А щеки для пощечинъ! У тебя
Нѣтъ глазъ во лбу, чтобъ различить, гдѣ честь
И гдѣ позоръ. Не знаешь даже ты,
Что негодяевъ больно бьютъ всегда,
Вездѣ, чтобъ зла они не натворили,
Что ихъ жалѣютъ только дураки! —
Зачѣмъ твои не слышны барабаны?
Французъ уже знамена развернулъ
Надъ нашею безшумною страной;

Пернатый шлемъ врага ужь намъ грозить,
А ты, мой добродѣтельный глупецъ,
Сидишь и вопишь: ахъ, зачѣмъ все такъ!

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Взгляни ты только, дьяволъ, на себя.
И демона ужасный видъ не такъ
Ужасенъ въ немъ, какъ въ женщинѣ!

ГОНЕРИЛА.

Дуракъ,

Безмозглый!

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Если уже захотѣла
Сама стать дьяволомъ,—по крайней мѣрѣ,
Хоть ради ужь стыда, не дѣлай ты
Свое лицо чудовища лицомъ.
О, еслибъ я нашелъ меня достойнымъ
Дать волю полную моимъ рукамъ
И сдѣлать то, на что толкаетъ ихъ
Моя бунтующая въ жилахъ кровь,
Все тѣло бы твое я изорвалъ
И вывернулъ всѣ кости у тебя!—
Но женщина ты съ виду, хоть и дьяволъ.

ГОНЕРИЛА.

Смотрите, право, храбрость-то какая!

(Входить вѣстникъ.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Что новаго?

ВѢСТНИКЪ.

Сэръ, герцогъ Корнвалійскій
Скончался. Онъ убитъ рукой слуги
Въ тотъ самый мигъ, когда сталъ вырывать
У Глостера второй ужь глазъ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Глаза

У Глостера!...

Вѣстникъ.

Тотъ именно слуга,
Котораго самъ герцогъ воспиталъ.
Заговорила совѣсть въ немъ—возсталъ,
Противъ жестокости такой и мечъ
На господина смѣло поднялъ. Герцогъ,
Взбѣшенный этимъ, на него началъ
И тутъ же положилъ его на мѣстѣ,
Однако-жь не избѣгъ и самъ удара,
Который жизнь его прервалъ. Онъ умеръ
Ужь послѣ.

Герцогъ Альбанскій.

Значить, живы вы надъ нами
Верховные судьи,—казните быстро
Злодѣйства наши! Бѣдный, бѣдный Глостеръ!
Онъ и другой глазъ также потерялъ?

Вѣстникъ.

Да, оба, оба!—Лэди, вотъ письмо
Нуждается въ отвѣтъ очень скоромъ,—
Оно отъ герцогини Корнвалійской.

Гонерпла (въ сторону).

Съ одной тутъ стороны я рада... Но...
Вдова она и съ ней Эдмондъ!—Пожалуй,
Все, что построила моя мечта,
Все это рухнетъ разомъ и падетъ
На жизнь проклятую мою!... А все-жь
Вѣсть не дурна. (Вслухъ вѣстнику) Прочту я и отвѣчу.
(Уходитъ).

Герцогъ Альбанскій.

Но гдѣ-жь былъ сынъ его Эдмондъ, какъ рвали
Глаза отца?

Вѣстникъ.

Уѣхалъ съ герцогиней

Сюда.

Герцогъ Альбанскій.

Его здѣсь нѣтъ.

Вѣстникъ.

Такъ точно, лордъ.

Его я встрѣтилъ на пути, когда
Отсюда онъ ужь возвращался.

Герцогъ Альбанскій.

Такъ.

И знаетъ о злодѣйствѣ онъ?

Вѣстникъ.

Еще-бъ

Не знать, когда онъ и донесъ на графа;
Да и сюда уѣхалъ для того,
Чтобы свободнѣе могли тиранить
Его отца.

Герцогъ Альбанскій.

О, Глостеръ! Я живу,
Чтобъ благодарность доказать тебѣ
За вѣрность королю и отомстить
За очи бѣдныя твои.—Дружокъ,
Ты мнѣ расскажешь все, что только знаешь.

(Герцогъ уходитъ съ вѣстникомъ.)

Сцена III.

Лагерь французовъ близъ Дувра.

(Входятъ Кентъ и дворянинъ.)

Кентъ.

Почему король французскій такъ неожиданно, внезапно воротился во Францію, не знаете ли причины?

Дворянинъ.

Онъ что-то тамъ оставилъ не конченнымъ и только здѣсь лишь вспомнилъ объ этомъ, что-то столь полное опасностей и страха для него, что возвращеніе домой, и скорое, вдругъ стало для него дѣломъ неизбѣжнымъ.

Кентъ.

Кого же онъ оставилъ начальникомъ надъ войскомъ?

Дворянинъ.

Маршала Франціи Monsieur le Fer.

Кентъ.

Что-жь ваши письма? Произвели они впечатлѣніе на королеву, огорчили ее?

Дворянинъ.

Ахъ, какъ же, сэръ! Она взяла ихъ тотчасъ,
При мнѣ же начала читать и слезы
Обильно полилися по щекамъ
Ея нѣжнѣйшимъ. То она казалась
Царицей чувствъ своихъ, смиряя ихъ;
То, власти не погорныя, они,
Старались овладѣть ея особой.

Кентъ.

Такъ письма королеву взволновали
Порядкомъ?

Дворянинъ.

Не до изступленья, сэръ.—
Терпѣнье и печаль вступили въ споръ,
Кто выразить полнѣе всю красу
Ея души. Видали вы и дождь
И солнце вмѣстѣ? Такъ вотъ и улыбка,
И слезы на ея лицѣ сливались
Во что-то дня прекраснѣй. Та улыбка,
Плѣнительно играя на губахъ,
Казалось и не знала, что за гости
Покинули ея глаза, катясь
Съ ланить ея, какъ перлы иль брилльянты.—
Да, коротко сказать: печаль бы стала
Сокровищемъ для всѣхъ желаннымъ, еслибъ
Такъ украшала всѣхъ, какъ королеву.

Кентъ.

Ну да, конечно. Но скажите мнѣ,
Не говорила ли она чего?

Дворянинъ.

Да, правда, разъ иль два, едва дыханье

Переводя, дрожа всѣмъ тѣломъ, имя
Отца произнесла, воскликнувъ громко:
*О сестры, сестры! Женщинамъ позоръ—
Вы сестры!... Кентъ!... Отецъ!... О, сестры! Какъ?...
И въ ночь и въ бурю?... Нѣтъ,—о, нѣтъ, не вѣрьте
Вы состраданью,—нѣтъ его! И тутъ
Святая влага глазъ ея небесныхъ
Всѣ эти вопли залила. Затѣмъ
Она ушла, чтобъ горести отдаться
Наединѣ.*

КЕНТЬ.

Надъ нами воля звѣздъ,
И звѣзды правятъ нашими судьбами!
Иначе-бъ не могли одни и тѣ же
Отецъ и мать родить на свѣтъ дѣтей,
Столь не похожихъ другъ на друга.—Послѣ,
Скажите, съ ней вы говорили?

ДВОРЯНИНЪ.

НѢТЬ.

КЕНТЬ.

А это было прежде, чѣмъ король
Во Францію уѣхалъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Послѣ, сэръ.

КЕНТЬ.

Такъ.—Въ городѣ нашъ жалкій, бѣдный Лиръ.—
Онъ въ лучшія минуты понимаетъ,
Зачѣмъ мы здѣсь теперь; но видѣтъ дочь
Не хочетъ ни за что.

ДВОРЯНИНЪ.

Да почему-жь,

Мой сэръ?

КЕНТЬ.

Неодолимый стыдъ мѣшаетъ.—
Онъ мучится жестокостью своей,

Что, отказавъ въ благословеннѣ, предавъ
Борделію на полный произволь
Случайностей чужбины и права
Священныя ея безумно отдалъ
Другимъ двумъ дочерямъ съ сердцами несовъ.—
Вотъ это самое, какъ страшный ядъ,
Изранило всю душу у него,
И жгучій стыдъ его не допускаетъ
Увидѣться съ Бордельей.

Дворянинъ.

Бѣдный Лиръ!

Кентъ.

О герцога войскахъ вы не слышали?

Дворянинъ.

Нѣтъ, слышалъ: выступили всѣ.

Кентъ.

Прекрасно.—

Пойдемте къ царственному Лиру. Вы
Останетесь при немъ.—Меня-жь одна
Причина, очень дорогая мнѣ,
До времени скрываться заставляетъ.
Когда узнаете, кто я такой,
Не будете жалѣть, что обязали
Меня знакомствомъ вашимъ. Ну, теперь
Прошу васъ, сэръ, пойдемте вмѣстѣ въ путь.

Сцена IV.

Тамъ же. Палатка.

(Входятъ Борделія, врачъ и французскіе солдаты.)

Борделія.

Онъ, онъ! Сейчасъ лишь видѣли его!
Онъ бушевалъ какъ море, громко пѣлъ
Въ вѣнкахъ изъ полевой травы, пырея,
Дымянки горькой и кругомъ обвитый
Букушечьей травой, болиголовомъ,
Брапивою, колокольчикомъ лѣснымъ

И куколемъ, и сорными травами,
Какія только на поляхъ родятся.
Скорѣй за нимъ солдатъ пошлите сотню
И каждое мѣстечко обыщите, —
Скрываться можетъ онъ въ травѣ высокой, —
Спѣшите и сюда его ведите.
(Врачу) Скажите, можетъ мудрость человѣка
Возстановить его погибшій умъ? —
Ахъ, кто ему поможетъ, тотъ бери
Всѣ драгоценности мои въ награду.

Врачъ.

Есть средство королева — сонъ покойный,
Питатель, данный намъ самой природой,
Котораго лишень больной. Чтобъ вызвать
Въ немъ этотъ сонъ, лѣкарства есть. Ихъ сила
Сомкнетъ его тоскующія очи.

Корделія.

Пусть брызнуть на него въ моихъ слезахъ
Всѣ силы, тайныя для всѣхъ отъ вѣка,
Всѣ силы благодатныя земли!
О, помогите, пособите всѣ
Здѣсь человѣку впавшему въ напасть.
Ищите всѣ, найдите и не дайте,
Чтобъ бѣшенствомъ разнузданная воля
Расторгла узы жизни дорогой,
Лишенной силы управлять собою.

(Входитъ гонецъ.)

Гонецъ.

Услышите новость, королева: войско
Вполнѣ готовыхъ къ бою англичанъ
Идетъ сюда.

Корделія.

Уже извѣстно намъ.
Готовы мы и ждемъ. Отецъ безцѣнный,
Я для тебя лишь здѣсь! Печаль моя
И слезы возбудили жадость въ сердцахъ
Владыки Франціи. Не честолюбье

Его подвигло на войну,—любовь
Одна, горячая любовь ко мнѣ
И святость правъ отца и старика.—
О, боги, скоро-ль я отца увижу
И скоро-ль, скоро ли его услышу?! (Уходятъ.)

Сцена V.

Зала во дворцѣ Глостера.

(Входятъ Регана и Освальдъ.)

РЕГАНА.

Что-жь, войско брата вышло уже въ поле?

ОСВАЛЬДЪ.

Да, герцогиня.

РЕГАНА.

Самъ онъ, лично, съ нимъ?

ОСВАЛЬДЪ.

Съ большимъ трудомъ его уговорили.—
Воинственный его сестрица ваша!

РЕГАНА.

А въ замкѣ съ нимъ Эдмондъ не говорилъ?

ОСВАЛЬДЪ.

Нѣтъ, герцогиня.

РЕГАНА.

Что же можетъ быть
Въ письмѣ сестры моей къ нему?

ОСВАЛЬДЪ.

Не знаю.

РЕГАНА.

Навѣрно былъ по важному онъ дѣлу
Отсюда посланъ.—Глупо, очень глупо,
Лишивши зрѣнья Глостера, въ живыхъ
Его оставить. Гдѣ-бъ онъ ни являлся,
Онъ всѣ сердца на насъ вооружаетъ!—
Эдмондъ, я думаю, уѣхалъ съ цѣлью:
Изъ состраданья къ старику покончить

Съ его ничтожной жизнью; сверхъ того
Узнать, какъ сильно войско у враговъ.

Освальдъ.

За нимъ съ письмомъ я долженъ гнаться, лэди.

Регана.

Все войско наше выступаетъ завтра. —
Опасенъ путь теперь, — останьтесь здѣсь.

Освальдъ.

Нельзя никакъ мнѣ, лэди. Герцогиня
Мнѣ строго приказала.

Регана.

Но... зачѣмъ

Писать къ Эдмонду ей? Иль не могли
Вы передать ему словесно все
Ея желанья. Что-то тутъ да есть...
Не знаю что!... Я люблю васъ, сэръ,
Когда дадите мнѣ прочесть письмо.

Освальдъ.

Скорѣе, герцогиня, я...

Регана.

Я знаю,

Не любить мужа ваша госпожа.
Увѣрена я въ томъ. Въ ея послѣдній
Пріѣздъ сюда, престранные она
Бросала взгляды жадно на Эдмонда. —
Я знаю, вы — повѣренный ея...

Освальдъ.

Я, герцогиня?

Регана.

Вы. Я говорю
Не наобумъ вамъ это. Знаю, вы —
Повѣренный ея, и потому
Совѣтую принять въ соображенье,
Что мужъ мой умеръ, а Эдмондъ и я

Во всемъ ужь объяснились, стоворилсь.
Я для него удобнѣй Гонерилы...
Вы можете тутъ больше понимать,
Чѣмъ я сказала... Если вы его
Увидите, такъ это вотъ вручите.
Когда же вашей госпожѣ прекрасной
Передадите все въ разсказѣ точномъ,
Такъ не забудьте дать совѣтъ ей добрый,
Призвать къ себѣ простой разсудокъ въ помощь! —
Прощайте.—Если встрѣтитесь придется
Съ измѣнникомъ слѣшымъ, такъ не забудьте:
Награда ждетъ того, кто съ нимъ покончить.

Освальдъ.

Желалъ бы встрѣтиться я съ нимъ,—узнали-бъ,
На чьей я сторонѣ.

Регана.

Итакъ, прощайте! (Уходятъ.)

Сцена VI *).

Поле близъ Дувра.

Глостеръ.

Когда же до вершины той горы
Дойдемъ?

Эдгаръ.

Мы всходимъ на нее. Забѣйте,
Съ какимъ трудомъ.

Глостеръ.

Мнѣ кажется, идемъ
По ровному мы мѣсту.

Эдгаръ.

Крутизна

Ужасная. Чу!... Слышите вы шумъ
Валовъ морскихъ?

*) По замѣчанію *Джонсона*; способъ, какимъ исцѣляется Глостеръ, заимствованъ Шекспиромъ изъ „Arcadia“ Сиднея. *Перев.*

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, право-жь, нѣтъ.

ЭДГАРЪ.

Такъ значить

Всѣ ваши чувства сильно ослабѣли
Отъ боли глазъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Быть можетъ, что и такъ.—

Мнѣ кажется, твой голосъ измѣнился
И говоришь ты лучше и складнѣй.

ЭДГАРЪ.

И ошибаетея очень! Я
Перемѣнилъ одну одежду только.

ГЛОСТЕРЪ.

Мнѣ кажется, ты лучше говоришь.

ЭДГАРЪ.

Сюда, сэръ!—Самое то мѣсто.—Стойте.
Ухъ, страшно! Ужасъ! Голова кружится,
Какъ только взглянешь въ эту глубину.—
И чайки, и вороны, что вонъ тамъ,
Далеко, между нами и горы,
Подножьемъ разсѣкаютъ воздухъ,—право
Не больше маленькихъ жучковъ.—А вонъ,
На полдорогѣ внизъ, виситъ тамъ кто-то,
Укропъ морской собирая. Промыслъ страшный!—
Онъ тамъ—не больше головы своей.—
А вонъ, по берегу морскому бродятъ
Тамъ рыбаки и кажутся отсюда
Мышенками, снующими туда-
Сюда. А вонъ стоитъ корабль большой
На якорѣ—не болѣе онъ лодки,
А лодка—поплавка, едва замѣтна.—
На этой высотѣ не слышно даже
Ни грохота, ни плеска волнъ морскихъ,
Что бьются тамъ о тысячи камней.
Нѣтъ, больше не могу смотрѣть.—Пожалуй

Такъ закружится голова, въ глазахъ
Такъ помутится, что слетишь туда...

ГЛОСТЕРЪ.

Поставь же ты меня, гдѣ ты стоишь!

ЭДГАРЪ.

Ну, дайте вашу руку.—Вы теперь
На шагъ одинъ отъ края крутизны!—
За всѣ сокровища вселенной цѣлой
Не подпрыгнулъ бы я на этомъ мѣстѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Пусти же руку мнѣ.—Вотъ кошелекъ
Еще возьми. Найдешь въ немъ брилліантъ,
Для бѣдняка конечно драгоцѣнный.
Пусть съ нимъ тебя всѣ феи и всѣ боги
Великимъ счастьемъ награждать. Теперь
Уйди. Прощай и дай мнѣ знать... услышать,
Что ты ушелъ.

ЭДГАРЪ.

Прощайте, сэръ. (Дѣлаетъ видъ, что уходитъ.)

ГЛОСТЕРЪ.

Прощаюсь

Отъ всей моей души.

ЭДГАРЪ (въ сторону).

Такъ обманувъ

Отчаянье несчастнаго отца,
Я вылъчу его.

ГЛОСТЕРЪ.

О, боги, боги!

Изъ міра ухожу.—Передъ очами
Я вашими съ себя стряхаю бремя
Великой горести моей.—Когда-бъ
Я дольше могъ нести его, не впавъ
Въ борьбу съ неодолимой вашей волей;
Тогда бы самъ собою догорѣлъ
И сгасъ огарокъ жизни ненавистой,

Какую я влачу.—Ахъ, еслибъ жилъ
Эдгаръ! Благословеніе ему!—
Теперь, прощай, мой милый!

(Онъ прыгаетъ и падаетъ.)

ЭДГАРЪ (отходя).

Я ушелъ,
Прощайте. (Въ сторону) Я еще не знаю, право,
Не въ силахъ ли воображенъе наше
Похитить нашу жизнь, когда она
Сама себя хищенью отдаетъ.—
Когда-бъ онъ очутился тамъ, гдѣ быть
Онъ мысленно хотѣлъ, тогда бы въ немъ
Исчезла мысль сама и навсегда... (Подходить къ Глостеру)
Ты живъ или нѣтъ? Эй ты, почтенный другъ!
Ты слышишь или нѣтъ? Да говори-жь!
Пожалуй, умеръ онъ. Нѣтъ, оживаетъ...
Что ты такое—а?

ГЛОСТЕРЪ.

Оставь и дай

Мнѣ умереть.

ЭДГАРЪ.

Что-бъ ни былъ ты такое,
Пріятель, если только не пушилка,
Не паутинка и не воздухъ самый;
Такъ съ высоты такой, слетѣвъ сюда,
Ты какъ яйцо бы въ дребезги разбился.—
А ты вѣдь тяжеленежь, другъ, и дышишь,
И говоришь, и капли крови нѣтъ!
Цѣлехонекъ!—Хоть десять мачтъ высокихъ
Другъ на друга поставить, не достать
До высоты, съ которой ты сюда
Слетѣлъ и—живъ остался. Вотъ такъ чудо!
Промолви-жь хоть одно еще словечко.

ГЛОСТЕРЪ.

Упалъ я или нѣтъ?

ЭДГАРЪ.

Съ ужасной выси,

Вотъ съ этой самой меловой скалы.
Взгляни-ка къ верху.—Жаворонка тамъ,
Какъ ни былъ бы онъ голосистъ и звонокъ,
Не услышать отсюда.—Только ты
Взгляни.

ГЛОСТЕРЪ.

Ахъ, у меня нѣтъ глазъ!—Неужель
Разбитые злодѣйствомъ лишены
Послѣдняго благодѣянья даже—
Съ собой покончить смертью?—Счастье, боги,
Тирана злобу смѣло обмануть,
Надъ волей гордой насмѣяться!

ЭДГАРЪ.

Дай
Мнѣ руку. Встань. Вотъ такъ. Ну, что теперь?
Ты ноги чувствуешь свои? Стоишь.

ГЛОСТЕРЪ.

И хорошо, и очень хорошо!...

ЭДГАРЪ.

Вотъ чудо изъ чудесъ!—Кто на вершинѣ,
Съ тобой разставшись, отъ тебя ушелъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Несчастный нищій.

ЭДГАРЪ.

Снизу мнѣ казалось,
Что у него во лбу не два глаза,—
Двѣ полныя луны, а средь лица
Носъ не одинъ, а тысячи носовъ.
И были у него рога; вились,
Крутились они вотъ точно такъ,
Какъ вьются и крутятся волны въ морѣ.
Должно быть духъ какой-нибудь, не добрый,
Съ тобою былъ.—Ахъ, вѣрь, старикъ счастливый,
Спасли тебя благія божества.
Они для прославленія себя
И невозможное свершаютъ часто.

ГЛОСТЕРЪ.

Теперь припоминаю все.—Отнынѣ
Переносить съ терпѣньемъ буду горе,
Пока само оно не закричитъ:
«Довольно, будетъ!—«Умирай!». Того,
Кого со мной ты видѣлъ, принялъ я
За человѣка.—Говорилъ онъ часто:
«Злой духъ, злой духъ». На мѣсто онъ меня
Поставилъ.

ЭДГАРЪ.

Будь спокойнѣй!—Кто идетъ
Сюда? (Входитъ Лиръ, фантастически покрытый цвѣтами.)
Нѣтъ, никогда разсудокъ здравый,
Такъ не рядилъ владыку своего!

Лиръ.

Нѣтъ, нѣтъ, они меня схватить не смѣютъ
За то, что я чеканю мои деньги!—
Я—самъ король!

ЭДГАРЪ.

Что вижу я?! О, боги!
Смотрѣть невыносимо на него.

Лиръ.

Въ этомъ отношеніи природа выше искусства.—Вотъ вербовочная плата.—Этотъ молодецъ возится съ своимъ лукомъ точно чучело какое.—Аршинъ суконщика ему въ руки!—Смотрите, смотрите: мышъ, мышъ!—Тише, тише,—справимся съ ней вотъ этимъ кусочкомъ поджареннаго сыра.—Вотъ моя желѣзная перчатка! Я испробую ее на этомъ великанѣ.—Сѣбиры сюда! О, какъ славно летитъ птица!—Въ цѣль, прямо въ цѣль!—Гей! Пароль?

ЭДГАРЪ.

Душистый майоранъ.

Лиръ.

Проходи.

ГЛОСТЕРЪ.

Я этотъ голосъ знаю.

Лиръ.

Га! Гонерила—съ сѣдою бородой! Онѣ меня ласкали какъ собаку и говорили, что бѣлые волосы въ бородѣ моей явились прежде черныхъ.—На все, что бы ни сказалъ я, одинъ отвѣтъ: и *да* и *нѣтъ*. Гм... Да и нѣтъ въ одно и то же время—плохое богословіе!—Вотъ, какъ промочилъ меня дождикъ, да продулъ вѣтеръ и я затрясся точно въ лихорадкѣ, а громъ не смолкъ, несмотря на мое приказаніе, тутъ-то я и увидѣлъ, тутъ-то я и понялъ, что онѣ такое.—Подите прочь,—не люди они честнаго слова: онѣ мнѣ говорили, что будто я все могу.—Ложь! Я не выдержу и лихорадки.

Глостеръ.

Припоминаю голоса отѣнки...

Да не король ли это?

Лиръ.

Да, король.

И каждый мой вершокъ—король! Смотри.

Взгляну вотъ такъ, и подданный трепещетъ.—

Дарю жизнь тебѣ! Вина какая?

Развратъ.—Ты не умрешь.—Какъ за вину

Такую умирать! Нѣтъ, нѣтъ. Нельзя.—

Грѣшитъ вѣдь тѣмъ же каждый воробей,

И даже крошка мушка золотая

Въ развратѣ утопаетъ на моихъ

Глазахъ. Да здравствуетъ развратъ и съ нимъ

Безпутная любовь! Вѣдь незаконный

Сынъ Глостера добрѣе оказался

Къ отцу, чѣмъ обѣ дочери мои,

Зачатыя въ законномъ самомъ бракѣ.

Ну, такъ работай сладострастьемъ гдѣ

И какъ попало;—нужны-жь мнѣ солдаты!—

Смотрите на нее, на эту даму!

Она такъ добродѣтельна, горда,

Что кажется все льдомъ, что есть у ней,

И тотчасъ закачаетъ головой,

Какъ только маленькій намекъ услышитъ

На наслажденія страстныхъ любви;

Но ни хорекъ, ни конь весной въ лугу

Тагъ жадно не кидаются на нихъ,
Какъ эта госпожа. Отъ головы
До поясицы—женщины онѣ,
А далѣе—лишь дикіе кентавры.—
До пояса—наслѣдія боговъ,
А ниже—дьяволовъ онѣ жилища!

Тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ бездна сѣрная, пылающая,
гложущая какъ кипятокъ, смрадная, заразительная! Фи, фи,
па, па!... Дай мнѣ, добрый аптекарь, хоть унцію выхухоли ос-
вѣжить мое воображенье!—Вотъ тебѣ за это деньги.

ГЛОСТЕРЪ.

Позволь мнѣ поцѣловать эту руку.

Лиръ.

Постой, дай мнѣ прежде ее вытереть, —она пахнетъ мертве-
чиной.

ГЛОСТЕРЪ.

О, разрушенное созданіе природы! Тагъ и весь великій міръ
износится и обратится въ ничто.—Меня ты знаешь?

Лиръ.

Твои глаза я помню очень хорошо.—Ты косо смотришь на
меня?... Нѣтъ, это не поможетъ, слѣпой купидонъ, —я не люблю
тебя.—Прочти этотъ вызовъ, обрати вниманіе на почеркъ, какимъ
онъ написанъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Еслибы всѣ эти буквы разомъ стали солнцами, и тогда бы
я не увидалъ изъ нихъ ни одной.

Эдгаръ.

Я этому не вѣрилъ по рассказамъ,
А вотъ на дѣлѣ оправдалось все
И сердце разрывается на части.

Лиръ.

Читай!

ГЛОСТЕРЪ.

Развѣ ямками однѣми, въ которыхъ прежде были глаза.

Лиръ.

А! Такъ-то ты со мной?—Нѣтъ глазъ у тебя во лбу и монетки въ карманѣ? Твои глаза въ тяжеломъ положеніи, а кошелекъ въ легкомъ!—Видишь однако, какъ все теперь идетъ на свѣтъ.

Глостеръ.

Вижу чувствомъ.

Лиръ.

Что-жь, ты съ ума сошелъ? Можетъ ли человѣкъ не глазами видѣть, какъ все идетъ на свѣтъ?!—Смотри же ушами, какъ вотъ этотъ судья смѣется надъ тѣмъ вонъ глупымъ воришкой. Послушай,—шепну на ухо,—переставь ихъ одного на мѣсто другаго и отгадай, кто судья и кто воръ. Видалъ ты, какъ собака мызника лаетъ на нищаго?

Глостеръ.

Видалъ, сэръ.

Лиръ.

Ну, что-жь? Бѣдняга вѣдь бѣжить отъ пса? Теперь вотъ и любуйся великою картиной власти, смотри, какъ повинуются и псу, когда онъ при должности.

Палачъ, мерзавецъ, стой, остановись!
Зачѣмъ своей кровавою рукой
Стегать развратницу ты эту хочешь?
Ты съ нею самъ натѣшиться бы радъ
Грѣхомъ, который такъ караешь здѣсь!—
Хлещи-жь скорѣ собственную спину!—
Плуть ростовщикъ на висѣлицѣ давить
Другаго плута за обманъ его!—
Сквозь дыръ одежды ветхой бѣдняга
Сквозить и малый недостатокъ; платье-жь
Богатаго и драгоцѣнный мѣхъ
Прикроютъ все! Ты золотомъ одѣнь
Порокъ, и строгое судьи копьё
Сломается предъ нимъ, а рубище
Пронзитъ соломенка гнилая.—Нѣтъ,
Никто быть обвиненъ не можетъ! Да.
Никто, я говорю, никто, никто!—
Я оправдаю всѣхъ!—Ты это знай,

Дружокъ, и отъ меня ты это знай.—
Имѣю силу запечатать ротъ
У всѣхъ, кто лишь помыслить обвинять.—
Достань себѣ очки и видъ прими,
Какъ подлый дипломатъ, что видишь все,
Хоть ты не видишь ничего. Теперь,
Теперь,—ну, ну!—Снимайте-жь сапоги
Съ меня скорѣй, скорѣе; такъ вотъ, такъ.

Эдгаръ.

Какая смѣсь нелѣпостей и дѣла
И разума съ безумьемъ.

Лиръ.

Хочешь плакать

О горестяхъ моихъ, возьми мои
Глаза. Тебя я знаю хорошо.
Ты—Глостеръ. Надо терпѣливымъ быть.
Родимся съ плачемъ мы. Ты знаешь вѣдь,
Что въ первыя минуты, лишь коснется
Насъ воздухъ, жалобно пищимъ и вопимъ.—
Я буду проповѣдывать. Внимай.

Глостеръ.

Какой—о, боги, боги!—день ужасный!

Лиръ.

Родимся мы и плачемъ, что неожиданно
Вдругъ очутились на аренѣ этой
Шутовъ и дураковъ... А хороша
Для проповѣдниковъ такая шляпа?—*)
Вѣдь хитрость славная: на бой собираясь,
Ковать коней пояркомъ, не желѣзомъ.—
Попробую на самомъ дѣлѣ это:

*) Въ подлинникѣ This a good block? Block означаетъ чурбанъ. Стивенсъ говоритъ, что во времена Шекспира block означало и болванъ, имѣвшій форму головы, на которомъ расправлялась шляпа, и самую шляпу, и описываетъ ходъ мыслей и дѣйствій Лира такимъ образомъ: Лиръ, сказавъ, я буду проповѣдывать, снимаетъ съ головы шляпу, потомъ смотритъ на нее и говоритъ: „А хороша для проповѣдниковъ такая шляпа“. Замѣтивъ, что шляпа сдѣлана изъ поярка, переходитъ къ мысли, что было бы хорошо сдѣлать подковы для лошадей не изъ желѣза, а изъ поярка.

Въ зятьямъ неслышно подойду и вдругъ —
Бей-бей, бей-бей, бей-бей.

(Входитъ дворянинъ съ солдатами.)

Дворянинъ.

Вотъ онъ. Берите.--

Мой сэръ, дочь ваша дорогая...

Лиръ.

Что-жь,
Никто не защититъ? Какъ, плѣнникъ я? —
На то и созданъ я, чтобъ быть игрушкой! —
Ахъ, обходитесь со мной получше.
Я выкупъ дамъ.—Ахъ, лѣкаря зовите,—
Я раненъ въ мозгъ.

Дворянинъ.

Вамъ все доставятъ, сэръ.

Лиръ.

И нѣтъ помощниковъ?! И все я самъ? —
Да эдакъ можно обратиться въ соль,
И очи станутъ лейками воды
Соленой, чтобы осенью сухой
Пыль по дорогѣ прибывать...

Дворянинъ.

О, сэръ.

Лиръ.

Умру я бравымъ молодцомъ! Хочу
Веселымъ быть, какъ радостный женихъ.
Ну, что-жь, идемъ. Идемте.—Я—король!
Извѣстно ли вамъ это, господа?

Дворянинъ.

Вы—нашъ король, и мы послушны вамъ.

Лиръ.

А если такъ,—ничего не потеряно. Хотите поймать,—лови-
те.—Са, са, са, са... (Убѣгаетъ; за нимъ и солдаты.)

Дворянинъ.

Такимъ и нищаго увидѣть тяжко,
А короля? — и высказать нѣтъ силъ! —
Но у тебя есть дочь, она любовью
Съ природы сниметъ то небесъ проклятье,
Которое призвали на нее
Другія двѣ.

Эдгаръ.

Привѣтствую васъ, сэръ.

Дворянинъ.

Скорѣе говорите. — Что угодно?

Эдгаръ.

Вы не слыхали-ль, скоро будетъ битва?

Дворянинъ.

О, безъ сомнѣнья, скоро. Знаютъ всѣ. —
Кто только звуки можетъ различать,
Тотъ слышалъ ужь объ этомъ.

Эдгаръ.

Но позвольте

Спросить васъ, сэръ, далеко ли отсюда
Другое войско?

Дворянинъ.

Близко. Скорымъ маршемъ
Спѣшить сюда. Съ часу на часъ мы ждемъ,
Что силы главныя врага увидимъ.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ, — мнѣ только это
И нужно было знать.

Дворянинъ.

Хоть королева

Пока задержана случайно здѣсь
Особою и важною причиною,
Но войско уже двинула она.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ.

Глостеръ.

О, боги, боги!

Вы боги милосердые, возьмите
Скорѣ дѣхъ мой отъ земли, не дайте
Вы духу злобы снова искусить
Меня желаньемъ страстнымъ умереть,
Пока моей не захотите смерти.

Эдгаръ.

Хорошая, отецъ, молитва эта.

Глостеръ.

Кто-жь вы?... Да кто же вы, мой сэръ?

Эдгаръ.

Бѣднякъ,

Котораго фортуна усмирила
Ударами своими.— Тотъ, кто горе
Узналъ, извѣдавъ на себѣ, лишь можетъ
Почувствовать чужое горе.— Дайте
Мнѣ вашу руку. Я васъ поведу,
И мы найдемъ тутъ гдѣ-нибудь жилище.

Глостеръ.

Отъ всей души я васъ благодарю.
Да ниспошлетъ святое небо вамъ
Благословеній много и награды.

(Входитъ Освальдъ.)

Освальдъ.

Провозглашенная награда!— Славно!—
Твое безъ глазъ лицо живетъ на то,
Чтобъ счастье мое поднять.— Ну, ты,
Измѣнникъ жалкій, вспоминай скорѣй
Твои грѣхи!— Мечъ обнажень!— Онъ здѣсь
Тебя и уничтожить.

Глостеръ.

Пусть рука

Твоя, мой другъ, теперь дасть мощь и крѣпость
Удару твоему. Кончай скорѣй!

(Эдгаръ становится между ними противъ Освальда.)

Освальдъ.

Что это? Дерзкій ты мужикъ! Ты смѣешь
Въ защиту брать того, кто всенародно
Измѣнникомъ объявленъ? Прочь отсюда!
Не то тебя захватить, какъ зараза,
Та участь, что назначена ему.
Скорѣе брось его.

Эдгаръ.

Не брошу, сэръ,
Пока другой причины не найдется.

Освальдъ.

Ты бросишь, рабъ, или умрешь немедля.

Эдгаръ.

Ступайте, добрый сэръ, дорогой вашей; не мѣшайте намъ
идти, куда хотимъ. Еслибъ можно было однимъ хвостовствомъ
выгнать меня изъ этой жизни, такъ удалось бы вамъ это дней
четырнадцать тому назадъ.—Нѣтъ, не смѣйте подходить близко
къ старику, не то, берегитесь, я попробую, что крѣпче—ваша
башка или моя дубина. Слышите, я прямо говорю, на-чистую.

Освальдъ.

Прочь, навозная куча!

Эдгаръ.

Ну, такъ я пересчитаю зубки ваши, сэръ. Не страшны мнѣ
всѣ эти штуки вашего меча!...

(Бьются. Эдгаръ ударомъ дубины сваливаетъ Освальда
на землю.)

Освальдъ.

Убилъ меня ты, рабъ проклятый.—На!
Возьми мой кошелекъ, и, если хочешь,
Ты быть вполне счастливымъ, закопай
Мой трупъ и графу Глостеру Эдмонду.
Доставь письмо, которое на мнѣ

Найдешь.—Эдмонда въ войскѣ англичанъ
Ищи.—Онъ тамъ.—О, смерть неожиданная!...

(Умираетъ.)

Эдгаръ.

Тебя я знаю очень хорошо,
Услужливый подлець, слуга пороковъ,
Какого только можетъ пожелать
Развратъ гнуснѣйшій...

Глостеръ.

Умеръ онъ?

Эдгаръ.

Присядь,

Отець, и отдохни. Я осмотрю
Его карманы. О письмѣ сейчасъ
Онъ говорилъ; оно, быть-можетъ, намъ
Сослужить службу.—Умеръ онъ; но жаль,
Что не другой, а я былъ палачомъ
Его. (Вынимаетъ письмо) Посмотримъ... (Распечатываетъ письмо)

Добрый воскъ, позволь.—

Не упрекай меня за это честь.—
Чтобы узнать, что думаютъ враги,
Вскрываютъ даже ихъ сердца, а вскрытъ
Письмо законнѣе, конечно, будетъ.

(Читаетъ.)

«Вспомни наши взаимныя клятвы.—У меня найдется много
случаевъ, чтобъ устранить его навсегда; если только не измѣ-
нить тебѣ рѣшимость. Найдутся и время, и мѣсто. Ничего не бу-
детъ сдѣлано, если онъ вернется побѣдителемъ: тогда я — въ
плѣну и ложе его — моя тюрьма. Избавь же меня отъ ея отвра-
тительной теплоты и, въ награду за трудъ, займи его мѣсто.—

Твоя жена (хотѣла бы я сказать) и любящая служанка

Гонерила».

О, произволь, незнающій границъ,
Разнузданнаго пыла женской страсти!
Тутъ заговоръ на мужа жизнь и замысль
Распутный—мужа чести и добра
Моимъ милѣйшимъ братомъ замѣнить!—
А ты, посолъ проклятый и поганый

Разбойниковъ развратныхъ, я тебя
Здѣсь завалю кой-какъ пескомъ; затѣмъ,
Когда приспѣетъ время, поражу
Взоръ герцога письмомъ, его на смерть
Приговорившимъ. Счастливъ онъ безмѣрно,
Что я могу сказать, что ты убитъ,
И объявить ему, съ чѣмъ былъ ты посланъ!

(Уходитъ, вытаскивая Освальда.)

ГЛОСТЕРЪ.

Король съ ума сошелъ, а какъ же крѣпокъ
Разсудокъ мой подлѣйшій: все держусь,
Хоть чувствую мучительно-глубоко
Невыразимѣйшее горе. Лучше,
Когда-бъ мой умъ разшибенъ былъ и мысль,
Отъ горя отдѣлясь совсѣмъ, игрой
Воображенія туманясь часто,
Самосознанье потеряла!

(Входитъ быстро Эдгаръ.)

ЭДГАРЪ.

Дайте

Мнѣ вашу руку. Кажется, я слышу
Тамъ, вдалекѣ, ужъ барабаны бьютъ.
Въ путь, въ путь! Я подарю вамъ друга тамъ. (Уходятъ.)

Сцена VII.

Палатка въ лагерѣ французовъ.

(Лиръ спитъ въ постелѣ. Врачъ, дворяне и другіе изъ свиты Корделіи.—
Входятъ Корделія и Кентъ.)

КОРДЕЛІЯ.

О, Кентъ мой добрый, что должна я дѣлать
И, даже, какъ устроить жизнь мою,
Чтобы достойно заплатить тебѣ
За все, что сдѣлалъ ты? Жизнь коротка;
И что-бъ я ни придумала, все мало,
Ничто передъ твоею добротой!

КЕНТЪ.

Признаіемъ, государыня, однимъ

Признаемъ того, что сдѣлалъ я,
Заплачено съ лихвой. Повѣрьте мнѣ,
Все, что я вамъ сказалъ, все—истина
Лишь скромная, и ничего въ разсказѣ
Я не прибавилъ, не убавилъ.

Корделія.

Другъ,
Прошу, одѣнься лучше. Это платье
Напоминаетъ о часахъ тяжелыхъ.—
Я умоляю, сбрось его съ себя.

Кентъ.

Простите, дорогая госпожа.—
Быть узаннымъ теперь въ мой планъ не входить,
Вредить ему. Прошу, въ награду мнѣ,
Признать меня не ранѣе, какъ я
И время—мы найдемъ къ тому возможность.

Корделія.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ. (Врачу) Ну, что
Король?

Врачъ.

Изволить почивать еще.

Корделія.

О, боги милосердые, спасите
И язву страшную въ его природѣ,
Жестоко оскорбленной, умъ его
Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ
Въ борьбѣ съ самимъ собою, исцѣлите,
И нѣжно убаюкайте его,
Въ ребенка обращеннаго отца!

Врачъ.

Какъ вашему величеству?... Угодно-ль,
Чтобъ короля теперь мы разбудили?
Онъ ужь довольно почивалъ.

Корделія.

Прошу
Васъ, руководствуйтесь наукой вашей

И дѣлайте, какъ сами вы рѣшите.
Его переодѣли?

Дворянинъ.

Точно такъ:

Совсѣмъ переодѣли, королева.
Мы, пользуясь его глубокимъ сномъ,
Все чистое надѣли на него.

Врачъ.

Прошу васъ, королева, будьте здѣсь,
Когда его разбудимъ. Я ручаюсь,
Что будетъ онъ спокоенъ, тихъ.

Борделія.

Прекрасно.

Врачъ.

Вамъ не угодно-ль ближе подойти.
Гей, музыка, начни!—Играйте громче *).

Борделія.

Отецъ мой дорогой, пускай всѣ силы
Цѣлѣбныя сольются на устахъ
Моихъ и поцѣлуй мой исцѣлитъ
Твои жестокія страданья,—всѣ,
Какія старости твоей почтенной
Могли нанести двѣ дочери твои!

Бентъ.

О, добрая, о милая принцеса!

Борделія.

И еслибъ даже ихъ отцомъ ты не былъ,
Такъ эти пряди бѣлыя волосъ—
Онѣ однѣ должны бы пробудить
Въ нихъ чувство состраданья!—Можно-ль было
Отдать вотъ это самое лицо
На волю буйную стихій и злобныхъ,
Свирѣпыхъ вѣтровъ?! О, возможно-ль было

*) По замѣчанію Стивенса, врачъ хочетъ разбудить Лира музыкой и по-
тому велитъ играть *громко*. Перев.

Отдать его подъ страшные удары
Всепотрясающаго грома, бросить
Подъ грозный пламень молній перекрестныхъ,
Сверкающихъ со всѣхъ сторонъ? Возможно-ль
Тебя, бѣднякъ мой, выкинутый въ ночь,
Заставить всю ее пробыть подъ ливнемъ
И съ головой, прикрытою такъ плохо?!—
Собака даже моего врага,
Хотя бы искусила всю меня,
Лежала-бъ у камина моего
Всю эту ночь; а ты, отецъ мой бѣдный,
Былъ радъ лачугѣ нищей и соломѣ
Гнилой между свиней и межъ воровъ
Неисправимыхъ!—Боги, боги!—Чудо,
Какъ жизнь твоя и умъ не стигли сразу!...
Проснулся!—Ахъ, заговорите съ нимъ!

Врачъ.

Заговорите вы,—такъ будетъ лучше.

Корделія.

Здоровье ваше, повелитель мой?
Что вашему величеству угодно?

Лиръ.

Не хорошо обманывать меня!—
Зачѣмъ вы подняли меня изъ гроба?—
Ты—духъ блаженный, я же къ колесу
Изъ пламени привязанъ. Лютятъ слезы
Мои же на него, кипятъ на немъ,
Какъ бы расплавленный въ огнѣ свинецъ!

Корделія.

Меня вы узнаете, сэръ?

Лиръ.

Ты—духъ.

Я знаю.—Ты когда же умерла?

Корделія.

О, какъ еще далѣко онъ отъ насъ
Своимъ умомъ блуждаетъ!

ВРАЧЬ.

Не совсѣмъ

Еще проснулся онъ, и будетъ лучше
Оставить на минуту одного.

Лиръ.

Гдѣ былъ я? Гдѣ я? Свѣтъ дневной вѣдь это?—
Какъ былъ обмануть я!—Я-бъ даже умеръ
Отъ жалости, когда бы увидалъ
Такимъ, какъ я, другаго.—Нѣтъ, я, право,
Не знаю, чтò и говорить.—Никакъ
Не поклянусь, что руки эти вотъ—
Мои.—Посмотримъ.—Чувствую уколъ
Булавки.—Я увѣрится-бъ хотѣлъ,
Въ какомъ я положеньи.

Корделія.

Сэръ мой добрый,

Взгляните на меня и, руки ваши
Поднявъ надъ головой моей дочерней,
Благословите...

(Лиръ падаетъ на колѣни передъ Корделіей.)

Падать на колѣна...

Нельзя вамъ, мой отецъ и государь!

Лиръ.

Прошу, не смѣйся надо мной! Старики
Я въ самомъ дѣлѣ сумасбродный, глупый,
Восьмидесяти лѣтъ иль даже больше
И, просто, откровенно говоря,
Боюсь, не въ полномъ я теперь разсудкѣ.—
Мнѣ кажется, я долженъ знать тебя...
И вонъ того! А все же сомнѣваюсь...
Все не могу никакъ взять въ толкъ, гдѣ я...
И какъ я ни ломаю головы,
Не въ силахъ вспомнить даже платье это
И гдѣ провелъ послѣднюю я ночь...
Не смѣйтесь надо мной; но мнѣ, какъ вѣрно,
Что я мущина, кажется, что лѣди...
Дитя мое, Корделія!

Корделія.

Я, я!

Лиръ.

А!—Слезы?—Да, ты плачешь.—Нѣтъ не плачь,
Прошу тебя, не плачь!... Скажи: есть ядъ
Съ тобою для меня? Я выпью.—Знаю,
Меня не любишь ты; вѣдь обѣ сестры
Твои меня, насколько помню я,
Обидѣли жестоко, а у нихъ
Къ тому причины не было совсѣмъ...
А у тебя причина есть, большая!

Корделія.

О, никакой! Нѣтъ, никакой!

Лиръ.

Гдѣ я?

Во Франціи?

Кентъ.

О, нѣтъ, мой государь.—

Вы въ королевствѣ, вамъ принадлежащемъ.

Лиръ.

Ахъ, не обманывай меня!

Врачъ.

Ну, вотъ

Утѣштесь, ободритесь, королева!

Онъ исцѣленъ, какъ видите, совсѣмъ

Отъ бѣшенства припадковъ... Все-жъ опасно

Ему бывшее время вспоминать.

Старайтесь больше не смущать его,

Пока не успокоится совсѣмъ.

Корделія.

Угодно ли пройтись вамъ, государь?

Лиръ.

Ахъ, будь ты снисходительна ко мнѣ!

Прошу: забудь, прости! Я—старъ и глупъ...

(Уходятъ Лиръ, Корделія, врачъ и свита.)

Дворянинъ.

А правда-ль, сэръ, что герцогъ Корнвалійскій
Убить, и такъ, какъ говорятъ?

Кентъ.

Да, правда,
И правда несомнѣнная, мой сэръ.

Дворянинъ.

А кто-жь теперь ведетъ его войска?

Кентъ.

Да, говорятъ, сынъ Глостера побочный.

Дворянинъ.

Есть слухи также: выгнанный Эдгаръ,
Другой сынъ Глостера, и съ графомъ Кентомъ
Въ Германіи теперь.

Кентъ.

Да, слуховъ много
И всѣ измѣнчивы они. Пора
Намъ осмотрѣться. Войско герцогини
Спѣшитъ и приближается къ намъ быстро.

Дворянинъ.

Какъ видно, все рѣшится кровью, сэръ.
Прощайте. (Уходитъ.)

Кентъ.

Дѣло сдѣлано вполнѣ,
Приведено къ конечной цѣли. Дурно
Иль хорошо—рѣшить все этотъ день.

ДѢЙСТВІЕ V.

Сцена I.

Лагерь британскихъ войскъ.

(Входятъ съ распущенными знаменами Эдмондъ, Регана, офицеры и свита.)

Эдмондъ.

Отъ герцога узнайте-жь наконецъ:
Остался-ль при послѣднемъ мнѣнїи онъ,
Иль что-нибудь *еще опять* придумалъ?
Измѣнчивъ онъ до-нельзя. Самъ себѣ
Ни въ чемъ не довѣряетъ. Принесите
Намъ неизмѣнное его рѣшенье.

РЕГАНА.

Не доброе случилось что-нибудь
Съ слугой сестры, — навѣрно.

Эдмондъ.

Надо думать.

РЕГАНА.

Теперь, прекрасный лордъ, извѣстно вамъ,
Что сдѣлать я намѣрена для васъ.
Прошу, скажите-жь мнѣ, — но только правду,
И правду сущую, — вы любите-ль
Сестру мою?

Эдмондъ.

Почтительной любовью.

РЕГАНА.

Не пролагали-ль вы себѣ пути,
Буда онъ строго запрещенъ для всѣхъ
Помимо мужа Гонерилы?

Эдмондъ.

Лэди! —

Вы ошибаетесь жестоко.

РЕГАНА.

Я

Боюсь: были съ нею вы, Эдмондъ,
Въ связи, и въ самой близкой...

Эдмондъ.

Никогда,

Клянуся!

РЕГАНА.

Не могу ее терпѣть!—
Мой милый лордъ, не будь же съ ней коротокъ!

Эдмондъ.

Не безпокойся.—Вотъ она и герцогъ.

(Входятъ герцогъ Альбанскій, Гонерила и
солдаты.)

ГОНЕРИЛА (въ сторону).

Я лучше битву проиграть готова,
Чѣмъ уступить, чѣмъ дать, чтобъ у меня
Сестра похитила Эдмонда.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Радъ,

Любезная сестрица, встрѣтить васъ.
Я слышалъ, сэръ, къ Корделии король,
Отецъ нашъ, уже прибылъ и со всѣми
Возставшими на наше управленья
Жестокое.—Я никогда не могъ
Быть храбрымъ въ дѣлѣ съ честью несогласномъ.—
Теперь вооружаюся на бой
Не противъ короля, но противъ тѣхъ,
Кто поднялъ знамя бунта за него,—
Боюсь, сэръ, что правы всѣ они.—
Я обнажаю мечъ мой на французовъ,
На чужеземцевъ, вторгнуться дерзнувшихъ
Въ предѣлы Англійской земли и нашей.

Эдмондъ.

Вы говорите благородно, сэръ.

РЕГАНА.

Но ко-же, къ чему все это?

ГОНЕРИЛА.

Бросьте
Домашніе и частные вы споры,—
Объ нихъ теперь не можетъ быть и рѣчи.
Соединимся всѣ противъ враговъ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Обсудимъ все со старшинами войскъ,
Какъ дѣйствовать намъ нужно.

ЭДМОНДЪ.

Буду, герцогъ,
Васъ непремѣнно ждать въ палаткѣ вашей.

РЕГАНА.

А ты, сестра?—Конечно, съ нами?

ГОНЕРИЛА.

Нѣтъ.

РЕГАНА.

Приличнѣй было-бы такъ!... Прошу, пойдемъ.

ГОНЕРИЛА (въ сторону).

Ого! Загадку эту знаю. (Громко) Ну,—
Иду.

Какъ только Регана, Гонерила и Эдмондъ хотятъ уходить, входитъ Эдгаръ переодѣтый.)

ЭДГАРЪ.

Когда вамъ, герцогъ, съ бѣднякомъ
Такимъ, какъ я, случалось говорить
Хоть разъ, прошу васъ выслушать меня.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ (Реганѣ, Гонерилѣ, Эдмонду).

Идите,—догоню васъ. (Эдгару) Говори.

ЭДГАРЪ.

Не начинайте битвѣ, пока письмо
Вы это не прочтете. Побѣдите,
Немедленно трубой велите звать
Того, кто вамъ его вручилъ. Кажусь

Я очень жалкимъ и презрѣннымъ, герцогъ;
Но вамъ я рыцаря тогда представлю,
Который все, что тутъ прочтете вы,
Докажетъ. Если-жь будете разбиты,
Тогда конецъ для васъ всему, а также
И всѣмъ дѣламъ и кознямъ противъ васъ.—
Счастливы будьте.

Герцогъ Альбанскій.

Подожди, пока

Прочту письмо.

Эдгаръ.

Запрещено мнѣ ждать.—

Когда придетъ пора, велите тотчасъ
Герольду вызовъ протрубить,—явлюсь.

(Уходитъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Коль такъ, прощай. Я просмотрю письмо.

(Входитъ Эдмондъ.)

Эдмондъ.

Враги уже въ виду. Постройте войско.—
Вотъ перечень всѣхъ нашихъ силъ и средствъ.—
Весьма старательно составленъ онъ.
Отъ вашей быстроты зависитъ все.

Герцогъ Альбанскій.

Готовъ я встрѣтить всякую случайность.

(Уходитъ.)

Эдмондъ.

Поклялся я въ любви обѣимъ сестрамъ
И обѣ бѣшено меня ревнуютъ
Другъ къ другу, съ яростью эхиднъ,
Уязвленныхъ жестоко. Что-жь, возьму-ль
Обѣихъ или одну, или ни одной?—
Пока во здравьи вожделенномъ обѣ,
Мнѣ ни съ одной изъ нихъ нельзя связаться:
Возьму вдову, такъ взбѣситъ тотчасъ,
Съ ума сойдетъ сестрица Гонерила.

А съ ней и при ея супругѣ миломъ
Я крѣпко сбить съ моей прямой дороги.—
Ну, что-жь? Пока воспользуемся этимъ
Супругомъ мягкосердымъ, нужнымъ мнѣ
Для битвы; а потомъ—кому угодно
Себя избавить отъ него—и думай
Смахнуть его скорѣй. Что-жь до того,
Что носится онъ съ мыслью о пощадѣ
Корделіи и Лиру послѣ битвы;
Такъ этого и въ жизнь имъ не видать,
Лишь только попадутся къ рукамъ мнѣ.—
Моя теперь главнѣйшая задача—
Не разсуждать, а за себя стоять.

Сцена II.

Поле между двумя лагерями.

(За сценою шумъ.—Проходятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Корделія, Лиръ и ихъ войска. Входятъ Эдгаръ и Глостеръ.)

ЭДГАРЬ.

Вотъ дерево... Пусть будетъ тѣнь его
Хозяиномъ тебѣ гостеприимнымъ.
Садись, отецъ.—Молю я у боговъ
Побѣды полной дѣлу правды. Если-жь
Вернусь, такъ вѣстію моею тебя
Утѣшу.

ГЛОСТЕРЬ.

Милость всѣхъ боговъ съ тобою.

(Эдгаръ уходитъ.)

(Шумъ битвы; затѣмъ отступление. Эдгаръ вбѣгаетъ.)

ЭДГАРЬ.

Скорѣе уходи, старикъ. Дай руку
И уходи.—Лиръ проигралъ сраженіе!—
И онъ, и дочь его уже въ плѣну!

ГЛОСТЕРЬ.

Нейду я дальше,—сгнить могу и здѣсь.

ЭДГАРЬ.

Опять больныя думы! Человѣкъ

Все долженъ перенести—и день рожденья,
И смерти день. Все дѣло только въ томъ,
Чтобы быть готовымъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, и это правда.

(Уходятъ.)

Сцена III.

(Входятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Эдмондъ торжествующий, Лиръ и Корделія, какъ плѣнники, офицеры и солдаты.)

ЭДМОНДЪ.

Увезть отсюда и стеречь ихъ крѣпко,
Пока властителей высокихъ воля
Не изречетъ имъ приговора.

КОРДЕЛІЯ.

Мы

Не первые себѣ находимъ гибель,
Стремясь къ правдѣ и добру.—Сломили
Меня страданья за тебя, несчастный;
Не то иной дала бы я отвѣтъ
Грозамъ судьбы предательской и лживой!—
Увидимъ что ли этихъ дочерей,
Сестрицъ прекрасныхъ этихъ?

ЛИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Идемъ скорѣй въ тюрьму. Вдвоемъ оставшись,
Тамъ будемъ распѣвать, какъ птички въ клѣткѣ!—
Ты будешь у меня, какъ дочь, просить
Благословенія отца, а я
Паду передъ тобою на колѣни
И стану о прощеньи умолять.
Такъ будемъ жить вдвоемъ, молиться, пѣть,
И старья рассказывать былины;
На бабочекъ смѣяться золотыхъ
И слушать разныхъ нищихъ болтовню
О томъ, кто выигралъ, кто потерялъ,

Кто въ милости, а кто попалъ въ опалу...
И будемъ смѣло мы рядить, судить
О самыхъ сокровенныхъ тайнахъ міра,
Какъ будто мы въ боговъ совѣтахъ были!
Переживемъ и переможемъ мы
Въ стѣнахъ темницы тѣсной смуты всѣ
И всѣ волненія народныхъ партій!
Они, какъ волны бурныя морей,
Гремяція по волѣ сильныхъ міра,
То землю заливають, то назадъ
Бѣгутъ, какъ бы луною управляясь.

Эдмондъ.

Убрать отсюда ихъ скорѣй.

Лиръ.

Мы—жертвы

Съ тобой; но на такія приношенья
Бросають сами боги оиміамъ!—
Моя ли снова ты?—Кто разлучить
Захочетъ насъ, тотъ пусть съ небесъ пожаръ
На землю принесетъ и насъ огнемъ
Изъ міра выжжетъ, какъ лисицъ изъ лѣса.
Смотри, не плачь.—Скорѣй проказа злая
Источить и сожретъ ихъ мясо съ кожей,
Чѣмъ мы съ тобой заплачемъ. Да, скорѣй
Отъ голода подохнуть всѣ! Идемъ.

(Лиръ и Корделія уходятъ подъ стражей.)

Эдмондъ.

Сэръ капитанъ, на пару словъ! Послушай,
Возьми записку эту и (отдаетъ записку капитану) иди
Въ тюрьму за ними.—Я тебя повесилъ
На степенъ ужь одну; когда-жь исполнишь,
Что здѣсь предписано, себѣ отгроешь
Бъ блестящей будущности путь. Ты знаешь,
Что человекъ всегда быть долженъ тѣмъ,
Чѣмъ время быть ему велить, и нѣжность
Съ мечомъ непримирима.—Это дѣло—
Внѣ всякихъ возраженій: или скажи

«Исполню», или инымъ путемъ, не здѣсь,
Ищи ужь счастья себѣ.

КАПИТАНЪ.

Исполню,

Милордъ.

Эдмондъ.

Такъ къ дѣлу. Кончено оно,—
Считай себя счастливѣйшимъ на свѣтѣ.
Кончай сейчасъ, не медля ни минуты,
И точно такъ, какъ здѣсь я написалъ.

КАПИТАНЪ.

Я не могу возить телѣги, ѣсть
Овесъ сухой; но если что велятъ
Теперь исполнить—въ силахъ человѣка,
Я въ точности исполню непремѣнно. (Уходитъ.)

(Трубы. Входятъ герцогъ Альбанскій, Гонерила, Регана, офицеры и солдаты.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Вы намъ сегодня показали, сэръ,
Что значитъ ваша храбрость; да и счастье
Вамъ помогло: вы взяли въ плѣнъ тѣхъ самыхъ,
Противъ кого мы бились сейчасъ.
Ихъ требуемъ у васъ!—Поступимъ, сэръ,
Мы съ ними такъ, какъ намъ повелѣваютъ
О нашей безопасности заботы
И уваженъе къ нимъ и сану ихъ.

Эдмондъ.

Я счелъ не лишнимъ, сэръ, чтобы король,
Старикъ несчастный, тотчасъ былъ отправленъ
Подъ вѣрною охраной въ заключенье.
Его лѣта, а санъ его тѣмъ болѣ,
Имѣютъ силу привлекать къ себѣ
Сердца простыхъ людей и могутъ копя,
Послушныя движенью нашихъ глазъ,
Мгновенно остріями повернуть
На насъ самихъ. А съ нимъ отправилъ я
И королеву, по тому-жъ расчету.

Они готовы завтра или позже
На судъ явиться вашъ, куда угодно
Вамъ будетъ ихъ призвать.—Теперь мы всѣ
Покрыты кровію и потомъ. Другъ
Лишился друга. Послѣ битвы каждый,
Кто только испыталъ ея жестокость,
Готовъ виновниковъ ея проклясть,
И для суда надъ Лиромъ и Кордельей
Приличнѣе иное выбрать мѣсто.

Герцогъ Альбанскій.

Позвольте, сэръ, замѣтить: въ этомъ дѣлѣ
Вы для меня лишь подданный,—не братъ.

Регана.

Не братъ!—А этимъ самымъ и хотимъ
Его мы наградить!—Мнѣ кажется,
Что прежде, чѣмъ сказать такое слово,
Не худо было-бъ у меня спроситься.
Онъ—предводитель нашихъ войскъ и насъ
И нашей власти представитель здѣсь!
Стоитъ высоко онъ, и вашимъ братомъ
Онъ смѣло можетъ называть себя!

Гонеріла.

Не горячися такъ! Онъ самъ себя,
И только доблестью своею, поднявъ
Гораздо болѣе, чѣмъ въ силахъ ты
Его возвысить.

Регана.

Властію моею
Онъ облеченъ и равенъ всѣмъ высогимъ!

Гонеріла.

Еще бы несравненно выше сталъ,
Когда бы на тебѣ женился онъ!

Регана.

Шуты пророками бываютъ!...

ГОНЕРИЛА.

Э!

Тагъ глазъ, который это подсказалъ,
Мигаль тебѣ не даромъ, видно! *)

РЕГАНА.

Лэди,

Больна я, а не то отъ полноты
Всѣхъ чувствъ моихъ отвѣтила-бъ какъ надо...

(Эдмонду) Возьмите, генераль, моихъ солдатъ

И плѣнниковъ и все, что я имѣю,

И всѣмъ располагайте, какъ хотите,

И мной самой.—Тебѣ сдалася крѣпость!

Клянуся здѣсь я цѣлою вселенной:

Отнынѣ ты—мой мужъ и повелитель!

ГОНЕРИЛА.

И думаешь, что насладишься имъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ (Гонерилѣ).

И не въ твоей же власти помѣшать

Тому!

ЭДМОНДЪ (герцогу Альбанскому).

И не въ твоей, милордъ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Въ моей,

Бездѣльникъ полукровный!

РЕГАНА (Эдмонду).

Бей же сборъ

И докажи имъ, что мои права—

Твои.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Опомнися, молчи!—Эдмондъ,

Тебя я арестую за измѣну,

За преступленье противъ государства!—

*) Взято изъ англійской пословицы: „влюбленные не даромъ мигаютъ другъ другу“.

Съ тобой и эту (указывая на Гонерилу) въ золотѣ змѣю!—
(Реганъ) А что до вашихъ притязаній, лэди,
Обязанъ я, любезная сестрица,
Взять подъ мою защиту интересы
Моей супруги. Съ этимъ самымъ лордомъ
Она помолвилась ужь прежде васъ,
И допустить никакъ я не могу,
Чтобъ вы вступили въ соглашенье съ нимъ.
Когда угодно выйти замужъ вамъ,
Меня вы можете избрать супругомъ,—
Жена моя ужь отдалась другому.

Гонерила.

Комедія какая!

Герцогъ Альбанскій.

Глостеръ, ты
Вооруженъ! Трубите-жь вызовъ! Если
Не явится никто, чтобъ на тебѣ
Самомъ предъ всѣми доказать, что ты
Отъявленный злодѣй и много разъ
Предатель,—здѣсь залогъ бросаю съ клятвой,
(Бросаетъ перчатку.)

Что хлѣба не коснусь, пока на сердцѣ
Твоемъ не докажу, что ты—мерзавецъ
Не менѣе того, какимъ тебя
Провозгласилъ я здѣсь.

Регана.

Какая боль!

Какъ больно, тяжело!

Гонерила (въ сторону).

А если-бъ нѣтъ,—
Я-бъ въ ядѣ усомнилась!

Эдмондъ.

На обмѣнъ
Возьми. (Бросаетъ перчатку.) Кто-бъ ни дерзнулъ меня назвать
Измѣнникомъ,—солгалъ, какъ негодяй.
Пусть явится. Трубите вызовъ, трубы!

На немъ и на тебѣ, на комъ угодно,
Я докажу и честь мою, и правду.

Герцогъ Альбанскій.

Герольда, го!

Эдмондъ.

Герольда, го! Герольда!

Герцогъ Альбанскій.

Теперь надѣйся только на себя,—
Твоихъ солдатъ не существуетъ больше:
Я ихъ собралъ, и я ихъ распустилъ.

Регана.

О, боль меня совсѣмъ одолеваетъ!

Герцогъ Альбанскій.

Она больна,—въ шатеръ мой отведите.

(Уводятъ Регану. Входитъ герольдъ.)

Сюда, герольдъ! Прочти вотъ это громко,
И пусть трубить. (Передаетъ герольду листъ.)

Офицеръ.

Трубите-жь трубы! Эй! (Трубы).

Герольдъ (читаетъ.)

«Если найдется въ нашемъ войскѣ человекъ, надлежащаго званія и происхожденія, который захочетъ доказать, что Эдмондъ, принимаемый за графа Глостера,—много разъ предатель, то пусть явится по третьему звуку трубы. Противникъ здѣсь и готовъ защищаться».

Эдмондъ.

Трубить!

(Трубить).

Еще!

(Трубить).

Еще!

(Трубить. Въ отвѣтъ трубить за сценой. Входитъ Эдгаръ. Впереди его идетъ трубачъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спросить, зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ явился
На трубный вызовъ?

ГЕРОЛЬДЪ.

Кто вы? Ваше имя
И ваше званье? Почему, скажите,
Явились вы теперь на этотъ вызовъ?

ЭДГАРЪ.

Мое погнбло имя. Изглодалъ
И съѣлъ его измѣны острый зубъ,
Измѣны злой и ядовитой!—Но
Я такъ же благороденъ, какъ и тотъ,
Съ кѣмъ въ бой вступить хочу.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Кто твой противникъ?

ЭДГАРЪ.

Кто здѣсь за графа Глостера Эдмонда?

ЭДМОНДЪ.

Онъ самъ. Что-жь дальше будетъ?

ЭДГАРЪ.

Обнажи

Твой мечъ, чтобъ могъ онъ наказать меня,
Когда моею рѣчью оскорблю
Я сердце благородное твое!
Мой мечъ готовъ. Внимай! По праву чести,
По праву клятвы мной произнесенной,
По праву моего призванья въ жизни,
И несмотря на молодость и силу
На храбрость и величїе твои,
На твой побѣдный мечъ и на твое
Недавно ярко вспыхнувшее счастье,
Предъ всѣми объявляю: ты—предатель
И плутъ, обманщикъ подлый предъ богами,
Передъ отцомъ твоимъ и передъ братомъ,
Измѣнникъ, заговорщикъ передъ принцемъ,
Отъ темя до подошвы ногъ твоихъ,
До пыли самой подъ ногами ты
Чернѣй и гаже самой гадкой жабы.

Скажи, что нѣтъ, и этотъ самый мечъ
И эта вотъ рука моя докажутъ,
И на тебѣ самомъ, что лжешь безстыдно,
Что слово истинно мое.

Эдмондъ.

Конечно,

Благоразумнѣй было бы узнать,
Кто ты, потомъ уже съ тобою биться;
Но видъ твой такъ воинственно прекрасенъ,
И воспитаньемъ благороднымъ дышитъ
Такъ рѣчь твоя, что я пренебрегу
Всѣмъ тѣмъ, на что по рыцарскимъ законамъ
Имѣю право. Возвращаю вспять
На голову твою всѣ тѣ извѣты
И на сердце твое тѣ лжи, какія
Здѣсь бросилъ ты въ меня. Онѣ, блеснувъ,
Едва меня задѣли; но мой мечъ
Имъ путь туда проложить, гдѣ онѣ
Останутся на вѣкъ. Трубите бой!

(Трубить призывъ къ бою. Эдгаръ и Эдмондъ дерутся. Эдмондъ падаетъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спасите мнѣ его, спасите!...

Гонерила.

Глостеръ,

Тутъ заговоръ! По рыцарскимъ законамъ
Не могъ ты драться съ неизвѣстнымъ! Нѣтъ,
Не побѣжденъ ты,—обойденъ, обмануть!

Герцогъ Альбанскій.

Заприте ротъ свой, госпожа честная,
Иль я заткну вотъ этою бумагой. (Подала письмо Эдмонду.)
Ты, сэръ, бери ее.—Читай, читай
Ты, подлый изъ людей подлѣйшихъ; въ ней
Читай твою всю гнусность. (Гонерила хочетъ рвать письмо.)

Нѣтъ, не рвать!

Письмо ты знаешь хорошо, я вижу.

ГОНЕРИЛА.

Ну, знаю. Что-жь? Законы не въ твоей,
Въ моей вѣдь власти; кто же у меня
Дерзнетъ потребовать отчета въ этомъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Чудовищно!—Такъ знаешь ты письмо?

ГОНЕРИЛА.

Прошу не спрашивать, что знаю я. (Уходитъ.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

За ней скорѣе. Внѣ себя она.—
За ней смотрите зорко.

ЭДМОНДЪ (въ предсмертной тоскѣ).

Все, въ чемъ только

Меня винули, я во всемъ виновенъ
И даже въ большемъ и гораздо большемъ.—
Откроетъ время все.—Но это все
Теперь ужъ стало прошлымъ, какъ и я.—
Но кто-жь ты мой счастливый побѣдитель?—
И если крови благородной ты,
Тебя прощаю я.

ЭДГАРЪ.

Прощеньемъ мы

Съ тобою обмѣняемся теперь!—
По крови благороденъ я не менѣй,
Чѣмъ ты, а если болѣй, такъ и зло,
Которое ты мнѣ нанесъ, Эдмондъ,
Становится гораздо большимъ. (Снимаетъ съ себя шлемъ). Я—
Эдгаръ, я братъ твой по отцу.—Какъ боги
И ихъ судьбы надъ нами правосудны!
Любезные для насъ пороки наши
Становятся орудьемъ каръ для насъ же:
За темное зачатіе тебя
Въ грѣхѣ отецъ нашъ зрѣньемъ заплатилъ.

ЭДМОНДЪ.

Ты правду говоришь.—Сказалъ ты вѣрно!—

Свершило колесо свой оборотъ,
И я—вотъ здѣсь.

Герцогъ Альбанскій (Эдгару).

И по твоей походкѣ
Я ждалъ, что ты властительнаго рода.—
Дай обниму тебя. Пусть горе мнѣ
Все сердце истерзаетъ, если только
Въ себѣ я ненависть когда-нибудь
Питалъ къ тебѣ или къ твоему отцу.

Эдгаръ.

Я знаю это очень хорошо,
Мой принцъ великодушный!

Герцогъ Альбанскій.

Гдѣ-жь однако
Скрывался ты? И гдѣ и какъ узналъ
О страшныхъ бѣдствіяхъ отца?

Эдгаръ.

Когда
Водилъ я и питалъ его, мой лордъ.—
Послушайте короткій мой рассказъ.—
Какъ кончу, пусть и сердце у меня
Отъ боли разорвется пополамъ!—
Отъ страшнаго бѣжалъ я объявленья,
Грозившаго концомъ кровавымъ мнѣ.
Оно гналось за мною по пятамъ.—
Какъ дорога намъ жизнь!—Готовы лучше
Мы, ежечасно умирая, жить,
Чѣмъ сразу умереть!—Придумалъ я
Надѣть лохмотья нищихъ на себя,
Принять наружность тѣхъ, кто даже псамъ
Противенъ, и, скитаясь такъ, отца
Я встрѣтилъ. На лицѣ его увидѣлъ
Кровавыя лишь кольца вмѣсто глазъ,
А камни самоцвѣтныя, что въ нихъ
Сіяли, навсегда пропали!—Сталъ
Его водить и нищить за него

И отъ отчаянья спасти его
Мнѣ удалось.—Зачѣмъ, зачѣмъ тогда
Я не сказалъ ему, кто я? Зачѣмъ
Скрывался отъ него?—Лишь полчаса
Тому назадъ, на бой вооружаясь
И на успѣхъ хотя надѣясь, все-жь,
Не будучи вполнѣ увѣренъ въ немъ,
Я сталъ просить отца благословить
Меня и рассказалъ ему тутъ все,
Всѣ странствія мои.—Но не могло
Его надорванное сердце вынести
Борьбы двухъ сильныхъ чувствъ—и радости,
И горя,—разорвалося на части,
Улыбку на устахъ его оставя.

Эдмондъ.

Меня рассказъ твой тронулъ.—Будетъ онъ
Источникомъ добра быть-можетъ.—Но
Кончай.—Ты смотришь такъ, какъ будто хочешь
Сказать еще намъ что-то.

Герцогъ Альбанскій.

Если то,
Что можешь намъ сказать, еще печальнѣй,—
Не говори. И отъ того, что слышалъ,
Готовъ слезами захлебнуться я!

Эдгаръ.

Кто горестей другихъ людей не любитъ,
Тому довольно ужъ моихъ страданій;
Тому-жь, кто тѣшится чужимъ мученьемъ,
Кому ихъ нужно больше,—расскажу
О горѣ страшномъ, крайности достигшемъ *).

*) Варбуртонъ, выписавъ начало рѣчи Эдгара изъ подлинника:

This would have seem'd a period
To such as love not sorrow; but another,
To amplify too-much, would make much more
And top extremity,—

говорить: „Читатель ясно видитъ, что это разсужденіе относится и къ герцогу Альбанскому, который говоритъ, что для него достаточно уже разсказа о страданіяхъ Эдгара, и къ Эдмонду, который желаетъ слышать продолженіе

Какъ я стоналъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ
Вдругъ подошелъ ко мнѣ. Меня онъ видѣлъ,
Когда я былъ въ презрѣнномъ самомъ видѣ,
И избѣгалъ меня; но тутъ узнавъ,
Нежданно, гдѣ былъ тотъ бѣднякъ несчастный,
Ко мнѣ на шею кинулся, и громко
Вдругъ зарыдавъ, могучими руками
Меня такъ сильно обнялъ, что, казалось,
Одно лишь небо развѣ было въ силахъ
Объятія такіа разорвать. —
Потомъ, упавъ на моего отца
Трупъ бездыханный, мнѣ онъ рассказалъ
Такую повѣсть, полную страданій,
О Лирѣ, о себѣ, какой еще
И не слыхало ухо человѣка. —
Съ рассказомъ выросло его горе,
И стали постепенно разрываться
Всѣ струны крѣпкой его жизни. — Тутъ
Услышалъ я второй уже призывъ
И старика съ отчаяньемъ его
Оставилъ.

Герцогъ Альбанскій.

Кто же это?

Эдгаръ.

Кентъ, мой герцогъ. —

Кентъ изгнанный. — Въ одеждѣ рабской онъ
Не покидалъ ни на минуту Лира,
Враждебнаго ему, и службу несъ,
Какою погнушался-бъ и невольникъ.

(Входитъ дворянинъ съ окровавленнымъ ножомъ.)

Дворянинъ.

О, помогите, помогите!

Эдгаръ.

Въ чемъ

Помочь, что нужно?

повѣствованія. Эти стихи сильно искажены⁴. Въ этомъ согласенъ съ Варбуртономъ и Стивенсъ. Оба они восстанавливаютъ первоначальный смыслъ искаженныхъ стиховъ такъ, какъ мы передаемъ его въ нашемъ переводѣ. *Перев.*

Герцогъ Альбанскій.

Говори скорѣй.

Эдгаръ.

Что значитъ этотъ ножъ окровавленный?

Дворянинъ.

Вотъ онъ еще горячъ, еще дымится!

Онъ только-что изъ сердца вынуть.

Герцогъ Альбанскій.

Кто

Убить? Да говори!

Дворянинъ.

Супруга ваша,

Супруга ваша, сэръ!—Она же, сэръ,

Сестру свою Регану отравила!—

Сама она, сама призналась!

Эдмондъ.

Я

Съ обѣими помолвленъ былъ, и всѣхъ

Троихъ насъ сочетала бракомъ смерти!

Герцогъ Альбанскій.

Несите ихъ сюда живыхъ или мертвыхъ.

Свершился судъ небесъ предъ нами явно,

И содрогаемся невольно мы;

Но чувство состраданья въ насъ молчить.

Эдгаръ.

Вотъ Кентъ!

Герцогъ Альбанскій.

Ахъ вотъ и онъ!—Графъ Кентъ, теперь

Намъ нѣтъ возможности васъ встрѣтить такъ,

Какъ было-бъ надо.

Кентъ.

Я пришелъ сюда

Чтобъ пожелать ночей впередъ покойныхъ

Владыкѣ моему и королю...

Его здѣсь нѣтъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Мы главное забыли.

Скажи, Эдмондъ, гдѣ нашъ король и гдѣ Корделія? (Вносятъ труны Реганы и Гонерилы.)

Ты видишь это, Кентъ?

Кентъ.

Но что-жъ такое это?

Эдмондъ (въ сторону.)

Быль же ты

Эдмондъ любимъ! Изъ-за тебя одна

Другую отравила, а затѣмъ

Убила и себя.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Вотъ такъ всегда

Бываетъ!—Лица имъ закройте.

Эдмондъ (въ сторону.)

Я

Едва уже дышу.—Хоть что-нибудь

И доброе желается мнѣ сдѣлать.

Осилю я мою природу. (Въ слухъ) О!

Скорѣй пошлите, и скорѣй какъ можно,

Въ тюрьму. Моя записка тамъ.—Жизнь Лира,

Корделии зависить отъ нея.—

Скорѣй, скорѣй...

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Бѣгите,—ахъ, бѣгите!

Бѣгите же скорѣй!

Эдгаръ (Эдмонду).

Къ кому, милордъ?

Кому же данъ приказъ? Хоть что-нибудь

Пошлите въ знакъ отмѣны повелѣнья.

Эдмондъ.

Ахъ, хорошо, что вспомнилъ!—Вотъ мой мечъ...

Отдайте капитану тамъ въ тюрьмѣ.

Герцогъ Альбанскій (Эдгару).

Спѣши, твоею жизнью заклинаю. (Эдгаръ убѣгаетъ.)

Эдмондъ (въ предсмертной истомѣ).

Твоя жена и я, мы приказали
Въ тюрьмѣ Корделию повѣсить... Ей
Самой такую смерть въ вину поставить,
Сказавъ: себя съ отчаянья убила.

Герцогъ Альбанскій.

О, боги, защитите вы ее!—(Указывая на Эдмонда).

Возьмите прочь его отсюда, прочь!

(Входитъ Лиръ съ Корделией на рукахъ, Эдгардъ, офицеры и другіе.)

Лиръ.

О, войте, войте, войте, войте всѣ!
О, каменные люди! Если-бъ ваши
Глаза и языки мои были,
Я ими-бъ такъ вселенную потрясъ,
Что лопнулъ бы и сводъ небесный!—О,
Ушла она, ушла и навсегда!—
Могу судить, кто умеръ или нѣтъ.—
Мертва, какъ эта мертвая земля!
Скорѣе дайте зеркало, скорѣй!...
И если отъ ея дыханья станеть
Оно тускнѣть не много или одно
Хоть пятнышко огажеться на немъ,—
Жива!

Бентъ.

Да не кончина-ль это міра?!

Эдгаръ.

Иль образъ страшный ужасовъ ея?

Герцогъ Альбанскій.

На землю пасть и умереть!

Лиръ.

Перо

Вѣдь движется!—Жива, жива она!—

Ахъ, еслибъ такъ!—Я-бъ былъ вознагражденъ
За всѣ мученія, какими только
Когда-либо страдалъ!

Кентъ.

О, господинъ

Мой добрый!

Лиръ.

Прочь, прошу тебя я, прочь!

Эдгаръ.

Вѣдь это честный Кентъ, вашъ вѣрный другъ.

Лиръ.

Чума на васъ, чума на всѣхъ убійцъ,
Предателей!—Я-бъ могъ ее спасти!—
Ея ужъ нѣтъ теперь, ушла на вѣки!
Корделія, Корделія, постой!
Да подожди хотя немного! А... чу!
Что говоришь ты?—Голосъ у нея
Всегда былъ тихъ и сладостенъ и нѣженъ!
Для женщины какъ это хорошо!
Раба убилъ я, что тебя повѣсилъ.

Офицеръ.

Такъ точно, лорды, онъ его убилъ.

Лиръ.

А развѣ не убилъ?—Ахъ, было время,
Мой мечъ кусался больно. Всѣхъ бы ихъ
Заставилъ онъ попрыгать!—Старъ я сталъ
И эти всѣ напасти догнали
Меня въ конецъ!—Кто вы такіе—а?
Глаза мои ужъ не изъ лучшихъ.—Я
Скажу вамъ прямо...

Кентъ.

Если только счастье

Захочетъ хвастать предъ людьми своей
Любовью къ нимъ или своей враждою
И дать примѣры той или другой,
Одинъ такой мы видимъ передъ нами.

Лиръ.

Туманно какъ-то здѣсь! Не Кентъ ли это?

Кентъ.

Онъ самый, вашъ слуга. А гдѣ-жь вашъ Кайюсъ?
Что съ нимъ?

Лиръ.

Хорошій былъ онъ малый.—Что
И говорить!—Захочетъ вздуть кого,
Такъ это—сразу, живо у него.
Онъ умеръ ужь и сгнилъ.

Кентъ.

Ахъ, нѣтъ, милордъ,
Вашъ Кайюсъ—я.

Лиръ.

А это я сейчасъ
Увижу...

Кентъ.

Тотъ, кто съ перваго мгновенья
Несчастливыхъ вашихъ ссоръ и вашихъ бѣдъ,
Во слѣдъ вамъ, твердо, неизмѣнно шель
Печальной вашей дорогой.

Лиръ.

Радъ
Тебѣ.

Кентъ.

Ни мнѣ и никому другому!—
Безрадостно и мрачно, мертво все.—
Двѣ старшія изъ вашихъ дочерей
Себя ужь осудили до суда
И умерли съ отчаянія объ.

Лиръ.

Да, да, такъ точно думаю и я.

Герцогъ Альбанскій.

Не знаетъ самъ, что говорить!—Напрасно
Стараемся о томъ, чтобъ насъ призналъ.

ЭДГАРЪ.

Конечно.

(Входитъ офицеръ.)

ОФИЦЕРЪ.

Графъ Эдмондъ уже скончался...

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Ну, стоитъ ли объ этомъ говорить!—
Друзья и лорды наши, знайте всё
Намѣреніе наше. Мы хотимъ
Все сдѣлать, что лишь только будемъ въ силахъ,
Чтобъ нашего великаго страдальца
Хоть малымъ чѣмъ утѣшить при разгромѣ
Всего, что было дорого ему:
Передаемъ отцу всецѣло нашу
Неограниченную власть, и пусть
Господствуетъ монархъ многострадальный,
Пока онъ живъ. А что до васъ, то мы
Возстановляемъ въ прежней силѣ ваши
Права съ прибавкой почестей, наградъ,
Которыхъ болѣй чѣмъ достойны вы.—
Утѣшу васъ, друзья, за доблесть вашу
И выпьютъ чашу горькую враги!

Лиръ.

И ты, дурашка *) милая моя,
Повѣшена!—Нѣтъ, нѣтъ въ ней болѣй жизни!—
Живутъ же вѣдь собака, лошадь, мышь;
А ты не дышишь? Ты?—И не придешь
Ужъ больше никогда и никогда!...
О, никогда! О, никогда!—Скорѣй,
Прошу, тутъ растегните.—Очень, сэръ,
Вамъ благодарень!—Видите вы это?—
Смотрите на нее, смотрите... Губки
Ея... Сюда смотрите вы... Сюда
Смотрите... (Умираеть.)

*) Въ подлинникѣ: my poor fool is hang'd. Буквально „мой бѣдный шутъ (или дуракъ) повѣшенъ“. *Стивенсъ* справедливо говоритъ, что тутъ poor fool есть выраженіе нѣжности, обращенное Лиромъ къ умершей Корделии.

Эдгаръ.

Дурно съ нимъ... Милордъ, милордъ!

Кентъ.

О, разорвися сердце, разорвись,
Молю тебя.

Эдгаръ.

Взгляните, государь!—

Кентъ.

Нѣтъ, духа не тревожь его, не мучь.
Пусть мирно отойдетъ. Возненавидитъ
Онъ тѣхъ, кто долѣе его задержитъ
Въ жестокихъ пыткахъ этой жизни.

Эдгаръ.

О,

Ужъ умеръ онъ на самомъ дѣлѣ!

Кентъ.

Чудомъ,

Захватомъ уже лишнимъ жизни было
И то, что выносилъ такъ долго онъ
Такія тяжкія страданья здѣсь.

Герцогъ Альбанскій.

Теперь несите ихъ отсюда. Первой
Заботой будетъ общее намъ горе.

(Кенту и Эдгару.)

Друзья моей души, возьмите оба
Правленье на себя, и государство
Облитое такъ кровью поддержите!

Кентъ.

Я скоро, сэръ, отправлюсь въ путь туда,
Куда мой государь зоветъ меня!—
Ему повиноваться долженъ я.

Герцогъ Альбанскій.

И мы, неволью повинуюсь гнету
Минуты горестной, здѣсь говоримъ

Лишь то, что чувствуемъ, не то, чтобъ должно
Намъ было говорить.—Онъ, престарѣлый,
Страданій столько вытерпѣлъ, что намъ
И юнымъ не подъ силу было-бъ вынести,
И какъ онъ жилъ, намъ долго-бъ не прожить.

(Уходить всѣ за похороннымъ маршемъ.)

К о н е ц ъ .

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
5	7 св.	приняли,	пріяли,
6	12 сн.	металла	метала
9	1 сн.	О, мужественный	О, могущественный
11	12 св.	Убей врага	Убей врача
38	6 сн.	Боги всемогущіе	Боги всемогущи
56	14 св.	король	король—
63	1 сн.	поработать	пеработать
64	11 св.	лишь дождикъ	какъ дождикъ
65	3 сн.	издохни сонъ проклятый	издохните вы спомъ
69	3 сн.	Регана, ты... ты за руку берешь ее	Регана, ты... ты за руку берешь Ее
78	3 сн.	Вѣснуйтесь и дуйте, вѣтры, такъ	Вѣснуйтесь, злитесь, дуйте, вѣтры, такъ
80	19 св.	Здѣсь его милость и его исподнее платье	Здѣсь его милость и его изнанка *)
82	3 сн.	жителямъ	зрителямъ
84	17 св.	Въ моей душѣ все чувства загнушила.	Въ моей душѣ въ ней чувства загнушила
87 1, 2 и 3 св.		Природу. Мода что-ли ужъ такая Ведется—истреблять отцевъ нещадно За то, что дѣти выгнали ихъ вонъ.	Природу. Мода что-ли ужъ такая— Нещадно истреблять отцевъ за то, Что ихъ же дѣти выгнали ихъ вонъ.
97	3 сн.	жесткія сердца	жестокія сердца
97	18 сн.	будьдога	бульдога
98	12 сн.	тамъ ты найдешь	найдете тамъ
104	14 сн.	что вы хотите дѣлать?	что дѣлать вы хотите?!
107	23 св.	не нужно зрѣнія мнѣ	не нужно зрѣнье мнѣ
107	4 св.	Не бурями	Но бурями
107	12 св.	Отца	отца
139	11 сн.	Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ	Разбитый, въ хаосъ страшный превращенный,
141	12 св.	лачугѣ нищей	лачугѣ грязной
146	10 сн.	но противъ	не противъ
146	1 сн.	ко-же	Однако-же
147	15 св.	Приличнѣй было бы такъ	Приличнѣй было-бъ такъ
158	1 сн.	мо ты знаешь хорошо	письмо ты знаешь хорошо
161	13 св.	разорвалось на части	разорвалоcя на части

*) Въ подлинникѣ: „here's grace and a sod-piece“, т.-е. „здѣсь его милость и гульфикъ штановъ“. Стивенсъ видитъ въ этомъ намекъ на современную Шекспиру поговорку: „ниже пояса нѣтъ благоразумія!“

Примѣчаніе къ 9 строкъ 11 страницы:

Во всехъ изданіяхъ Шекспира до Кольтера: if on the tenth day, въ нашемъ переводѣ: „Но ежели въ десятый день; то же указаніе на десятый день сохранено во всехъ переводахъ нѣмецкихъ, намъ извѣстныхъ до 1873 года. Въ изданіи же Кольтера: if on the seventh day, и согласно чему слѣдуетъ въ переводѣ читать: „Но если утро въ день седьмой“. Н. Кетчеръ слѣдуетъ въ этомъ мѣстѣ своего перевода кольтеронскому изданію.